

РОССИЯ В ГЛОБАЛЬНОЙ ПОЛИТИКЕ

Т. 4 · № 4 · ИЮЛЬ – АВГУСТ · 2006

Содержание

Азия, социализм и советское наследие *Фёдор Лукьянов* 5

Индийская партия

Индия и политическое равновесие *Си Раджа Мохан* 8

Индия очень скоро может превратиться в великую державу, способную изменить баланс сил в мире. Крупнейшее многонациональное государство с мощной экономикой и незападной моделью демократии, она способна сыграть ключевую роль в грядущих великих сражениях. Вашингтон признаёт потенциал американо-индийского альянса, но чтобы реализовать его, сотрудничать с Индией придется на ее условиях.

«Быть индийцем — это большое преимущество»
Любовь Рыклина 26

За считанные годы Лакшми Миттал превратился из малоизвестного предпринимателя чуть ли не в мирового стального монополиста. Его взлет стал не только примером удивительного личного успеха, но и символом новых мощных сил, пробивающих себе дорогу на экономический и политический Олимп планеты.

После «стальной» битвы *Игорь Юргенс* 32

Первая попытка крупной российской компании вступить в противоборство за активы с транснациональным гигантом закончилась неудачей. Нашему молодому бизнесу предстоит извлечь уроки из случившегося, тщательно изучив опыт других, в том числе и нынешнего конкурента — стремительно ворвавшегося в ряды мировой элиты индийца Лакшми Миттала.

Уран, торий и режим нераспространения *Эндрю Пикфорд* 40

Значение ядерной сделки между Соединенными Штатами и Индией выходит далеко за рамки сотрудничества обеих стран. Во-первых, она прокладывает путь к принципиально иному восприятию режима нераспространения. Во-вторых, намечает контуры нового стратегического треугольника США — Индия — Австралия, который в состоянии совершить переворот в азиатской геополитике.

Азиатские горизонты

- Лекарство от сомнений** *Ольга Борох, Александр Ломанов* 52
 Столкнувшись с нарастанием дисбалансов во внутреннем развитии, китайское руководство решило реанимировать марксистскую идеологию. В КНР развернулась «третья великая дискуссия» о реформах, основное содержание которой составляет критика прозападных экономистов-либералов.
- Мафия XXI века: сделано в Китае** *Владимир Овчинский* 65
 Рост экономической мощи и глобального политического влияния Китая имеет свои оборотные стороны. Одной из них становится повсеместная активизация китайской организованной преступности и ее выход на лидирующие позиции по всему миру. России это сулит особенно серьезные проблемы.
- Дальневосточный треугольник** *Наташа Курт* 77
 До недавнего времени российский Дальний Восток оставался на периферии политического внимания руководства страны, однако сейчас ситуация начинает меняться. Это создает новые возможности для расширения отношений с Японией и Китаем, хотя развитие контактов затруднено большим количеством проблем.
- Уроки Европы и примирение в Азии** *Карл Кайзер* 88
 Европейец испытывает смешанное чувство, наблюдая за ситуацией в Восточной Азии. С одной стороны, поражают необычайные темпы экономической интеграции региона. С другой — тревожат усиление шовинизма и национализма, рост напряженности и гонка вооружений, напоминающие крайне печальный опыт самого Старого Света.

Люди и власть

- Куба Фиделя Кастро: последняя глава**
Карлос Альберто Монтанер 102
 Пользуясь фразеологией классиков марксизма-ленинизма, можно утверждать: на Кубе созрели все объективные и субъективные предпосылки для политических перемен. Молодое поколение смертельно устало жить в условиях изоляции, в отсутствие малейшей возможности для роста. И модель, построенная Фиделем, не переживет ухода вождя.
- Венгерское восстание: было ли поражение неизбежным**
Чарльз Гати 113
 Антисоциалистическое восстание в Венгрии, 50-летие которого отмечается в этом году, давно стало достоянием истории. Однако трезвый анализ тогдашних событий представляет не только академический интерес — понимание механизмов большой политики полувековой давности полезно и для верной оценки многих современных событий.
- Лидерство в преобразованиях и национальная стратегия США**
Джозеф Най-младший 126
 Нынешний лидер Америки стремится снискать лавры президента, оставившего заметный след в истории внешней политики США. Акцент на продвижении демократии и придании нового облика Ближнему Востоку — одно из проявлений этих настойчивых усилий. Однако стиль руководства и политические решения Джорджа Буша-младшего — особенно о вторжении в Ирак, возможно, уже заказали ему путь к такой славе.

- Партии всех стран, объединяйтесь! *Андрей Климов* 137
 Партийные системы многих государств переживают сегодня значительный кризис. На Западе даже заговорили о том, что партии совсем устарели и им на смену приходят организации гражданского общества. На самом деле роль партий возрастает, как, впрочем, и лежащая на них ответственность.

Советское наследие

- История как средство самоидентификации *Рой Медведев* 148
 Распад советской «семьи народов» выявил многие болевые точки и заставил формирующиеся нации иначе взглянуть на самих себя. Новое прочтение истории как основы национального самосознания сыграло и играет важнейшую роль в процессе становления практически всех государств — участников СНГ. Тем более что выстраивать государственность многим пришлось практически с нуля.

- Русская диаспора в независимой Украине *Борис Зажигаев* 163
 После достаточно неожиданного обретения Украиной независимости мало кто из русскоязычных граждан страны верил в возможность построения там национального государства. Межнациональные отношения людей почти не беспокоили. Стремительная «украинизация» жизни застала многих врасплох.

- «Новые» русские в Латвии *Роберт Сондерс* 173
 Русскоязычные жители стран Балтии испытывают многочисленные трудности. Но они всё более отчетливо осознают преимущества глобальной интеграции перед политикой реваншизма, к которой их толкают шовинистические агитаторы в Российской Федерации.

- Стратегическая дилемма Центральной Азии *Фарход Толипов* 182
 В эпоху борьбы против терроризма центральноазиатские государства оказались на пересечении интересов крупнейших мировых держав — прежде всего России и США. Однако ни выбор «патрона», ни метания между «полюсами» не станут залогом успешного развития региона. Ключ к успеху — в осознании Центральной Азией своего единства и в формировании самостоятельной повестки дня.

Рецензии

- Национализм против демократии *Сергей Караганов* 192
 Магия слов *Иван Сухов* 196
 Европа как осознанная необходимость *Александр Кузяков* 199
 Европейские наследники «призрака коммунизма»
Владимир Швейцер 203
 «Неэстрадная» политология *Павел Кандель* 207

ПОПЕЧИТЕЛЬСКИЙ
СОВЕТ

*Председатель
попечительского совета*
ПОТАНИН В.О.
«Интеррос»

ВАЙНШТОК С.М.
ОАО «АК «Транснефть»»

ВАРДАНИЯ Р.К.
«Тройка-Диалог»

ВЕКСЕЛЬБЕРГ В.Ф.
ОАО «СУАЛ-Холдинг»

ГЕНЕРАЛОВ С.В.
*председатель совета директоров
Ассоциации по защите прав
инвесторов*

ЕВТУШЕНКОВ В.П.
АФК «Система»

КУЗЫК Б.Н.
«Новые программы и концепции»

КУЗЯЕВ А.Р.
«ЛУКОЙЛ Оверсиз Холдинг Лтд.»

ОКУЛОВ В.М.
ОАО «Аэрофлот»

УЧРЕДИТЕЛИ

ОБЩЕСТВЕННЫЙ СОВЕТ
ПО ВНЕШНЕЙ
И ОБОРОННОЙ ПОЛИТИКЕ

РОССИЙСКИЙ СОЮЗ
ПРОМЫШЛЕННИКОВ
И ПРЕДПРИНИМАТЕЛЕЙ
(РАБОТОДАТЕЛЕЙ)

ОАО «РЕДАКЦИЯ ГАЗЕТЫ
“ИЗВЕСТИЯ”»

Издается АНО РИД «Глобус»

ЗАРЕГИСТРИРОВАН
в МИНИСТЕРСТВЕ РФ ПО ДЕЛАМ
ПЕЧАТИ, ТЕЛЕРАДИОВЕЩАНИЯ
И СРЕДСТВ МАССОВЫХ
КОММУНИКАЦИЙ
ПИ № 77-12900
от 3 июня 2002 г.

Адрес редакции:
Россия, 103873, Москва
ул. Моховая, 11, стр. 3 «В»
Тел.: (095) 980-7353
Факс: (095) 937-7611
E-mail: info@globalaffairs.ru
http://www.globalaffairs.ru

Отпечатано в ОАО «Калужская
типография стандартов»
Заказ № 1833.
Общий тираж 10 000 экз.

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

КАРАГАНОВ С.А. – *председатель*

АРБАТОВ А.Г.
АХТИСААРИ Маргги
(Финляндия)

БЕЛОУСОВ Л.С.
заместитель председателя

БЕРГСТЕН Фред (США)
БИЛЬДТ Карл (Швеция)

ГРИГОРЬЕВ В.В.
(в личном качестве)

ЖУКОВ А.Д.
(в личном качестве)

ЗВЕРЕВ С.А.

ИВАНОВ И.С.
(в личном качестве)

КАЙЗЕР Карл
(Германия)

КОЖОКИН М.М.

КОКОШИН А.А.

КОЛЬ Гельмут
(Германия)

КОМИССАР М.В.

КОПЬЕВ В.В.

КУЗЬМИНОВ Я.И.

ЛАВРОВ С.В.
(в личном качестве)

ЛИВШИЦ А.Я.

ЛУКИН В.П.

ЛУКЬЯНОВ Ф.А.
главный редактор

МАУ В.А.

МОНБРИАЛЬ Тьерри де
(Франция)

НИКОНОВ В.А.
заместитель председателя

ОВЧИНСКИЙ В.С.

ПОЗНЕР В.В.

ПРИМАКОВ Е.М.

ПРИХОДЬКО С.Э.
(в личном качестве)

РЫЖКОВ В.А.

ТЕЛЬЧИК Хорст
(Германия)

ТОРКУНОВ А.В.

УОЛЛЕС Уильям, лорд
(Великобритания)

ХАКАМАДА И.М.

ХОУГ Джеймс (США)

ШМЕЛЁВ Н.П.

ЭЛЛИСОН Грэм (США)

ЮРГЕНС И.Ю.

ЯСТРЖЕМБСКИЙ С.В.
(в личном качестве)

НАУЧНО-КОНСУЛЬТАТИВНЫЙ СОВЕТ

АДАМИШИН А.Л.
БУТОРИНА О.В.
ВИШНЕВСКИЙ А.Г.

ГРИГОРЬЕВ Л.М.
ЛОМАНОВ А.В.
МИРСКИЙ Г.И.

ШКУНДИН М.З.
ЭНТИН В.Л.

ИНФОРМАЦИОННАЯ ПОДДЕРЖКА

- Газеты «Время новостей», «Известия», «Московские новости», «Российская газета», «Совершенно секретно».
- Информационные агентства «Интерфакс», РИА «Новости», «Росбалт»
- Радиостанция «Эхо Москвы»

ЮРИДИЧЕСКАЯ
ПОДДЕРЖКА

Коллегия адвокатов
«КЛИШИН И ПАРТНЕРЫ»

PR-ПОДДЕРЖКА

ЗАО «КРОС»

Главный редактор Фёдор Лукьянов

Заместители главного редактора:

Тимофей Бордачёв, Наталья Костромская (англоязычное издание)

Генеральный директор
Ирина Палехова

Ответственный редактор
Александр Кузьяков

*Заведомо
переводной литературы*
Любовь Рыклина

*Референт председателя
редакционного совета*
Елена Блинникова

Ответственный секретарь
Елена Соколова

Автор макета
Константин Радченко

Верстка
Наталья Заблочките

Проверка и корректура
Арнольд Кун

Интернет-редактор
Павел Житнюк
pavel@globalaffairs.ru

Распространение
Андрей Евдокимов
тел.: (095) 937-7611
subscribe@globalaffairs.ru

Англоязычное издание
Russia in Global Affairs

Редактор
Ринат Якубов

Стилист
Роберт Бридж

Корректор
Людмила Купченко

Иллюстрации
Александр Бобосов

Азия, социализм и советское наследие

Фёдор Лукьянов, главный редактор

Этим летом Россия ощутила на себе, что формирование «многополярного» мира и появление на планете новых центров влияния, о чем давно рассуждали специалисты, идут полным ходом. Жесткая схватка российской «Северстали» с индийским магнатом Лакшми Митталом продемонстрировала: на арену вышли новые могучие игроки. Вице-президент Российского союза промышленников и предпринимателей **Игорь Юргенс** предлагает отечественному бизнесу внимательно изучить опыт азиатских коллег, поскольку россиянам тоже придется с боями прорываться на мировой рынок.

О стремительном взлете Китая и Индии, за которыми маячат и менее крупные, но не менее амбициозные азиатские «тигры», сегодня не говорит только ленивый. Если минувший год прошел под знаком повышения международной активности Пекина, то 2006-й стал временем резкого роста самооценки Дели. Индийская элита уверенно заявляет о намерении участвовать в установлении глобальных правил игры. Настроения, царящие в «самой большой демократии планеты», ярко от-

ражает статья **Си Раджи Мохана**. По его мнению, благодаря умелой политике последних лет Индия превратилась не только в одну из ведущих держав мира, но и в страну, способную диктовать условия партнерства даже Соединенным Штатам.

Тему продолжает австралийский исследователь **Эндрю Пикфорд**. Он предрекает появление стратегического треугольника Вашингтон – Дели – Канберра, в основании которого – новый подход к проблеме ядерного распространения. Индия как крупнейший рынок мирных атомных технологий, США как их самый влиятельный поставщик и Австралия, где находятся наиболее значительные залежи урана и тория, способны вместе перекроить азиатскую геополитику.

Наташа Курт из Великобритании анализирует политику России на Дальнем Востоке. По ее мнению, стремление Кремля повысить свою роль к востоку от российских границ совершенно обоснованно. Однако на этом пути Москва столкнется с существенными трудностями. О другом вызове, исходящем из Дальневосточного региона, – резкой ак-

тивизации китайской организованной преступности – в материале **Владимира Овчинского**.

Еще одна острая проблема, мешающая установлению стабильности в Азии, – это крайне натянутые отношения между Китаем и Японией. К ней обращается немецкий ученый **Карл Кайзер**, который предлагает пути преодоления конфликта, связанного с расходящимися оценками прошлого. Автор призывает обратить внимание на уроки Старого Света, который после Второй мировой войны сумел возвыситься над историческими обидами и не пошел на поводу у идей национализма. Использование шовинистических настроений в целях внутренней консолидации чревато катастрофой, напоминает исследователь. (Стоит отметить, что об этом полезно помнить и россиянам, которые пока не нашли правильные подходы к анализу собственного прошлого.)

О другом способе консолидации общества в КНР пишут **Ольга Борох** и **Александр Ломанов**. Без прочных «тылов» впечатляющий марш Пекина за мировое влияние утратит свою базу. И вот на фоне нарастания социальных проблем руководство компартии Китая реанимирует идеалы марксизма.

О самом стойком приверженце этих идеалов – президенте Кубы Фиделе Кастро – рассуждает его убежденный оппонент писатель **Карлос Альберто Монтанер**. Он не сомневается в том, что эпоха команданте близится к закату, а построенная им модель не переживет своего соз-

дателя. К истокам борьбы против коммунистической системы обращается американский историк венгерского происхождения **Чарльз Гати**. Предстоящее в октябре пятидесятилетие будапештского восстания 1956 года дает повод для размышлений не только на исторические темы...

Политолог **Джозеф Най-младший** пытается понять, какое внешнеполитическое наследие оставит Америке ее нынешний президент. В связи с приближающейся 15-й годовщиной распада СССР писатель и историк **Рой Медведев** исследует процесс формирования национальной самоидентификации в государствах, возникших на месте Советского Союза. О проблемах русской диаспоры в Украине и Латвии – украинский политолог **Борис Зажигает** и его американский коллега **Роберт Сондерс**. Узбекский ученый **Фарход Толипов** разбирается в перипетиях нынешнего развития Центральной Азии, которая оказалась на пересечении интересов великих держав.

Наконец, депутат Государственной думы РФ **Андрей Климов** посвящает свою статью вопросу о том, какую роль могут и должны играть политические партии в современном мире.

В следующем номере мы обратимся к теме, которая буквально на глазах приобретает все большее значение для мировой политики. Почему различные цивилизационные общности все хуже понимают друг друга, есть ли возможность для взаимопонимания, какой вклад в общее развитие вносит и может внести религия?

Индийская партия

Кадр из классического фильма
«Мать Индия», реж. Мехбуб Хан, Индия, 1957 г.

“Индия все больше замещает идею «автономии», столь дорогую сердцам традиционалистов, концепцией превращения в «ответственную державу». Дели считает, что позиция автономии подходит для слабых государств, пытающихся защитить себя от конкуренции с великими державами, но не для стран, которые, как Индия, находятся на стремительном подъеме”

Индия и политическое равновесие *Си Раджа Мохан*

8

«Быть индийцем — это большое преимущество» *Любовь Рыклина*

26

После «стальной» битвы *Игорь Юргенс*

32

Уран, торий и режим нераспространения *Эндрю Пикфорд*

40

Индия и политическое равновесие

Си Раджа Мохан

БУДЕТ ЛИ ЗАПАД СОТРУДНИЧАТЬ?

После нескольких десятилетий обманутых ожиданий Индия сегодня стоит на пороге превращения в великую державу. Мир начал обращать внимание на подъем Индии тогда, когда в июле 2005 года Дели заключил с президентом Джорджем Бушем-младшим ядерное соглашение. Однако этот прорыв лишь один из показателей кардинальных перемен, которые происходят в индийской внешней политике после окончания холодной войны. По прошествии более чем полувека фальстартов и нереализованных возможностей Индия трансформируется в государство, способное решительно повлиять на глобальное политическое равновесие. В грядущие годы она сможет воздействовать на решение наиболее важных вопросов XXI века — обеспечения стабильности в Азии, политической модернизации расширенного Ближнего Востока и управления процессом глобализации.

Экономический рост Индии широко обсуждался, но вот ее новой внешней политике уделялось меньше внимания. В отличие от коллег из США, индийские лидеры не анонсируют свои новые внешнеполитические доктрины. Тем не менее в последние годы они неустанно трудились над повышением статуса страны в регионе и мире и укреплением ее мощи. Дели вел напряженную работу, дабы

Си Раджа Мохан — редактор отдела стратегической политики в *The Indian Express* и член Индийского консультативного комитета по вопросам национальной безопасности. Его последняя книга — *Impossible Allies: Nuclear India, United States, and the Global Order* («Ядерная Индия, Соединенные Штаты и мировой порядок: альянс невозможен?»). Данная статья опубликована в журнале *Foreign Affairs*, № 4 (июль — август) за 2006 год. © *Council on Foreign Relations, Inc.*

изменить отношения с непосредственными соседями, найти способы сосуществования с Китаем и Пакистаном (своими основными соперниками в регионе) и восстановить позиции в «ближнем зарубежье» — в некоторых частях Африки, Центральной и Юго-Восточной Азии, в регионах Персидского залива и Индийского океана. Одновременно Индия расширяла отношения с великими державами, в особенности с Соединенными Штатами.

Индия вступает на мировую арену как первая за пределами географического Запада демократическая страна с обширной территорией, сильной экономикой, процветающей культурой, населением, отличающимся значительным этническим и религиозным разнообразием. Поднимающаяся страна имеет потенциальную возможность превратиться в ведущего актора «политического Запада» и играть ключевую роль в великих политических битвах предстоящих десятилетий. Будет ли эта возможность реализована и как скоро, зависит прежде всего от готовности западных держав начать сотрудничать с Индией на ее условиях.

ТРИ СТРАТЕГИЧЕСКИХ КОЛЬЦА

Большая стратегия Индии делит весь мир на три концентрических кольца. В пределах первого кольца, охватывающего ее непосредственных соседей, Дели добивается первенства и права вето на вмешательство со стороны третьих стран. В границах второго кольца, которое включает в себя так называемое расширенное соседство в

Азии и вдоль побережья Индийского океана, стремится уравновесить влияние других держав и не позволять им ущемлять ее интересы. В третьем кольце, представляющем собой всю мировую арену, Индия пытается занять место одной из великих держав, ключевого игрока в вопросах международного мира и безопасности.

Исторически три фактора мешали достичь этих трех больших стратегических целей. Во-первых, раздел южноазиатского субконтинента по религиозному принципу (сначала на Индию и Пакистан в 1947 году, затем на Индию, Пакистан и Бангладеш в 1971-м) привел к непрекращающемуся конфликту с Исламабадом и внутренним противоречиям между индусами и мусульманами. Он также физически отделил Индию от исторически связанных с ней стран, таких, как Афганистан, Иран и государства Юго-Восточной Азии. Создание откровенно исламского пакистанского государства создало особенно глубокие проблемы для участия Дели в делах Ближнего Востока. Подобные противоречия в сочетании с соперничеством великих держав на региональном и глобальном уровнях сильно ограничили пространство для маневра Индии во всех трех концентрических кольцах.

Вторым препятствием была социалистическая система, которая вызывала неуклонный экономический спад и — как следствие — утрату влияния в годы, последовавшие за обретением независимости. Модель государственного социализма привела к тому, что Индия стала избегать коммерческих отношений с внешним миром. В итоге страна оказалась оторвана от своих естественных рынков и культурно-родственных территорий в пределах расширенного соседства.

Наконец, холодная война, которая разразилась вскоре после предоставления Индии независимости, толкнула ее в объятия Советского Союза в ответ на поддержку Вашингтоном Пакистана и Китая. В результате страна оказалась в стане тех, кто потерпел поражение в великом политическом противостоянии второй половины XX столетия. Хотя Индия и являлась крупнейшей демократической страной мира, в конце концов она солидаризировалась с противоположным лагерем по большинству глобальных вопросов.

Последнее десятилетие XX века освободило по меньшей мере от двух из этих сдерживающих факторов: государственный социализм уступил место экономической либерализации и открытости по отношению к глобализации, а холодная война завершилась. Дели внешнеполучил возможность пересмотреть свою внешнюю политику

— подготовиться к соперничеству с возвышающимся Китаем, изменить стратегический подход к другим соседним странам и наладить тесное сотрудничество с великими мировыми державами.

РАЗНООБРАЗНОЕ ВЛИЯНИЕ

Недавний разворот в сторону открытости и глобализации особенно кардинально отразился на роли страны в регионе. По мере того как государства субконтинента отходят от старых социалистических повесток дня, Индия оказывается в позиции благоприятной для экономической интеграции. Хотя интеграционный процесс идет относительно медленно, он начал набирать силу. Запланированное на лето текущего года введение в действие Договора о свободной торговле в Южной Азии сигнализирует о наступающей реинтеграции рынков субконтинента, которые вплоть до 1947 года составляли единое экономическое пространство.

В то же время оптимизм на экономическом фронте необходимо умерить, памятуя о неоднозначном политическом развитии в менее крупных странах, соседствующих с Индией. Борьба за демократию и социальную справедливость в Непале, непрекращающееся политическое насилие и подъем исламского экстремизма в Бангладеш и угроза гражданской войны в Шри-Ланке подчеркивают потенциальную опасность появления на субконтиненте нестабильных государств. Неопределенным остается и будущее Пакистана и Афганистана: поражение религиозного экстремизма и создание современных умеренных режимов в обеих странах имеет для Индии первостепенное значение. Для успеха индийской стратегии содействия миру и процветанию в регионе необходимо не допустить подрыв региональной стабильности вследствие внутренних конфликтов, а также урегулировать разногласия с соседними странами.

В прошлом соперничество между великими державами, как и напряженность в отношениях самой Индии с Пакистаном и Китаем, мешали ее усилиям по поддержанию порядка в регионе. Сегодня все великие державы, включая Соединенные Штаты и КНР, поддерживают стремление Индии продвигать региональную экономическую интеграцию. Администрация Буша также начала признавать лидерство Дели в вопросах региональной безопасности. Ввиду нового сближения американских и индийских интересов, связанных с содействием демократии и противостоянием экстремизму и терро-

ризму, Индия больше не подозревает Вашингтон в попытках подорвать ее влияние в регионе. В результате страна, как никогда, готова к совместной работе с США и другими западными державами для достижения региональных целей.

Между тем внешние условия для урегулирования индо-пакистанского конфликта по поводу Кашмира никогда ранее не были так благоприятны, как сегодня. Этот конфликт все меньше и меньше влияет на отношения с великими державами, что означает соответствующую готовность Дели вести работу по его разрешению. Особую важность имеет то обстоятельство, что американская позиция по вопросу о Кашмире неуклонно трансформировались начиная с конца 1990-х. Поддержка, которую оказал Индии американский президент Билл Клинтон в ее ограниченной войне с Пакистаном в 1999 году (имеется в виду локальная война в Каргилле, куда вторглись формирования, якобы не имевшие к официальному Исламабаду никакого отношения. — Ред.), устранила ощущение, будто в региональных конфликтах Вашингтон неизменно становится на сторону Исламабада.

Но Индия продолжала с недоверием воспринимать гиперактивный и директивный подход администрации Клинтона к кашмирской проблеме. Сдержанные методы команды Буша, избегающей непосредственно вмешиваться в конфликт, в большей степени устраивают Дели. Администрация Буша также публично объявила Пакистан ответственным за трансграничный терроризм и впервые в истории смогла добиться от Исламабада обещания прекратить нападения. Дели не до конца полагается на эти обязательства, однако начал доверять Вашингтону как источнику позитивного влияния на Пакистан.

Эти события открыли путь мирному процессу между двумя правительствами. Всё больше осознавая, что нормализация отношений положит конец изнурительному конфликту и укрепит региональное и глобальное положение Индии, Дели впервые за десятилетия вступил в серьезные переговоры. Хотя Пакистан не удовлетворен их темпом, стороны договорились по целому ряду мер, направленных на укрепление взаимного доверия. Индийский премьер-министр Манмохан Сингх отверг идею территориальных уступок, однако он неоднократно призывал к принятию прогрессивных решений. Их цель — привести к улучшению условий жизни и к созданию общих институтов, которые призваны объединить кашмирцев, разделен-

ых линией контроля. Сингх дал ясно понять, что индийское руководство готово рискнуть политическим капиталом для того, чтобы найти дипломатическое решение проблемы Кашмира.

Недавние усилия, предпринятые Индией для разрешения ее давнего пограничного спора с Китаем, были столь же энергичными. В 2003 году Дели решил попытаться урегулировать отношения с Пекином на политической базе, а не на основе правовых или исторических притязаний. В результате в ходе визита китайского премьера Вэнь Цзябао в Индию в апреле 2005-го обе страны определили ряд принципов, которыми они будут руководствоваться при достижении окончательного урегулирования. Сейчас правительства изучают контуры взаимоприемлемых территориальных компромиссов.

Поиск Индией практических решений проблем, связанных с разногласиями вокруг Кашмира и ее границы с Китаем, подразумевает, что страна начала наконец преодолевать одержимость территориальными вопросами, в которые была погружена с момента своего образования. По иронии судьбы такому повороту, возможно, мог способствовать тот факт, что в 1998 году Индия и Пакистан обрели ядерное оружие. Хотя ядерный статус изначально обострил конфликты Дели и с Исламабадом, и с Пекином, он также позволил Индии подойти к своим территориальным проблемам с большей уверенностью в себе и прагматизмом.

ИНДИЯ В ОТСУТСТВИЕ СДЕРЖИВАЮЩИХ ФАКТОРОВ

Успех в деле разрешения любого из этих конфликтов, особенно по поводу Кашмира, высвободит политическую и дипломатическую энергию Индии, в результате чего страна начнет играть более значительную роль во всем мире. Он также наконец освободит вооруженные силы от связывающей им руки миссии по защите собственной территории и позволит принимать более широкое участие в операциях по поддержанию мира и стабильности в регионе Индийского океана. Несмотря на напряженность, которая отмечена на субконтиненте, Индия, Пакистан и Бангладеш относятся к странам, вносящим наибольший вклад в комплектование сил для участия в миротворческих операциях ООН. Нормализация индо-пакистанских отношений откроет в этом смысле еще больше возможностей для содействия общему благу в регионах расширенного Ближнего Востока, Африки и Азии.

Даже при том что проблемы Кашмира и Китая остаются неурегулированными, роль Индии в пределах расширенного соседства заметно выросла с начала 1990-х. Экономическая ориентация на внешний мир позволила восстановить торговые и инвестиционные связи с большей частью ближнего зарубежья. Дели ведет переговоры по множеству соглашений о свободной торговле или о режиме наибольшего благоприятствования с отдельными странами и многосторонними организациями, включая Ассоциацию государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН), Совет сотрудничества стран Персидского залива (GCC) и Сообщество развития стран юга Африки. Точно так же как Китай превратился в мотор экономического роста Восточной Азии, поднимающаяся Индия способна стать двигателем экономической интеграции в регионе Индийского океана.

В течение десятилетий Индию не допускали в региональные институты различных частей Азии, сегодня же она является предпочтительным политическим партнером для АСЕАН, саммита Восточно-Азиатского сообщества, GCC, Шанхайской организации сотрудничества и Африканского союза. Более того, страна превратилась в крупнейшего донора. Являясь получателем помощи на протяжении весьма длительного времени, сейчас она сама активно оказывает внешнюю помощь, используя ее в качестве рычага для достижения своих торговых и политических целей. Например, за время, прошедшее после падения в Афганистане режима талибов, она выделила этой стране 650 млн долларов. Тем временем в поисках новых источников нефти индийские энергетические компании последовать за их западными и китайскими коллегами отправились по всему миру — от Центральной Азии и Сибири до Западной Африки и Венесуэлы.

Что касается вопросов безопасности, то Дели активно участвовал в оборонной дипломатии. Мощь индийских вооруженных сил обеспечивает выгодную позицию для оказания помощи в стабилизации региона Индийского океана. Позитивную роль в данном процессе играет наметившееся сближение политических интересов США и Индии, таких, как — назовем лишь некоторые из них — борьба с терроризмом, усмирение радикального исламизма, содействие демократии и обеспечение безопасности морских путей. Индийские военноморские силы, как никто другой, находятся на переднем крае участия Дели в делах региона, что они доказали, продемонстрировав способность к быстрому развертыванию в районах, пострадавших от

цунами в конце 2004 года. Сегодня индийские ВМС готовы также участвовать в многонациональных военных операциях.

ОСИ И СОЮЗНИКИ

Завершение холодной войны дало Индии свободу налаживать отношения со всеми великими державами, и в особенности с Соединенными Штатами. В начале 1990-х Дели пришел к выводу, что уровень развития его отношений с Америкой, Китаем, Японией и Европой оставляет желать лучшего. Индия быстро приняла меры к исправлению ситуации. Отбросив старые социалистические лозунги, она начала искать рынки для сбыта своей продукции и капитал для обеспечения долго сдерживавшегося внутреннего экономического роста. Экономические связи возникали без труда, а растущие торговые потоки послужили новой основой для стабильных отношений с крупнейшими державами. Превращение Индии в площадку для аутсорсинга и ее прорыв в сфере информационных технологий также позволяют стране занять свою нишу в мировой экономике, равно как и верить в собственную способность извлечь выгоды из экономической глобализации.

С распада Советского Союза едва минуло 15 лет, а всесторонние связи Индии с великими державами уже принесли щедрые плоды. Никогда раньше Дели не имел столь всеобъемлющих отношений одновременно со всеми мировыми «грандами». Такое положение — результат не только того, что вес страны в глобальной экономике увеличивается, а ее энергетический потенциал растет. Определяющую роль играет умелая и настойчивая дипломатия.

Особенно важной и интригующей была эволюция индийско-китайских отношений с 1990-х годов. Многие считают, что конфликт с применением силы между двумя бурно развивающимися азиатскими державами неизбежен. Однако благодаря индийской политике, направленной с конца 1980-х на активное сотрудничество с Китаем, напряженность, которая характеризовала отношения между ними с конца 1950-х вплоть до 1970-х годов включительно, превратилась в далекое воспоминание.

Двусторонняя торговля процветает, ее объем вырос менее чем с 200 млн долларов в начале 1990-х почти до 20 млрд долларов в 2005 году. На самом деле уже через несколько лет КНР сможет догнать Европейский союз и США, как крупнейший торговый партнер Индии. На 3500-километровой индийско-китайской границе, из-за ко-

торой обе страны воевали в 1962-м, установилось спокойствие. А во время визита Вэнь Цзябао в апреле 2005-го Индия и Китай объявили о «стратегическом партнерстве», хотя всего лишь за семь лет до этого Дели выражал озабоченность действиями КНР, ссылаясь в качестве причины на проведение там ядерных испытаний, чем вызвал резкую ответную реакцию со стороны Пекина.

Дели сотрудничал с Китаем и с той целью, чтобы нейтрализовать его участие в конфликтах между Индией и Пакистаном, а также другими менее крупными соседними странами. В прошлом КНР обычно решала вопросы региональной безопасности за чужой счет, декларируя невмешательство во внутренние дела других государств и в то же время оппортунистическим образом устанавливала дружественные отношения с различными режимами, исходя из собственных долгосрочных стратегических интересов. Это позволяло соседям Индии по субконтиненту разыгрывать китайскую карту против Дели, когда они хотели воспротивиться индийским попыткам подтолкнуть их к участию в урегулировании конфликта. Но сейчас Пекин все чаще избегает становиться на ту или иную сторону в спорах с участием Индии, по мере того как роль последней возрастает в экономической жизни и вопросах региональной безопасности.

Китай — не единственная азиатская держава, которую Индия стремится сделать своим партнером и другом. Япония также становится важным партнером Индии, особенно в последние несколько лет, когда премьер-министр Дзюньитиро Коидзуми проводит в стране политические реформы. Находясь в Дели всего пару недель спустя после визита Вэнь Цзябао, Коидзуми объявил о собственном «стратегическом партнерстве» Японии с Индией. (Это произошло вопреки резкой реакции Токио на индийские ядерные испытания-1998, вызвавшие санкции со стороны Японии и тогдашние усилия Токио добиться осуждения Индии в ООН и на других многосторонних форумах.) Все больше опасаясь поднимающегося Китая и зарождающегося альянса между Вашингтоном и Дели, Япония в своих долгосрочных планах по поддержанию безопасности в Азии «повысила» Индию до уровня ключевого игрока.

Осознавая необходимость диверсификации инвестиций в азиатскую экономику и руководствуясь политическими причинами, Токио также начал направлять часть своих зарубежных инвестиций в Индию. Дели занял первое место в числе получателей японской по-

мощи развитию, вытеснив с этой позиции Пекин. Кроме того, с первых дней пребывания в Белом доме администрации Джорджа Буша-младшего Япония демонстрировала растущий интерес к расширению ее военного сотрудничества с Индией, особенно на море. Индия же признала, что разделяет заинтересованность Японии в вопросах обеспечения энергетической безопасности и поддержания стабильного политического равновесия в Азии.

Токио активно поддержал участие Дели в учредительном саммите Восточно-Азиатского сообщества в декабре 2005 года, несмотря на нежелание Пекина включить Индию в число участников организации. Ни Индия, ни Япония не хотят того, чтобы их политические отношения базировались исключительно на общей настороженности из-за потенциальной угрозы со стороны Китая. Но обе страны знают, что углубление сотрудничества в области безопасности откроет новые стратегические возможности, а бóльшая координация усилий между демократическими странами Азии способна ограничить влияние КНР.

Сдерживающим фактором для развития связей Индии с Евросоюзом служит не вполне позитивное отношение Дели к той роли, которую Европа играет в глобальной политике. Возникает ощущение, будто Европа и Индия поменялись местами в плане их отношения к Соединенным Штатам. В то время как Европа бурлит от негодования по поводу американской политики, Индия отходит от прежней позиции, когда она, как правило, находилась в первых рядах наиболее резких критиков Вашингтона. В то время как Европу охватывает пессимизм, растущий индийский оптимизм позволяет Дели поддерживать непопулярную политику США.

Индийцы неизменно ставят и Соединенным Штатам, и администрации Буша очень высокие оценки: например, по результатам недавнего опроса общественного мнения, проведенного *Pew Global Attitudes*, процент индийцев, позитивно относящихся к США, вырос с 54 % в 2002 году до 71 % в 2005-м. И пока переживающая период упадка Европа в целом скептически смотрит на индийский подъем, администрация Буша с бóльшим пониманием относится к стремлению Индии стать великой державой.

Тем не менее экономические и политические связи Индии с некоторыми европейскими державами все же углубляются. Хотя многие менее крупные страны Европы критиковали ядерную сделку между США и Индией, две ядерные державы на континенте — Фран-

ция и Великобритания — выразили свою поддержку. В частности, Париж уже давно (на самом деле задолго до Вашингтона) сделал ставку на то, что поднимающаяся Индия окажется хорошим рынком сбыта для высокотехнологичных товаров. Учитывая это, Франция заслонила Дели от гнева «Большой восьмерки», после того как в мае 1998-го Индия провела испытания ядерного оружия. В последние несколько лет Великобритания тоже начала использовать экономические возможности в Индии и в целом принимать ее региональные и глобальные устремления.

После распада Советского Союза Дели работал также и над поддержанием хороших отношений с Москвой. Оба государства решили остававшиеся вопросы относительно их старых полубартерных рублево-рупийных торговых соглашений, переработали Договор о мире, дружбе и сотрудничестве от 1971 года и сохранили военное сотрудничество. Когда Владимир Путин занял в 2000-м президентский пост после Бориса Ельцина, выжидательная политика Индии принесла плоды. Вновь обретшая уверенность в себе Россия была полна решимости оживить и расширить свое стратегическое сотрудничество с Индией. Сегодня между Дели и Москвой существуют, пожалуй, только две проблемы, а именно: ослабление двусторонних торговых связей и риск того, что Россия сделает слишком много для укрепления военного потенциала КНР.

ЛЮБЕЗНОСТЬ КАК ОРУЖИЕ НАСТУПЛЕНИЯ

В конечной стадии холодной войны казалось маловероятным, что Индия сможет построить новые политические отношения с Соединенными Штатами. Вашингтон долгое время оказывал в регионе предпочтение Пакистану и Китаю. Дели же в свою очередь держал сторону Советского Союза, и ряд глобальных проблем, казалось, ставили Индию и Америку по разные стороны баррикад. Однако после завершения холодной войны Индия стала добиваться расположения США.

Пока у власти находилась администрация Билла Клинтона, эти сладкие речи по большей части не встречали ответной реакции — отчасти потому, что Белый дом был полностью сосредоточен на проблеме Кашмира и нераспространении ядерного оружия. Клинтон, руководствуясь твердым представлением о том, что Кашмир является одной из самых опасных точек «ядерного возгорания» и потому нуждается в своего рода предохранителе. Президент делал

упор на «превентивной дипломатии» и был полон решимости «ограничить, сократить и в конечном счете ликвидировать» индийский ядерный потенциал. Конечно, такой подход Клинтона входил в прямое столкновение с фундаментальными интересами национальной безопасности Индии — сохранением территориальной целостности и ядерного статуса. На давление Вашингтона с целью ограничить индийский стратегический потенциал Дели отреагировал проведением испытаний ядерного оружия.

Но даже находясь под воздействием американских санкций, Индия начала делать заявления о том, что является естественным союзником Соединенных Штатов. Хотя администрация Клинтона не была заинтересована в таком альянсе, ядерные испытания вынудили Вашингтон впервые за десятилетия вступить с Дели в серьезные отношения. Они не разрешили «ядерные» разногласия, однако привели к визиту Клинтона в марте 2000-го — первому за последние 22 года посещению Индии президентом США. Личное обаяние Клинтона, его искренняя симпатия к Индии и неожиданная поддержка, оказанная ей в войне с Пакистаном в 1999 году, обусловили улучшение атмосферы отношений между двумя странами и тот факт, что Дели обрел новый облик в глазах Вашингтона.

Однако для того чтобы изменить стратегический контекст отношений, понадобился приход Буша. Убежденный в том, что влияние Индии может распространиться далеко за пределы непосредственно соседствующих с ней стран, Буш пересмотрел рамки отношений между Вашингтоном и Дели. Он отменил многие санкции, открыл двери для сотрудничества в сфере высоких технологий, оказал политическую поддержку войне Индии против терроризма на ее территории, положил конец исторически обусловленной позиции США по поддержке Пакистана в деле урегулирования проблемы Кашмира и переместил Соединенные Штаты в индийско-китайском уравнении на более близкую к Дели позицию.

В ответ на эти радикальные перемены Индия поддержала администрацию Буша в вопросах, касающихся противоракетной обороны, Международного уголовного суда и поиска альтернативных подходов к проблеме глобального потепления. Она оказала активную поддержку операции *Enduring Freedom* в Афганистане, охраняя грузы США, переправлявшиеся через Малаккский пролив в 2002-м, согласилась работать вместе с Вашингтоном над проведением многонациональных военных операций вне рамок ООН, а также дважды

ды, в 2005 и 2006 годах, голосовала в МАГАТЭ на стороне США против Ирана — своего бывшего союзника. Индия даже близко подошла к тому, чтобы послать дивизию наземных войск в Ирак летом 2003-го, но передумала в последний момент.

Каждый из перечисленных шагов знаменовал значительный сдвиг во внешней политике. И хотя администрация Буша была разочарована решением Дели не участвовать в иракской операции, она, тем не менее, признала, что Индия находится в процессе исторического преобразования своей внешней политики, и продолжала верить в то, что собственные стратегические интересы будут и впредь подталкивать страну к углублению политического сотрудничества с Соединенными Штатами. Настойчивость Дели в установлении взаимопонимания с Вашингтоном начиная с 1991 года основывалась на вере в то, что только фундаментальные изменения в отношениях с единственной мировой супердержавой помогут Индии добиться своих стратегических целей — укрепления глобальной позиции и усиления влияния в отношениях с другими великими державами.

Однако одновременное сотрудничество со всеми странами может скоро оказаться невозможным. По мере того как напряженность между КНР и США будет нарастать, Вашингтону придется все активнее искать способы ограничения китайского влияния. Возникнут вопросы о поведении Дели в условиях новой «политики с позиции силы»: сможет ли Индия оставаться «не присоединившейся» ни к Вашингтону, ни к Пекину, или же следование ее нынешней большой стратегии подразумевает все-таки оказание предпочтения Соединенным Штатам?

Заключая ядерные договоренности с Индией (на встрече Буша и Сингха в июле 2005 года и во время визита Буша в Дели в марте 2006-го), Вашингтон как раз стремился повлиять на то, чтобы окончательный ответ на этот вопрос был в пользу США. Буш предложил скорректировать американский подход к нераспространению ядерного оружия (что, разумеется, требовало одобрения Конгрессом) и пересмотреть глобальный ядерный порядок, чтобы облегчить полное сотрудничество с Индией в области мирной атомной энергетики. В ответ Дели пообещал разделить свои мирную и военную ядерные программы, распространить на гражданские атомные электростанции международные меры безопасности и взять на себя ряд обязательств по нераспространению. За-

интересованность Индии в такого рода сделке проявлялась уже давно. Поскольку Дели не удалось провести испытания до подписания ядерными державами в 1968 году Договора о нераспространении ядерного оружия, этот режим поставил Индию в стесненное положение. Она не хотела отказываться от обладания ядерным оружием, однако режим нераспространения формально не позволял принять ее в число ядерных держав.

Таким образом, мотивы, по которым Индия желала изменений, вполне очевидны. Однако с точки зрения администрации Буша, смысл сделки состоит не столько в том, чтобы продвинуться на пути решения вопросов ядерных вооружений, сколько в том, чтобы создать основы для подлинного альянса между Соединенными Штатами и Индией — побудить Дели поддержать Вашингтон на фоне сдвигов в системе глобального политического равновесия. Парадоксальным образом именно отсутствие истории взаимного доверия и сотрудничества — отчасти обусловленное прошлыми спорами о ядерном оружии, — убедило администрацию Буша в необходимости ядерной сделки.

АЛЬЯНС НЕВОЗМОЖЕН?

Многие критики утверждают, что надежды администрации Буша на альянс неоправданны. Они настаивают на том, что Индия, традиционно придерживающаяся принципа неприсоединения, никогда не станет настоящим союзником Соединенных Штатов. Но такие эксперты неверно понимают неприсоединение Индии и природу ее реальной политики за последние 60 лет.

Вопреки убеждению, особенно распространенному в самой Индии, у Дели не возникало трудностей со вступлением в альянсы, когда этого требовали его собственные интересы. Отношения с Советским Союзом строились на основе Договора о мире, дружбе и сотрудничестве, подписанного в 1971-м, и обладали многими чертами альянса (несмотря на утверждение Индии, что такие связи не противоречили политике неприсоединения). Этот пакт во многих аспектах являлся классическим ответом на альянс Вашингтона, Пекина и Исламабада. Индия также заключила договоры в сфере безопасности с двумя своими менее крупными соседями — Бутаном и Непалом; история этих взаимоотношений восходит к носящим фактически протекторатный характер соглашениям 1949–1950 годов, которые явились реакцией на вторжение Китая в Тибет.

На самом деле между предполагаемой приверженностью Индии к *Moralpolitik* («моральная политика» — в отличие от чистой «политики с позиции силы», или *Machtpolitik*) и надеждой администрации Буша на альянс с Индией нет противоречия. Дели все больше замещает идею «автономии», столь дорогую сердцам индийских традиционалистов, концепцией превращения Индии в «ответственную державу». (Автономия считается подходящей позицией для слабых государств, пытающихся защитить себя от конкуренции с великими державами, но не для стран, которые, как и Индия, находятся на подъеме.) По мере того как страна начнет осознавать, что ее политические решения имеют глобальные последствия, она будет все меньше противиться тому, чтобы принимать ту или иную сторону по конкретным вопросам. Формирование альянсов и политика балансирования — это инструменты, которыми пользуются все великие державы, и соответственно Индия тоже, вероятно, возьмет их на вооружение.

Однако тот факт, что Дели способен формировать альянсы, не означает, что он обязательно вступит в долгосрочный союз с Соединенными Штатами. Произойдет ли это, будет зависеть от степени общности интересов обеих стран и от их политических способностей предпринимать в этой связи совместные действия. Администрация Буша рассчитывает, что общие интересы — например, противодействие влиянию Китая и борьба с радикальным исламом на Ближнем Востоке — явятся основой для долгосрочного стратегического сотрудничества. Такой результат весьма вероятен, однако отнюдь не неизбежен, особенно учитывая кажущуюся неспособность США строить партнерства на основе равенства.

Если говорить о противостоянии подъему Китая, то тенденция Индии к участию в региональном уравнивании позиций Пекина не прекратилась после объявления об установлении стратегического партнерства двух государств. На самом деле предотвращение чрезмерного усиления воздействия Китая на страны, непосредственно соседствующие с Индией, и конкуренция с Пекином в Юго-Восточной Азии все еще относятся к наиболее постоянным направлениям внешней политики Индии. Несмотря на озабоченность Запада военным режимом в Мьянме, Дели энергично работает над тем, чтобы предотвратить полное попадание Янгона (столица Мьянмы. — Ред.) под влияние Пекина, а военные связи Индии со странами Юго-Восточной Азии стремительно расширяются.

В 2005 году, когда Пакистан настаивал на том, чтобы Китай получил статус наблюдателя в Ассоциации регионального сотрудничества стран Южной Азии, Индия быстро приняла меры, чтобы привлечь в эту организацию также Японию, Южную Корею и Соединенные Штаты. Учитывая укоренившееся нежелание Индии играть в Азии и регионе Индийского океана вторую скрипку после Китая – и относительное удобство сотрудничества с далекой сверхдержавой, – у Дели имеется структурная причина положительно относиться к расширению сотрудничества с Вашингтоном в области безопасности.

На Ближнем Востоке у Дели тоже есть общие с США интересы по предотвращению подъема радикального исламизма, который представляет угрозу существованию Индии. По количеству проживающих в стране мусульман (почти 150 миллионов) Индия занимает третье место в мире, однако напряженность, обусловленная разделом субконтинента, не спадает. С учетом этого Дели в прошлом в одиночку предпринимал действия по предотвращению распространения радикального исламизма. Когда Вашингтон вступил в союз с консервативными исламскими силами на Ближнем Востоке в период холодной войны, Индия оказала предпочтение светским националистическим силам в регионе. Когда США в середине 1990-х вели амбивалентную политику по отношению к режиму «Талибан», Индия совместно с Россией, Ираном и государствами Центральной Азии боролась с талибами, оказывая поддержку Северному альянсу. Хотя кое-кто в Дели сегодня опасается, что сближение с Соединенными Штатами может превратить страну в основную мишень исламских экстремистов, для нее совершенно исключен компромисс с радикальным исламизмом, который угрожает самому единству страны.

Однако общие интересы не всегда автоматически приводят к формированию альянсов. Неравенство сил между двумя странами, отсутствие традиции политической кооперации между ними и сохраняющееся в обеих столицах бюрократическое сопротивление более тесным связям будут по-прежнему препятствовать ускорению и расширению масштаба стратегического сотрудничества. Однако нельзя отрицать, что в обозримом будущем у Индии будет больше общего с Соединенными Штатами, чем с любой другой великой державой.

В то время как Дели осознал, что для успешного подъема Индии необходима поддержка США, Вашингтон признал потенциально

ключевую роль Индии в решении новых проблем, угрожающих глобальному порядку и безопасности. Как одна из стран, извлекающих максимальную выгоду из ускоряющейся глобализации, Индия может сыграть важнейшую роль в обеспечении того, чтобы и другие развивающиеся страны совершили не менее успешный переход к участию в этом процессе. То есть воспользоваться преимуществами, связанными с появлением новых возможностей, одновременно стремясь уменьшить негативные последствия разрушения прежних устоев. При нынешней скорости роста и масштабах экономики Индия превратится также в важный фактор упорядоченности глобального перераспределения экономических сил. Одновременно страна могла бы играть ключевую роль в усилиях по политической модернизации Ближнего Востока. Один только успех Индии в деле интеграции и обеспечения прав ее собственного мусульманского меньшинства, а также в достижении мира с Пакистаном мог бы стать убедительным позитивным примером.

В целях поддержания долгосрочного партнерства с Дели Вашингтон должен исходить из тезиса об «исключительности Индии», который он выдвинул в защиту недавнего ядерного соглашения, разрабатывая ряд специфически индийских политических подходов к углублению сотрудничества. Однако маловероятно, чтобы Индия трансформировалась просто в подконтрольного партнера Соединенных Штатов, готового присоединиться к любой их удачной или неудачной аванюре где-либо в мире. Она никогда не станет еще одним союзником США по образцу Великобритании либо Японии. Но она и не превратится в азиатскую Францию, стремящуюся к тактической независимости в рамках формального альянса.

Учитывая значительность сегодняшних угроз глобальной безопасности, Соединенным Штатам требуются не просто кроткие союзники. Вместо этого им нужно стараться приобрести себе сильных и совместимых партнеров. Поднимающаяся Индия временами может создавать трудности, однако в целом ее усилия будут направлены на защиту и продвижение многочисленных интересов, которые она разделяет с Вашингтоном. Таким образом, содействие подъему Индии служит долгосрочным интересам США.

FOREIGN AFFAIRS

Before it becomes policy, it's in *FOREIGN AFFAIRS*

When you want to be the first to know what the experts in foreign policy and economics have to say about world events—turn to *FOREIGN AFFAIRS*. With contributions from distinguished authorities like Condoleezza Rice, Richard Holbrooke, Fouad Ajami, Donald Rumsfeld, Kenneth Pollack, and Samuel Huntington—this is the forum for leaders who shape the world.

SUBSCRIBE TODAY TO
**FOREIGN
AFFAIRS**

“The most influential periodical in print.” —*TIME*

“*FOREIGN AFFAIRS* is essential reading.” —*FORTUNE*

“*FOREIGN AFFAIRS* [is] the most prestigious of America’s many foreign policy journals.” —*FINANCIAL TIMES*

**SPECIAL OFFER for readers of *Russia in Global Affairs*:
One year only US\$57.00!**

You will receive 6 bimonthly issues delivered via air mail. Your satisfaction is guaranteed or you will receive a FULL REFUND on all unmailed issues.

To order, send payment to: FOREIGN AFFAIRS SUBSCRIPTION SERVICES,
P.O. Box 420190, Palm Coast, FL 32142-9970 U.S.A.
TEL: (386)445-4662 FAX: (368)446-5005 or EMAIL: ForAff@palmcoastd.com

All international orders must be prepaid, therefore, please make checks or international money orders payable to Foreign Affairs in US\$ only. We also accept MasterCard, Visa, and American Express as payment. Please allow 6–8 weeks for the delivery of your first issue.

www.foreignaffairs.org/ordernow

«БЫТЬ ИНДИЙЦЕМ — ЭТО БОЛЬШОЕ ПРЕИМУЩЕСТВО»

Любовь Рыклина

«Я бизнесмен мирового масштаба, родом из Индии, чем очень горжусь, и у нас есть такое же, как и у всех остальных, право сделать предложение другой глобальной компании, — сказал Лакшми Миттал вскоре после того, как люксембургская корпорация *Arcelor* дала добро на слияние с его *Mittal Steel*. — Это — фантастическое достижение, но чтобы добиться согласия невесты на брак, мне пришлось потратить целых пять месяцев на уговоры и ухаживания».

На самом деле «помолвка» могла вообще не состояться. Когда 27 января 2005 года Лакшми Миттал, глава совета директоров и главный исполнительный директор сталелитейного гиганта *Mittal Steel Group*, объявил о намерении поглотить своего прямого конкурента *Arcelor*, европейские политики и предприниматели не на шутку обеспокоились. В действиях Миттала они увидели грубую попытку «новой Индии» захватить «старую Европу», а в самом предпринимателе — пугающий символ того, во что превращается его родина.

«Противоречия, возникшие между *Arcelor* и *Mittal Steel*, — пишет ин-

дийская газета под симптоматичным названием *India Unleashed* (“Освободившаяся Индия”), — проявление более серьезной болезни. Европейские правительства и деловые круги гордятся тем, что доминируют на мировой экономической сцене. Подъем азиатских сверхдержав — Индии и Китая — нанес мощный удар по их самодовольству. Миттал просто стал очередным азиатом, на которого Старый Свет мог обрушиться в попытках сохранить так называемые европейские культурные стандарты».

Контрнаступление — или, скорее, оборонительные бои — европейцы вели всеми дозволенными и недозволенными средствами. Министр экономики Люксембурга Жанно Крекке выразил озабоченность «методами» *Mittal Steel* и «сущностью» ее действий. Франция подняла на щит доктрину экономического патриотизма, а ее министр финансов Тьерри Бретон посчитал шокирующим тот факт, что Миттал не обсудил свое предложение с *Arcelor* до его обнародования. Другой французский министр окрестил магната «ин-

дийским хищником». Экс-президент Франции Валери Жискар д'Эстен предостерег от переноса в экономическую сферу «закона джунглей». Сама же *Arcelor* назвала предложение о слиянии враждебным, а ее главный исполнительный директор Ги Долле вообще отказался рассматривать возможную сделку, заявив, что по сравнению с продукцией его корпорации продукция, выпускаемая *Mittal Steel*, выглядит как низкокачественный одеколон на фоне дорогого парфюма. Мол, речь идет о компании, которая «полным полна индийцев» и которая собирается купить *Arcelor*, пустив в ход свои «мартышкины денежки» (*monnaie de singe*). В словах Долле многие услышали расистские нотки, хотя он, видимо, хотел подчеркнуть тот факт, что, не имея в наличии необходимой суммы, Миттал предложил за каждые пять акций *Arcelor* четыре акции его компании плюс 35,25 евро, то есть не вполне «живые» деньги. Идиома *monnaie de singe* возникла в связи со старинным французским законом, согласно которому владельцу предназначенной для продажи обезьянки надлежало заплатить при входе в Париж определенную пошлину. Если же зверек пересекал границы города вместе с фокусником, то последний должен был «расплачиваться» трюками.

Несмотря ни на что, стальной король не сдавался. «Каждый, — уверен он, — переживает тяжелые вре-

мена; важно то, насколько ты полон решимости достичь своей цели, насколько отдаешься преодолению трудностей». В результате последовательной работы с советом директоров *Arcelor* последняя отвергла идею другой сделки — с российской компанией «Северсталь» — и сделала выбор в пользу конкурента. Правда, используя предложение Алексея Мордашова, люксембуржцы получили с Миттала гораздо больше.

Это событие стало одной из главных мировых новостей. Между тем имя индийского предпринимателя прогремело далеко не впервые. В 2002-м премьер-министр Великобритании Тони Блэр помог Митталу приобрести акции румынской сталелитейной компании *Sidex*, направив рекомендательное письмо премьер-министру Румынии. Позже Миттал перечислил на счета Лейбористской партии Великобритании 125 тыс. фунтов стерлингов (190 тыс. долла-

ров). Разразившийся в этой связи скандал окрестили — в честь его главного фигуранта — «Митталгейт» (иногда его называют *Steelgate* или *Garbagegate* — от слов «сталь» и «мусор» соответственно). Что же касается приватизированной Митталом Sidex, то только за один год там лишились работы пять тысяч человек, что вызвало социальный кризис в румынском городе Галац.

В марте 2005 года к скандальной известности добавляется слава толстосума: журнал *Forbes* включил Миттала в тройку самых богатых людей мира (в 2006-м он опустился на пятую позицию, потеряв полтора миллиарда долларов). Мечта скромного юноши из Индии «стать индийским Биллом Гейтсом» воплотилась в жизнь, и, надо отметить, весьма стремительно.

Лакшми Миттал родился в 1950 году в штате Раджастан, в многолетней семье со скромным достатком. Переезд в Калькутту принес семейству удачу: Миттал-старший основывает здесь собственную сталелитейную компанию *Ispat*, а Лакшми, решив пойти по стопам отца, получает степень бакалавра в области коммерции. Однако, признаётся он, «я всегда верил, что способен сделать что-то уникальное; чувствовал, что мои возможности в Индии ограничены». Из-за разногласий с отцом и братьями молодой человек отправился в Индонезию, где в 1976-м построил один из самых современных на тот момент

сталелитейных комбинатов. Примерно тогда же он зарегистрировал компанию *LNM Holdings*. Так зарождалась его стальная империя.

В 1989 году Миттал приобрел государственную сталелитейную компанию Тринидада и Тобаго. Завод приносил убытков на 100 тыс. долларов в день, но молодой бизнесмен не отступил от своего принципа «всегда смотреть вперед и не отбрасывать никаких шансов». Год ушел на массовые увольнения и внедрение новых технологий, после чего компания стала приносить прибыль. С тех пор Миттал начал скупать заводы по всему миру — в Мексике, Польше, Канаде, Германии, Ирландии, Чехии. Приобретя в 1998-м завод *Inland Steel*, магнат смог проникнуть на рынок США; покупка в 1995-м Карагандинского металлургического комбината в Казахстане (сейчас *Ispat Karmet Jsc*) позволила успешно осваивать новое направление — рынок стран СНГ и Центральной Азии (некоторые СМИ тогда обвиняли бизнесмена в том, что он пользовался услугами недобросовестных посредников).

В 2005 году стальной барон объединил *Ispat*, *LNM*, а также *International Steel Group* в *Mittal Steel Group*, зарегистрировав управляющую компанию *Mittal Steel S.A.* в Голландии и перенеся головной офис из Индонезии в Лондон. Сегодня, говорится на сайте компании, *Mittal Steel* — «единственный по-на-

стоящему глобальный производитель стали в мире, оперирующий в 14 странах на четырех континентах). Слияние же с люксембургской компанией приведет к созданию *Arcelor-Mittal* с годовым доходом около 71,9 млрд долларов, выручкой — 13,3 млрд долларов, рыночной капитализацией примерно 46 млрд долларов. и со штатом численностью 320 тыс. служащих. Объемы производства новой глобальной компании будут втрое превышать соответствующий показатель любого из ближайших конкурентов.

«Я металлург, а не дилер. Я приобретаю компании не ради сделки, а ради потенциала, который они имеют, чтобы развивать и укреплять бизнес», — заявил как-то Миттал британскому журналу *Metal Bulletin*. Агрессивное поглощение «потенциальных» предприятий с самого начала являлось его неизменной тактикой. Как правило, это были убыточные госпредприятия. Но не даром Миттал, по его собственному признанию, «больше всего любил две вещи — работу и успех». Работы было предостаточно: приходилось проводить массовые сокращения (зачастую наталкиваясь на сопротивление рабочих, — в Польше, Чехии, Казахстане и Украине), менять руководство, вводить современные методы управления, осваивать выпуск новых видов продукции, жестко контролируя издержки и стремясь к извлечению максимального дохода. И в кон-

це концов приходил вожаемый успех: заводы начинали давать прибыль. Постепенно Миттал приступил к созданию крупнейших интегрированных предприятий, что снизило степень их зависимости от внешнего сырья. Он одним из первых начал заменять традиционные доменные печи на мини-заводы. Понимая, что цены на сырье, включая лом, будут повышаться, он инвестировал солидные средства в производство заместителя металлолома — железа прямого восстановления. Эти новации легли в основу могущества его империи.

Еще одна особенность тактики Миттала заключается в том, что он предпочитает вести дела непосредственно с правительственными чиновниками. К примеру, вопросы, связанные с покупкой ОАО «Криворожсталь» (теперь *Mittal Steel Kryvyi Rih*), он урегулировал в личном общении с тогдашним премьером Украины Юлией Тимошенко, а сделку с *Arcelor* обсуждал с президентом Франции Жаком Шираком.

Для управления предприятиями магнат всегда привлекает «своих» людей — преданных, связанных с ним семейными или дружескими узами (его сын Адитья Миттал — финансовый директор *Mittal Steel*). В целом же, по его мнению, умение ладить с людьми — важнейшая составляющая успеха. «Быть индийцем — это большое преимущество, когда ты делаешь бизнес в других странах, поскольку в Индии, государстве бо-

лее чем с 300 языками и этническими группами, люди учатся преодолевать разногласия и достигать компромиссов».

Если стратегия и методы Миттала-предпринимателя в основном ясны, то о Миттале-человеке, которого *Le Figaro* назвала «загадочным тигром», известно совсем немного. Каков он, этот «рыцарь в стальной броне»? Улыбчив, судя по большинству фотографий. Равнодушен к искусству и спорту. Молчит в ответ на вопросы о любимых исторических персонажах, о друзьях в среде европейского истеблишмента. Раздражается, когда его спрашивают о семье.

Нельзя, конечно, сказать, что Митталу безразлично, как он выглядит со стороны. На сайте *Mittal Steel Group* особо подчеркивается, что босс является активным филантропом и членом нескольких благотворительных фондов, «вносит значительный вклад в социальное обеспечение и заботу о местном населении в странах, где работает группа». Там же перечислены все громкие титулы руководителя компании: член Совета по иностранным инвестициям Казахстана, член Совета по международным инвестициям Южной Африки, «Сталелитейщик-1996» (согласно рейтингу американской Ассоциации металлургов, *AIST*), «Европейский предприниматель-2004» (по версии журнала *Fortune*), и т. д. После взрыва на шахте «Шахтинская» в декабре 2004 года, унесшего жизни 24 горня-

ков, Миттал специально прилетел в Карагандинскую область, чтобы выразить соболезнование семьям жертв трагедии. Как рассказала местная газета «Новый вестник», миллиардер, узнав, что дочь одного из погибших изучает в вузе английский язык, пригласил ее поработать переводчиком в свою компанию.

Тем не менее широкой общественности больше известны другие «достижения» бизнесмена. Вот он покупает в лондонском Кенсингтоне особняк стоимостью 128 млн долларов (самая высокая сумма, когда-либо выплаченная за жилье), а вот выдает свою дочь замуж за лондонского банкира индийского происхождения, устроив молодым свадьбу в Версальском дворце, что обошлось более чем в 65 млн долларов (самая дорогая свадьба в истории). Среди английской молодежи популярны майки, на которых изображена фраза Миттала: «Когда я иду смотреть футбольный матч, это не значит, что я хочу купить стадион или клуб».

Казалось бы, все вершины покорены. Но еще «не время почивать на лаврах» — так заявил Миттал после того, как сделка с *Arcelor* состоялась. «Я хочу, — не раз признавался властитель стальной империи, — создать глобальное предприятие, которое состоит из региональных производителей, имеющих наименьшие затраты и наивысший уровень производства. Нам следует быть единым целым в мире при любых обстоятельствах».

В интервью телеканалу *CNBC* магнат сообщил, что активно интересуется нефтегазовым комплексом и в данный момент ведет переговоры о возможных сделках с 21 нефтегазовой компанией мира. Поговаривают даже о его планах купить один из морских портов Крыма.

Основными же целями своей политики Лакшми Миттал считает Китай и Индию. Его проекты, касающиеся Индии, там называют не иначе как «мегапланами». Недавно бизнесмен заявил о своем намерении инвестировать в индийскую металлургическую отрасль в общей сложности до 9 млрд долларов; в частности, с правительством Индии обсуждается возможность строительства металлургического комбината в штате Джаркханд, где находится около 25 % неразработанных природных запасов железной руды страны. За его счет был целиком оснащен первый в Калькутте компьютерный центр. Наконец-то король обратил свой взор на Родину!

Родина же, кажется, гордится своим сыном. И поддерживает его: индийские власти помогли Митталу в истории со сделкой с *Arcelor*, оказав соответствующее давление на правительство Люксембурга. Соотечественники воспринимают миллиардера как подтверждение их надежд, олицетворение индийского чуда. Чуда, которое Миттал описал в интервью газете *The Times of India*: «Когда я покидал Индию, это была совсем другая стра-

на. С тех пор все изменилось. Теперь каждый индийский бизнесмен, каждый молодой предприниматель имеет такие же возможности, как я. Индия — открытое государство, правительство поощряет выход индийских бизнесменов на глобальную арену. Индийский бизнесмен может возглавить глобальную компанию, где бы он ни жил». По мнению индийских СМИ, пример Миттала показывает, что наступление индийского бизнеса не остановить.

«Миттал, радующийся сделке с *Arcelor*, или Миттал, сообщающий о том, что контролирует более 10 % мирового производства стали, — вот образ, который останется в сердцах индийцев на долгие годы, — пишет *India Unleashed*. — Успех Миттала значит очень много для индийских бизнесменов: ведь отныне в них признают силу, с которой придется считаться».

Не только считаться, опасаются в Европе, но и подвинуться, а возможно, и пропустить вперед. К чему-де он стремится, куда придет этот неистовый индиец, неугомонный тигр, заправляющий мировым производством стали (сырье-то стратегическое!) и владеющий 25 млрд долларов?

А «тигр», словно оправдываясь, объясняет, что, мол, в его действиях «нет ничего индийского и нет ничего европейского; просто надо правильно управлять транснациональной компанией». И улыбается — повосточному загадочно.

После «стальной» битвы

Игорь Юргенс

Слияние люксембургской металлургической компании *Arcelor* и англо-голландского концерна *Mittal Steel*, которым владеет выходец из Индии Лакшми Миттал, повсеместно вызвало бурные дискуссии. И дело не только в том, что в результате этой сделки на мировом рынке стали появился практически монополист, на порядок превосходящий ближайшего конкурента. Не менее активно обсуждался и тот факт, что главным действующим лицом всей истории стал крайне агрессивный бизнесмен индийского происхождения. В своих публичных выступлениях Миттал сознательно позиционировал себя в качестве представителя новой могучей силы – стремительно растущей Азии, которая отныне не собирается послушно следовать порядку и указаниям западного мира, а намерена активно участвовать в формулировании общих правил. Подобные заявления вызвали нечто близкое к шоку в развитых странах. Ведь, несмотря на постоянно декларируемую приверженность принципам свободной торговли, они не рассчитывали на появление под тем же лозунгом новичков, которые окажутся богаче и сильнее их самих.

Для России захватывающие события на стальном рынке чрезвычайно актуальны. Россия как держава, возрождающая свою мощь, сейчас, подобно Индии, находится сейчас в положении того самого «новичка», которому приходится доказывать свое право на полноценное участие в мировой экономике. В большой игре вокруг *Arcelor* приняла участие одна из крупных российских корпораций – «Северсталь». Она бросила вызов индийскому магнату, попытав-

И.Ю. Юргенс – вице-президент Российского союза промышленников и предпринимателей, член редакционного совета журнала «Россия в глобальной политике».

шись добиться альтернативного слияния. Итог для отечественного бизнеса неудовлетворительный. *Arcelor* мастерски использовала предложение Алексея Мордашова, чтобы взвинтить ставку в переговорах с Митталом, и добилась для себя значительно более выгодных условий. Европейцы продемонстрировали, что управленческий класс, помноженный на опыт, является залогом успеха, а Лакшми Миттал — что его финансовые и лоббистские возможности на сегодняшний день не оставляют шансов россиянам.

НАУКА ПОГЛОЩАТЬ

Тем не менее опыт равноправной игры на мировом рынке, приобретенный как самой «Северсталью», так и российским бизнесом в целом, следует считать исключительно полезным. Отечественное предпринимательское сословие учится очень быстро, проходя за считанные годы путь, на который западным коллегам понадобились десятилетия, если не столетия. Не сомневаюсь, что из истории с *Arcelor* наши бизнесмены извлекут предметные уроки и в следующий раз подобное столкновение интересов закончится иначе.

Каковы же эти уроки?

Во-первых, для металлургических компаний дальнейшая экспансия в мире — необходимость. В отличие от ряда других российских отраслей, которым нужны главным образом передовые западные технологии и менеджмент, перед сталелитейщиками стоит вопрос о рынке сбыта. Рынок этот крайне конкурентный, и он постепенно, сегмент за сегментом будет захватываться, так что рассчитывать на традиционные, устоявшиеся связи не приходится. Очевидно, чтобы побеждать во все более острой мировой конкуренции, крупные российские металлургические группы должны объединять усилия, думать о создании консорциумов и т.д., то есть выходить с какими-то общими предложениями.

Во-вторых, только теперь, ступая на почву глобальных рынков, российские компании начинают четко осознавать, что полноценная конкуренция за привлекательные активы требует основательной подготовки. Сколь ни высок уровень собственной корпоративной команды, невозможно обойтись только своими силами, не привлекая международно признанных, пользующихся авторитетом консультантов и брокеров по каждой сделке.

Слияния и поглощения (*mergers and acquisitions*) — самостоятельный и весьма специфический раздел деятельности инвестиционных

банков, отдельная дисциплина, находящаяся на стыке юридического, финансового, банковского и корпоративного менеджмента. В этой сфере *Mittal*, вне всякого сомнения, переиграл россиян. Будь группа переговорщиков «Северстали» более искушенной, а главное – намного лучше подготовленной, ей не составило бы труда найти, как сделать более выгодное предложение и, как минимум, получить за расторжение сделки не 130 млн евро отступных, а в разы больше. Цена, например, в два миллиарда не представляется специалистам запредельной. Это позволило бы российскому предпринимателю выйти из сражения с развернутым знаменем, а полученные средства использовать в целях последующего продвижения на мировые рынки. Впрочем, и сейчас, осваиваясь на западных фондовых площадках, Алексей Мордашов останавливаться, конечно, не будет. Благо в его компании уже проделана огромная работа по структуризации активов для иностранных партнеров.

В-третьих, особую актуальность приобретает вопрос о репутации российского бизнеса на мировой арене. Следует заметить, что конкурент «Северстали», мягко говоря, не является обладателем кристально чистой репутации. Имя Лакшми Миттала склонялось в связи с разного рода скандалами, его подозревали в подкупе и коррупции. Но в своем распоряжении он имеет высококлассную команду специалистов по всем аспектам комплексного «бизнес-сопровождения»: работе с правительственными организациями (*government relations*) по всему миру, отношениям с инвесторами (*investment relations*), связям с общественностью. Скоординированные усилия всех этих специалистов предваряют любую крупную сделку. И только затем в дело вступают профессионалы в области слияний и поглощений. Естественно, российские предприниматели отнюдь не игнорируют мировую практику, крупные компании привлекают самых разнообразных экспертов, однако, как в обсуждаемом случае, зачастую это делается слишком поздно или – в силу недостатка опыта – оказывается менее эффективным.

При этом, к сожалению, российскому бизнесу предстоит еще избавиться от негативного образа, который сформировался в 1990-е. Время с 1995 по 1999 год катастрофически сказалось на долгосрочной репутации предпринимателей России. Никто не нанес имиджу наших деловых людей больший урон, чем они сами в период, так сказать, первоначального накопления, в эпоху политических и информационных войн, в пору кричащей роскоши узкой прослойки на фоне лежа-

щей в социальных руинах страны. Культура людей, которые быстро и много заработали — кто-то честным, а кто-то и не вполне честным путем, — надолго наложила отпечаток на образ отечественного бизнеса.

Десять лет — это слишком малый срок для того, чтобы репутационные раны «зарубцевались», причем в первую очередь это становится внутринациональной проблемой. Ведь вопрос о легитимности нажитых капиталов то и дело поднимается в политических, а иногда и в чисто экономических целях. Отсутствие в стране убежденности в том, что права собственности незыблемы, вызывает эхо на мировой арене.

Конечно, меняется все быстро, возникает класс людей, прекрасно подготовленных и способных вести дела на самом высоком западном уровне. Они делают ставку на открытость и свободную конкуренцию, хотя в этом отношении им предстоит пройти нелегкий путь. В большом российском бизнесе на ключевых позициях сейчас уже почти нет людей, которые бы постоянно не выкраивали в своем невероятно плотном графике время на учебу. Без этого теперь просто невозможно. Те же, для кого время практически остановилось, — крупные постсоветские менеджеры либо владельцы с менталитетом аппаратного «разруливания» проблем, — как правило, представляют собой антизападное лобби. Они чувствуют, что неконкурентоспособны в цивилизационном и в интеллектуальном смысле, и именно из этого лагеря раздаются призывы к протекционизму, к «суверенной экономике».

ЧТО НУЖНО ОТ ГОСУДАРСТВА?

Апеллирование к государственной поддержке — общепринятое, вполне нормальное явление. Правда, в силу некоторых наших традиций и специфики российской политики с этим надо обращаться весьма осторожно. России очень важно найти правильный баланс — продвигать бизнес на внешней арене при помощи государства, но при этом не попадать в ловушку полнейшей этатизации, когда все решают чиновники. Последнее скорее всего, равносильно настоящей катастрофе, поскольку чрезмерный рост влияния бюрократии неизбежно ведет к коррупции и потере гибкости.

Предпринимательский класс любой страны вообще склонен к двойственному подходу. Когда и если он побеждает в одиночку, ему нет никакой надобности в государстве. Но как только бизнесмены сталкиваются с мощным противодействием иностранных

конкурентов, тут же возникает вопрос: где же моя страна, она должна стоять за мной. Подобное чувство эгоизма, возводимого в абсолют, свойственно каждому частному производителю, обуреваемому стремлением во что бы то ни стало победить. И проще всего объяснить свой провал, например, в конкурентной борьбе, сославшись на мощное давление со стороны «корпорации США», «корпорации Великобритании» или Запада в целом: мол, все дело в том, что «я – русский».

С другой стороны, не подлежит сомнению, что, добиваясь своих целей, конкуренты готовы использовать самые разнообразные поводы и аргументы, в том числе и охотно спекулируя на интересах «национальной безопасности». В своих попытках прорваться на западные рынки и приобретать там активы с данным явлением сейчас особенно часто сталкиваются китайские предприниматели. Правда, такого рода проблемы тяготят прежде всего государственные компании. «Экономический национализм», как своеобразная реакция на глобализацию, становится одной из наиболее обсуждаемых тем в мире.

Вместе с тем очень многие главы российских компаний понимают, что закрыться от внешнего воздействия – это не выход, необходимо, точно просчитывая свои шаги, встраиваться в мировую экономику. Более развитые страны, безусловно, пользуются преимуществом: они накопили соответствующие навыки, капитал, менеджмент, поскольку изначально развивались по правилам, которых мы долгое время не принимали. Разумеется, деловым людям на Западе в меньшей степени нужен государственный «тыл», им проще одерживать победы самостоятельно.

В этой связи **еще одним уроком**, который можно извлечь из истории с *Arcelor*, является необходимость тщательного выстраивания системы государственной поддержки российского бизнеса, не уступающей инструментам, которые есть в распоряжении предпринимателей других стран.

У государства хватает серьезных рычагов влияния.

В первую очередь его функция состоит в обеспечении политического содействия с целью продвижения интересов бизнеса. Нет ничего зазорного в том, что высокопоставленные государственные чиновники поднимают на высшем политическом уровне темы, важные для деловых людей своих стран.

Стоит обратить внимание на следующее: когда в Европе началась мощная, зачастую выходящая за рамки политкорректности

кампания против *Mittal Steel* (после заявки Лакшми Миттала на поглощение *Arcelor*), достаточно жестко выступил министр торговли Индии. Он потребовал от европейцев уважать те правила, которые те сами навязывали всему миру. В противном случае, заявил он, Дели также вправе рассмотреть, насколько эти правила отвечают его интересам.

Вполне понятна и реакция главы Министерства промышленности и энергетики РФ Виктора Христенко, который выразил недоумение, почему власти Европейского союза сочли *Mittal* более подходящим партнером при всей сомнительности данного слияния с точки зрения антимонопольного законодательства Евросоюза. Этот вопрос, очевидно, относится к компетенции Министерства экономического развития и торговли (МЭРТ) РФ, которое в принципе должно быть готово в случае конфликтной ситуации предоставить подробные аргументы российским компаниям и дать обоснование нашей позиции иностранным партнерам.

Многие государства осуществляют пропагандистско-маркетинговую деятельность, создаются бюро продвижения французского, немецкого бизнеса. Конечно, каждая компания сама старается утвердиться на мировых рынках. Но одно дело — действовать в одиночку, и совсем другое — чувствовать за собой системную, целенаправленную работу по изучению условий деятельности, сильных и слабых сторон национальных операторов в странах, куда пытается внедриться отечественный бизнес. В свое время всем этим занимались торгпредства Советского Союза. Сейчас их функции могло бы взять на себя специальное бюро при МЭРТе или при любом другом государственном органе. Речь идет о многоплановой работе по исследованию особенностей рынка страны пребывания и содействию интересам отечественных компаний. Такие бюро также пропагандируют и стимулируют приход иностранных инвестиций, что для нас тоже довольно актуально.

Впрочем, все перечисленное — это лишь периферийное участие государства в продвижении бизнеса. Основная работа, конечно, предусматривает создание системы выдачи кредитов, страхование от политических рисков и операции, связанные, в частности, с экспортно-импортной деятельностью, регулированием ставок акцизов, налогов, таможенных платежей. В Соединенных Штатах, например, существует специально созданная мощная Корпорация частных инвестиций за рубежом (*Overseas Private Investment Corporation, OPIC*),

на поддержку инвестиций нацелен *Ex-Imbank*. В Германии действует агентство *Hermes*, целью которого является страхование инвестиций. Подобные учреждения получили значительное распространение во многих странах мира.

В распоряжении Правительства Российской Федерации сейчас достаточно ресурсов, позволяющих приступить к планомерному созданию аналогичной инфраструктуры. Понятно, что до недавнего времени особой нужды в ней не ощущалось: государство в основном занималось латанием ды, то и дело возникавших в бюджете, — какая уж там экспансия... Но теперь этим пора заняться вплотную.

Используя имеющиеся рычаги, Российское государство способно предоставить дешевый ресурс тем компаниям, в выходе которых на мировой рынок оно по каким-то причинам нуждается. Можно использовать схему, по которой, например, на Западе стимулируют сельскохозяйственных производителей. Последним предоставляются многомиллиардные субсидии, в том числе чтобы способствовать повышению их конкурентоспособности на мировых рынках.

Не менее важно и манипулирование экспортно-импортными инструментами. Например, запретительные пошлины на импортные товары, которые конкурируют с нашими, обычно вводятся не на постоянной основе, а лишь на определенный срок. Тем самым отечественный производитель получает возможность подняться на ноги, самому стать конкурентоспособным. Затем, дабы не страдал потребитель, эти барьеры снимаются. И наоборот, имеет смысл снизить все экспортные платежи для тех производителей, в продвижении товаров которых мы заинтересованы.

Сейчас, когда Российское государство крепнет, все это ему вполне по силам. В свое время внешнеторговое ведомство было слито с Министерством экономики. В результате функции, принадлежавшие первому, по всей видимости, отодвинулись на задний план. Конечно, нельзя умалять важность сложнейших переговоров по вступлению в ВТО, которые ведет МЭРТ. Но ряд других направлений внешнеторговой деятельности нами в определенной степени утерян. На заседании Правительства РФ уже дважды ставился вопрос о необходимости усилить эту сферу работы — ведь, как справедливо отмечают многие, до 70 % российского ВВП приходится на внешнюю торговлю. И какие бы выдающиеся специалисты ни трудились в этой области, они просто не справляются, поскольку им требуется солидная поддержка как ресурсами, так и прежде всего кадрами.

Восстановит ли сейчас государство всю свою мощь в области внешней торговли, внешнеэкономического кредитования, страхования — вопрос принципиальный. Именно от его решения зависит, удастся ли России перейти к системной работе и стимулировать те виды российского бизнеса, продвижение которых вовне отвечает интересам и самих предпринимателей, и государства.

БИЗНЕС ОТДЕЛЬНО ОТ ПОЛИТИКИ

При этом, конечно, не стоит рассчитывать на то, что за рубежом наши компании примут с распростертыми объятиями. Конкурентная борьба в современном мире приобретает все более жесткие очертания. Вместе с тем чистый, честный, прозрачный, отвечающий параметрам рынка по своим ценовым и другим характеристикам российский бизнес обычно принимается вполне лояльно. Если инвестиции выгодны зарубежным партнерам, в большинстве случаев никто не будет интересоваться национальным происхождением капитала — лишь бы оно не было криминальным.

Россия со своей стороны не должна давать повод для подозрений в том, что под предлогом расширения внешней торговли и бизнеса преследует какие-то политические цели. Стоит напомнить, что Советский Союз даже на пике холодной войны тщательно избегал соблазна увязать воедино вопросы идеологической конфронтации и, например, сотрудничества в области торговли энергоресурсами. Использование экономической мощи (в нашем случае это, конечно, в первую очередь энергетический потенциал), — метод весьма эффективный, но очень тонкий, требующий продуманного дипломатического подхода и точного просчета всего комплекса интересов и последствий. Если мы начнем путать одно с другим, то в ответ на наш «фронт» с неизбежностью получим единый «фронт» наших клиентов и партнеров.

Геополитическое положение России таково, что партнеры и соседи всегда будут пытаться втягивать ее в собственные игры, зачастую против кого-то. На эту удочку ни в коем случае нельзя попадаться. Решение проблем развития нашей страны требует взаимовыгодного и полноценного сотрудничества по всем направлениям, а не участия в чьих-то интригах, которые в подавляющем большинстве случаев далеки от российских интересов.

Уран, торий и режим нераспространения

Эндрю Пикфорд

Всякий раз, когда обсуждается тема ядерного распространения, вспыхивает дискуссия о том, способен ли базовый документ, который призван регулировать этот режим – Договор о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО), ответить на современные вызовы. Будет ли этот документ, уходящий корнями в 60-е годы прошлого века, существовать, скажем, в 2060-м?

В XXI веке тревоги по поводу распространения ядерных технологий тесно переплелись с двумя другими вопросами – энергетической безопасностью и угрозой глобального потепления. Как бы ни интерпретировались все эти три проблемы, их влияние на национальные стратегические приоритеты беспрецедентно.

ДНЯО отражал стремление международного сообщества ограничить приобретение оружия, применение которого привело бы к всемирной катастрофе. В принципе этот Договор, который не подписали всего три страны – Израиль, Индия и Пакистан, – можно считать чрезвычайно успешным. Текст Договора зафиксировал состояние технологий и глобальную расстановку сил, какими они были в эпоху холодной войны. Но к 2006 году, особенно с выходом Индии на стратегические позиции, так называемые «развивающиеся страны» и нетрадиционные ядерные державы начали ставить под сомнение актуальность ДНЯО.

Учреждая Договор о нераспространении ядерного оружия в 1968-м, великие державы попытались остановить время подобно тому, как в 1945 году остановить время попытались путем создания ООН. Любое стремление ограничить распространение техно-

Эндрю Пикфорд – научный руководитель Центра стратегического анализа *Future Directions International* (Перт, Австралия).

логий, особенно ядерных, практически всегда обречено на провал. При наличии необходимых ресурсов любая страна или террористическая группа в состоянии без труда овладеть такой технологией, а зачастую и усовершенствовать ее. Международная ассоциация стратегических исследований (*ISSA*) в Вашингтоне более трех десятилетий кропотливо занималась проблемами стратегического и ядерного соотношения сил. В опубликованной *ISSA* в 1989-м работе «Оборона и международные отношения» говорилось: «Как ни странно, принято считать, что все, что связано со словом “ядерный”, — прерогатива крупных держав. На самом деле только цена заставляет многие развивающиеся страны воздерживаться от данной статьи расходов. И конечно же, сегодня необходимо пересмотреть наши представления о “развивающихся странах”».

За последние десятилетия издержки, связанные с приобретением ядерных технологий, снизились. И если в 1968 году очень немногие имели возможность осуществлять ядерные программы, производить ядерное оружие либо атомные субмарины, то в 2003-м наладить такое производство, по различным оценкам, при желании были способны от 35 до 40 стран.

НОВЫЙ ВЗГЛЯД НА ИНДИЮ

Значительные изменения, происходящие в мире, угрожают уже в 2006 году подорвать жизнеспособность ДНЯО в качестве основы режима нераспространения. Эти сдвиги отмечались еще со времени наивысшего расцвета Договора в 1995-м, а в последние годы они только ускорились. Геополитические интересы заставили Соединенные Штаты взглянуть на Индию как на стратегического партнера и прийти к заключению ядерного соглашения с этой страной, которое влечет за собой изменение статус-кво. Призывая к оживлению американо-индийских отношений, советник госсекретаря США Филип Зеликов указал на необходимость создания «якоря» в Южной Азии, подобного тому, какой после Второй мировой войны представляли собой союзники Америки на огромном евразийском пространстве — Великобритания и Япония.

Соглашение предусматривает передачу Индии ядерных технологий в обмен на разделение ее военных и гражданских предприятий, а также предоставление беспрепятственного доступа международных инспекторов к гражданским ядерным объектам. Это, безуслов-

но, ослабило ДНЯО. Двусторонняя сделка автоматически превращает Индию в «особый случай» за рамками Договора и в то же время делает ряд ее АЭС открытыми для мер безопасности, предусмотренных в этом Договоре. Возникает противоречие: различные сдерживающие механизмы, призванные ограничить распространение ядерного оружия, создали стратегическую конструкцию, которая подрывает жизнеспособность самого ДНЯО.

Полезно рассмотреть смежную с обсуждаемой тему глобального потепления, а также обстоятельства, связанные с появлением новой организации, которая называется Азиатско-тихоокеанское партнерство по экологическому развитию и климату (*APPCDC*). С инициативой создания этой группы государств 27 июля 2005 года выступил президент США Джордж Буш, затем она была утверждена на встрече министров в Сиднее 12 января 2006-го. В отличие от обязывающего Киотского протокола, новая организация основана на «нежесткой» договоренности разрабатывать экономичные и более чистые технологии. Эта группа объединяет шесть стран, производящих более половины мирового ВВП, в том числе США, Индию и Австралию.

Такие проблемы XXI столетия, как энергетическая безопасность, распространение ядерных технологий и глобальное потепление, должны входить в компетенцию новых организаций, отражающих перемещение мирового центра экономической деятельности с евроатлантического пространства в Азию.

РЕНЕССАНС ЯДЕРНОЙ ЭНЕРГЕТИКИ

Такие «развивающиеся страны», как Китай и Индия, намечают выход на новые стратегические рубежи. Запланированная ими индустриализация потребует серьезных затрат электроэнергии, причем на постоянной основе. Анализируя свои будущие энергетические потребности «с чистого листа», некоторые «развивающиеся страны», в которых еще не сформировалось экологическое лобби (в первую очередь КНР и Индия), пришли к выводу, что основу их национальной энергетики составит атомная энергия. К 2022 году Дели планирует увеличить мирный ядерный потенциал в десять, а к середине XXI века — в 100 раз. К 2020-му Пекин намерен довести мощность своих атомных станций до 40 гВт (по сравнению с 6,5 гВт в 2005-м), что составит 4 % от суммарного внутреннего энергоснабжения.

Согласно прогнозам МАГАТЭ, в период с 2006 по 2025 год производство ядерной энергии в мире в целом увеличится на 22–44 %. В ряде промышленно развитых стран «мирный атом» позиционируется как источник чистой, «зеленой» энергии, производство которой не вызывает парникового эффекта. 25 мая 2006-го президент США Джордж Буш заявил: «Давайте прекратим споры о том, что является причиной парникового эффекта — деятельность человека или естественные причины. Не лучше ли сосредоточиться на технологиях, которые помогут решить эту проблему. Что как не ядерная энергетика в состоянии справиться с проблемой парниковых газов».

Растущие цены на ископаемое топливо повсюду делают атомную энергию наиболее привлекательной, так что некоторые страны планируют не только сохранить, но даже и увеличить ее долю. К этому настойчиво подталкивает еще и то обстоятельство, что после чернобыльской катастрофы (1986) на Западе, по сути, не было построено ни одного реактора. Кроме того, некоторые из 440 реакторов, действующих ныне во всем мире, практически исчерпали отпущенный им срок эксплуатации. Это неизбежно приведет к дефициту в базисных мощностях по выработке электроэнергии.

Ниже приведены планы некоторых стран по вводу новых атомных мощностей.

- **Великобритания:** 17 мая 2006 года премьер-министр Тони Блэр поднял вопрос о новом поколении ядерных электростанций, которые понадобятся, чтобы возместить убывающие запасы ископаемого топлива в стране, заменить стареющие атомные электростанции (АЭС), а также решить проблему парниковых газов.

- **Россия:** 17 мая 2006 года объявлено, что к 2010-му Россия наметает ввод по меньшей мере двух реакторов. Глава Федерального агентства по атомной энергии Сергей Кириенко заявил, что уже на будущий год запланировано построить новую четырехреакторную АЭС возле Санкт-Петербурга, по соседству с ныне действующей атомной электростанцией в Сосновом Бору.

- **Индонезия:** к 2015 году на острове Ява предусматривается пуск пока что единственной АЭС. Первая ее очередь будет вырабатывать 1 000 МВт, тогда как полная проектная мощность рассчитана на 4 000 МВт.

- **Вьетнам:** в период с 2015 по 2020 год планируется пуск первой АЭС мощностью от 1 400 до 4 000 МВт.

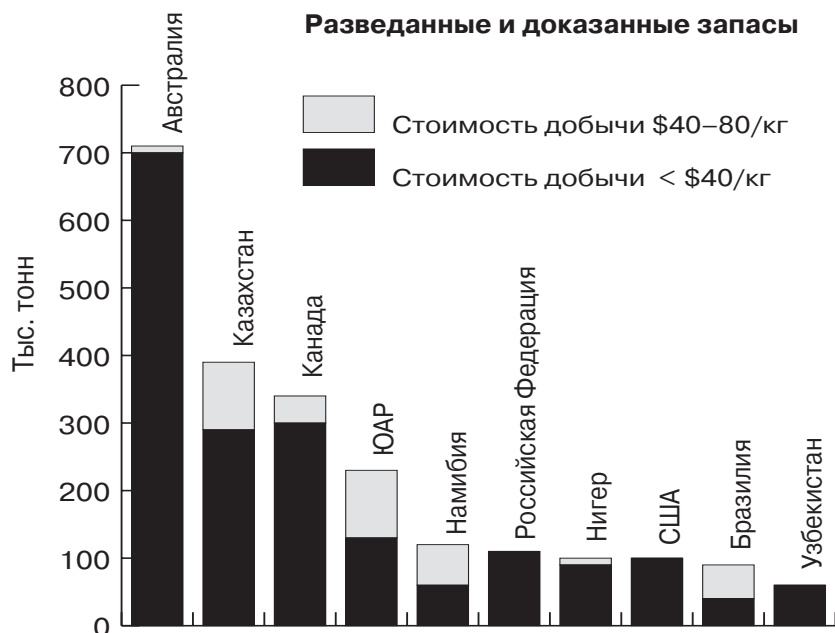
ПОГОНЯ ЗА УРАНОМ

В условиях растущего спроса на атомную энергию быстро развивающимися азиатскими гигантами гарантированный доступ к урану превратился в настоящую проблему. В феврале 2006-го США заговорили о программе «Глобальное партнерство в ядерной энергетике» (*GNEP*), призванной решать проблемы распространения ядерных технологий, а также удовлетворять растущие потребности в энергии, которые побуждают некоторые страны расширять свою атомную промышленность. Программа предусматривает предоставление в лизинг ядерного топлива с обеспечением полного цикла, включая вывоз отработанного материала из стран-потребителей и его последующую переработку. Таким образом, функция последних ограничивается лишь эксплуатацией АЭС.

Совершенно неожиданно вес на энергетическом рынке приобрели Австралия и Канада. На эти страны приходится половина добываемого в мире рудного урана, а также 42 % разведанных извлекаемых запасов. В своем выступлении на совместном заседании канадского парламента в Оттаве 18 мая 2006 года премьер-министр Австралии Джон Ховард сказал: «У Канады и Австралии много общего в области энергетики, которая, конечно же, тесно связана с изменением климата. Мы обладаем крупнейшими запасами урана, и наши страны должны сообща трудиться в рамках недавно предложенного глобального партнерства по осуществлению контроля над ядерными технологиями. Но именно обилие урановых ресурсов обязывает нас позаботиться о том, чтобы данное партнерство не ущемляло интересов наших стран».

Известные извлекаемые запасы урана

Страна	Объем, т	Доля от общемировых запасов, %
Австралия	1 074 000	30
Казахстан	622 000	17
Канада	439 000	12
ЮАР	298 000	8
Намибия	213 000	6
Бразилия	143 000	4
Российская Федерация	158 000	4
США	102 000	3
Узбекистан	93 000	3
Общемировые запасы	3 537 000	

На следующий день после выступления в Оттаве Джон Ховард совместно с канадским коллегой Стивеном Харпером подтвердили обоюдное намерение внимательно следить за развитием американской программы *GNEP*. Они не исключили и возможность присоединения Канады к Азиатско-тихоокеанскому партнерству по экологическому развитию и климату. Канада и Австралия нечасто выступают в тандеме на мировой арене, и все же они накопили значительный опыт работы в ООН по оказанию взаимных консульских услуг своим гражданам. Их объединяют общее культурное наследие, язык и институты, что делает сотрудничество по вопросам, связанным с ураном и ядерными технологиями, вполне жизнеспособной перспективой.

На сегодняшний день нерешенным остается вопрос о создании Канадско-австралийской группы поставщиков урана (*CAUSG*) и – в более широком аспекте – о жизнеспособности программы *GNEP*. Отдельные государства выразили озабоченность по поводу стратегических последствий программы *GNEP* – ведь в соответствии с ней Соединенные Штаты смогут удерживать длительный контроль над ядерным топливным циклом. Критики программы утверждают, что она базируется на еще не проверенных технологиях и способна подорвать существующие институты. Однако договоренности между Вашингтоном и Дели в области ядерной энергетики уже одобрены

американской Палатой представителей, которая подтвердила «особый статус» Индии за рамками ДНЯО и поддержала выделение средств на Азиатско-тихоокеанское партнерство. Голосование в Сенате, как ожидается, также пройдет успешно.

Сам факт пересечения таких проблем, как энергетическая безопасность, распространение ядерных технологий и глобальное потепление, проливает свет на сущность возможного взаимодействия Австралии и Индии, а также будущих институтов XXI столетия в этой области. Переговоры между Австралией, Индией и США продемонстрировали, каким образом такие новые организации, как Азиатско-тихоокеанское партнерство по экологическому развитию и климату и *GNEP*, могли бы стать проводниками новых стратегических отношений.

Точно так же формирующаяся ныне Шанхайская организация сотрудничества (ШОС), первоначально созданная для борьбы с терроризмом в Центральной Азии, превращается в группу стран, сплоченных вокруг Китая и решающих в первую очередь проблемы энергетической безопасности. На последнем саммите ШОС 15 июня 2006 года российский президент Владимир Путин призвал создать «энергетический клуб ШОС», объединяющий несколько крупнейших мировых экспортеров и импортеров энергии.

ТОРИЕВАЯ АЛЬТЕРНАТИВА

Дебатам по атомной энергии и распространению ядерных технологий также следовало бы задать несколько иную траекторию. Сама атомная промышленность — порождение холодной войны. Изначально ядерные технологии разрабатывались в 50-е годы прошлого века для нужд военного комплекса и для создания оружия, а вовсе не для индустриализации таких стран, как Индия и Китай. «В 50-е годы, когда у власти в США находилась администрация президента Дуайта Эйзенхауэра, предпочтение отдавалось урану [а не торию, например], позволяющему увеличивать способность реакторов производить продукты ядерного распада, — иными словами, материалы, пригодные для создания ядерного оружия», — отмечает Грегори Капли из уже упоминавшейся Международной ассоциации стратегических исследований. И только высокие цены на ископаемое топливо вкупе с коммерческим освоением атома заставили АЭС эпохи холодной войны уступить место новому типу реакторов, работающих на тории, которые практически снимали все тревоги по поводу расползания ядерных технологий.

Исследования в области альтернативных технологий с применением тория вместо урана могли бы осветить многие вопросы, оставшиеся без ответа в программе *GNEP*. Торий – идеальный энергоноситель с высокой плотностью энергии; кроме того, при его сгорании не происходит загрязнение воздуха, воды либо почвы. В отработанном тории отсутствуют примеси плутония, а также продукты длительного распада U-235, близкого к U-238. Это означает, что на выходе не образуется оружейный плутоний или U-235; в целом отходов значительно меньше, и от них гораздо легче избавляться.

6 октября 2005 года Центр стратегического анализа *Future Directions International* выступил в федеральном парламенте Австралии с инициативой о проведении исследования под названием «Пути развития австралийской энергетики». Доклад содержит призыв к всесторонним и открытым дебатам по ядерной энергетике, причем особое внимание уделяется преимуществам новой ториевой технологии.

В начале холодной войны торий как энергоноситель был отвергнут по той причине, что не давал столь необходимых тогда продуктов распада плутония. Однако в нынешних условиях есть все основания полагать, что уже к 20–30-м годам XXI века он станет предпочтительным источником энергии. Кроме того, Индия, которая остается вне ДНЯО и сохраняет большие ядерные амбиции, располагает огромными запасами тория, по объему которых она уступает лишь Австралии. Дели осуществляет серьезные разработки в области ториевых технологий. Следует также вспомнить, что именно благодаря международным санкциям ЮАР при ее ограниченных внутренних энергоресурсах пришлось перейти на ядерный реактор с засыпкой из шаровых тепловыделяющих элементов (*Pebble-Bed Modular Reactor, PBMR*), а также разработать технологию сжигания угля для топливopодачи на транспорте.

Доклад «Пути развития австралийской энергетики» рассматривает стратегическое значение ториевой технологии, разрабатываемой в США, а также возможные преимущества тория перед ураном как энергоносителя XXI столетия.

Исследования, проводимые в Калифорнийском университете, преследуют цель разрешить некоторые технологические затруднения, которые в прошлом препятствовали распространению ториевых реакторов. В первую очередь это необходимость снижения температурного режима их работы, а также надежность и безопасность, достигаемая путем обеспечения их саморегулирования. Таким образом,

можно сократить габариты реактора, сделать его компактным, и при этом с высокой плотностью рассеиваемой мощности, поскольку саморегулирование — свойство самого топлива. Такой источник энергии имеет широкий спектр практического применения, не в последнюю очередь — в целях безопасной и надежной выработки электроэнергии, в том числе для бытовых или промышленных нужд.

Мировые запасы тория (экономически извлекаемые)

Страна	Объем, т
Австралия	300 000
Индия	290 000
Норвегия	170 000
США	160 000
Канада	100 000
ЮАР	35 000
Бразилия	16 000
Другие страны	95 000
Общемировые запасы	1 200 000

Геологическое исследование США, обобщение запасов минерального сырья, январь 1999 г.

Небольшие ториевые реакторы пригодны для приведения в действие паровых электроэнергетических турбин. Как и в случае с *PBMR*, пар можно использовать для таких технологических процессов, как опреснение и очищение воды, а также синтез водорода.

Проект ториевого реактора предусматривает более передовую технологию по сравнению с *PBMR*. Так, совсем недавно — в марте 2005-го — ее создатели Чарлз Холден и Так Пуй Лу из Сан-Франциско, работающие над проектом ториевого реактора в Калифорнийском университете, временно запатентовали сплав, представляющий собой инертную металлическую матрицу для керамического ториевого топлива. По сообщению компании Холдена *Thorenco LLC*, помимо непосредственной выработки электроэнергии либо опреснения воды, небольшие ториевые реакторы смогут найти применение в полевых условиях для получения углеводородов из нефтеносного сланца на западе США, битуминозных песков Канады или из тяжелой неочищенной нефти, извлекаемой в районе озера Маракайбо в Венесуэле. То же относится и к австралийским месторождениям горючего сланца.

Непосредственным откликом на доклад Центра стратегического анализа *Future Directions International*, было объявление австралийского премьер-министра Джона Ховарда о начале исследований в рамках программы «Обработка урана и ядерная энергетика в Австралии». В настоящее время доля Австралии в мировом атомном производстве ограничивается тремя урановыми шахтами. Любые изменения политики в области обогащения урана, производства атомной энергии, хранения или переработки ядерного топлива лишь приблизят Канберру к критериям программы глобального энергетического партнерства. Фактически более широкий мировой контекст ядерных исследований, проводимых Австралией, стал выкристаллизовываться лишь в начале 2006 года. Так, в ходе визита австралийского премьера в США и Канаду в мае этого года стало очевидно, что вопросы распространения ядерных технологий, энергетической безопасности и изменения климата неразделимы и должны решаться одновременно.

Уже на ранней стадии дебатов вокруг ядерного топливного цикла внимание СМИ привлекли растущие энергетические потребности Пекина и Дели, а также возможности тория в качестве альтернативы технологиям на основе урана. Хотя результаты австралийской правительственной программы ядерных исследований появятся не ранее конца 2006 года, вполне вероятно, что во внутренних дебатах по данному вопросу будут подниматься темы, связанные с ДНЯО, а также с договоренностью между США и Индией о поставках Дели ядерных технологий.

ВАШИНГТОН – ДЕЛИ – КАНБЕРРА

С геополитической точки зрения, учитывая успешное стратегическое партнерство между Вашингтоном и Дели, а также одобрение ядерной сделки Конгрессом США, гарантированные поставки урана будут приобретать все большее значение. Подобный факт не остался незамеченным в Австралии. Вот почему в процессе разработки внешнеполитической стратегии правительство страны проявляет значительный интерес ко все более тесному партнерству между Индией и США и с удвоенной энергией стремится наладить собственные отношения с Дели, которым зачастую не уделялось должного внимания.

В новых стратегических условиях создание прочной базы отношений с Америкой и развитие австралийско-индийских отношений на качественно новом этапе гарантируют совместное освое-

ние новых технологий, безопасную поставку обогащенного урана и тория, а также практические меры по противодействию глобальному потеплению. Соответственно эти направления, по всей вероятности, станут приоритетными по сравнению с попытками продлить срок жизни ДНЯО.

Опасность распространения ядерных технологий действительно велика. Но не менее серьезны угрозы, связанные с энергетической безопасностью и дальнейшим изменением климата. Вместе с тем, принимая ответственные решения, политики так или иначе будут руководствоваться прежде всего настроениями своего электората и национальными интересами, а не стремлением сохранить ДНЯО. Следует готовить почву для создания новых институтов, неформально объединяющих такие страны, как США, Австралия, Индия и, возможно, Канада и Великобритания. Причем роль Вашингтона в этом союзе вовсе не обязательно будет доминирующей. Здесь совершенно не подходит сравнение с альянсами по принципу «ось и колесо» вроде тех, что Соединенные Штаты сколотили после Второй мировой войны, будучи главенствующей державой в мире.

Обсуждение предстоящей судьбы ДНЯО может вызвать всплеск эмоций и пойти по иному руслу, чем это можно предположить; к тому же многие сценарии, описанные в данной статье, носят гипотетический характер. Как бы то ни было, опыт великих геополитических перемен показывает, что международные режимы, оказавшись на гребне великих потрясений, редко соответствуют своему первоначальному облику. Независимо от сложившейся ныне структуры международных отношений сдвиг экономической активности от Атлантики к Азии и природное распределение тория и урана неизбежно приведут к тому, что так называемые «развивающиеся страны», и особенно Индия, бросят вызов современному статус-кво. Эти изменения отнюдь не обязательно будут конфронтационными – они станут продолжением духа и буквы ДНЯО. Как это не раз случалось в истории, отживший свой век институт может стать основой для создания новых.

Азиатские горизонты

“ *Национализм неискореним. Он возрождается из сочетания свободы самовыражения и коммерческой эксплуатации в прессе популистских идей. Правительства, которые, заигрывая с националистическими чувствами, руководствуются соображениями престижа, популярности, стремлением объединить страну или создать новую идеологию, не отдают себе отчета в возможных последствиях. Подобные тенденции можно сейчас наблюдать и в Японии, и в КНР* ”

Лекарство от сомнений *Ольга Борох, Александр Ломанов*

52

Мафия XXI века: сделано в Китае *Владимир Овчинский*

65

Дальневосточный треугольник *Наташа Курт*

77

Уроки Европы и примирение в Азии *Карл Кайзер*

88

Лекарство от сомнений

Ольга Борох, Александр Ломанов

В 2005 году в Китае разгорелись споры о дальнейшем пути реформ, неофициально уже названные «третьей великой дискуссией». Трансформация централизованной социалистической системы длится в Китайской Народной Республике без малого три десятилетия, но за это время в стране прошли лишь две крупные дискуссии о курсе преобразований. В начале 1980-х развернулась «первая великая дискуссия» о соотношении между планом и рынком. Она была призвана ответить на вопрос о том, нужно ли менять основы сложившейся экономической системы. «Вторая великая дискуссия» разгорелась после трагических событий 1989 года: консерваторы попытались остановить реформы в интересах сохранения политической стабильности. Дебаты завершились в 1992-м, когда Дэн Сяопин запретил публично обсуждать вопрос о социалистической или капиталистической природе трансформаций и волевым решением повел Китай по рыночному пути.

И вот после десятилетней паузы в КНР опять возобновились горячие споры. Китайские авторы называют это «всесторонним переосмыслением» курса преобразований. Стимулом для «третьей великой дискуссии» стали накопившиеся социальные противоречия, которые затронули широкие слои общества: рост имущественного неравенства, махинации при переводе государственных активов в частную собственность, снижение уровня доступности образовательных и медицинских услуг, подорожание жилья.

В отличие от 1980-х годов, современные оппоненты либерального рынка больше опираются на факты и реальные проблемы, чем на

О.Н. Борох — к. э. н., ведущий научный сотрудник Института Дальнего Востока РАН. **А.В. Ломанов** — д. и. н., ведущий научный сотрудник Института Дальнего Востока РАН.

идеологические догмы. Среди критиков появилось немало молодых интеллигентов, вовсе не похожих на престарелых консерваторов прошлых лет. Реформаторы называют нынешнее движение «отражением конфликта интересов различных социальных слоев», возникших в китайском обществе за время реформ. Они призывают оппонентов воздерживаться от идеологизации проблем, а то и полностью прекратить «ненужные» споры.

Реформаторское течение, господствующее в китайской экономической мысли, убеждает общество, что страна идет в правильном направлении. Со временем рыночные механизмы будут встроены в более совершенную правовую и политическую среду, что поможет сократить наметившиеся диспропорции.

Но при этом все увереннее заявляет о себе течение, отрицающее нынешнюю модель реформ и настаивающее на укреплении роли государства в экономике, на реальном, а не декларативном следовании социалистическим лозунгам. В ходе дискуссии «некоторые сомневающиеся в реформах люди надеются побудить новое поколение китайского руководства к смене курса» (Чжунго гайгэ. 2006. № 4. С. 52).

Китайские лидеры не отрицают, что в стране накопилась масса серьезных проблем, и дают экспертам возможность проводить их обсуждение. Социально ориентированная «третья великая дискуссия» окрашена в популистские тона, что отвечает настроениям народа и позволяет выпустить пар недовольства. Мишенью для критики являются не власти, а теоретики реформ из числа экономистов, на которых посыпался град обвинений за проведение пагубного «неолиберального» курса.

Партийно-государственное руководство страны во главе с Ху Цзиньтао, пришедшее к власти в 2002–2003 годах, одобрило публичное переосмысление «взгляда на развитие», предполагая лишь

Кадр из фильма «Жить», реж. Чжан Имоу, КНР – Гонконг, 1994 г.

частичную коррекцию избранной модели реформ, а не ее отрицание. Рост масштабов «третьей великой дискуссии» побудил китайских лидеров недвусмысленно высказаться в поддержку курса дальнейших перемен. Весной 2006-го во время работы сессий парламента – Всекитайского собрания народных представителей и Народного политического консультативного совета Китая генеральный секретарь ЦК КПК, председатель КНР Ху Цзиньтао подчеркнул: «Надо непоколебимо придерживаться направления реформ». Премьер Госсовета КНР Вэнь Цзябао тоже сказал, что, несмотря на трудности, останавливаться нельзя.

Руководящий тандем Ху Цзиньтао – Вэнь Цзябао не даст критикам остановить процесс перемен. Но, в отличие от Дэн Сяопина, лишившего левых права голоса при обсуждении курса преобразований, нынешние лидеры сознательно пытаются включить критиков в рамки дозволенной дискуссии. Замалчивание проблем будет мешать поиску путей их решения, а широкий рост недовольства рыночными преобразованиями бросает вызов легитимности правления. Ответом властей стал беспрецедентный для пореформенного Китая проект реанимации марксистской идеологии.

МАРКСИСТЫ ТРЕБУЮТ ВЛАСТИ

Летом 2005 года китайские интеллектуальные круги были потрясены выступлением авторитетного экономиста Лю Гогуана по вопросам изучения и преподавания экономической теории. 83-летний ученый заявил на страницах ведущего академического журнала «Цзинцзи яньцзю» («Экономические исследования»), что его тревожит рост влияния в КНР западной экономической науки на фоне ослабления и маргинализации марксизма. Не раскрывая имен оппонентов, он выступил против тех, кто призывает признать за западной экономической наукой роль направляющей идеи в реформировании и развитии Китая, позволить ей занять место марксизма: «Западная буржуазная идеология проникает в экономическую деятельность и процесс принятия экономических решений. Это вызывает беспокойство».

Причины создавшегося положения Лю Гогуан усматривает в активности враждебных международных сил, спаде мирового социалистического движения, недостатке опыта ведения идеологической борьбы в новой ситуации, ослаблении бдительности и нечеткости курса в области преподавания экономической науки. Ученый особо подчеркнул, что право руководить учреждениями общественных на-

ук в КНР должно принадлежать марксистам, а не последователям западной экономической теории.

Лю Гогун напомнил, что в период реформ власти видели главную задачу в борьбе с левым уклоном в идеологии, но здесь уже достигнуты «большие результаты» и потому опасность левого влияния на практику преобразований невелика. Теперь наибольшую опасность представляет возрождающаяся «буржуазная либерализация», прежде всего в сфере экономической науки.

Лозунг борьбы с «буржуазной либерализацией» часто звучал в политических кампаниях 1980-х, когда китайское руководство во главе с Дэн Сяопином пыталось сдержать распространение прозападных настроений и либеральных идей. Критика тогда велась жестко, зачастую применялись методы идеологического давления, унаследованные от эпохи Мао Цзэдуна. После событий 1989 года слова чиновников о бдительности в отношении «буржуазной либерализации» всякий раз воспринимались как тревожное напоминание о том, что власть сохраняет за собой право командовать интеллигенцией.

Лю Гогун предложил коллегам ограничить заимствования из западной экономической теории, дабы избежать опасного конфликта между руководящими положениями марксизма и чуждой буржуазной идеологией. К элементам данной идеологии он причислил, например, основанное на предпосылке о своекорыстном «экономическом человеке» мнение, что система частной собственности лучше всего соответствует человеческой природе. В этом смысле она выступает единственно вечной и наиболее эффективной основой рыночной экономики. Недопустимо поддаваться слепой вере в рыночную либерализацию и впадать в рыночный фундаментализм. Нельзя также настаивать на минимизации функций правительства и вмешательства государства в экономику. Все это неприемлемо для Китая, который должен строить социалистическую рыночную экономику, сохраняя главенство общественной собственности и преследуя цели не только эффективности, но и справедливости.

«Небольшое число людей», используя идеи либерализации и приватизации, по мнению Лю Гогуана, выступают от имени богатых и нападают на марксизм, пытаясь «подменить марксистскую экономическую науку западной». Известный ученый полагает, что эти люди ставят препоны на пути реформ, а их деятельность не что

иное, как «ошибка истории». Подобного рода теоретиков еще не поздно «поставить на правильный путь», руководствуясь марксистской политэкономией. В противном случае существует угроза смены экономического строя. Вслед за базисом изменится в стране и характер политической власти, а «для большинства людей эта опасность подобна страшному сну», предупредил ученый.

В страстных выступлениях Лю Гогуана «новые левые» почерпнули стимул для продолжения полемики с реформаторами. Его заявления были восприняты и как тревожное предвестие готовящегося идеологического наступления на общественные науки. В прошлом Лю Гогуан занимал пост вице-президента Академии общественных наук (АОН) Китая, за ним закрепилась репутация реформатора-центриста, владеющего инсайдерской информацией и способного раньше других отреагировать на изменяющуюся обстановку.

Представители основного течения экономической мысли предпочли не вступать в идеологическую полемику с Лю Гогуаном, не откликнулись и раскритикованные им ведущие ученые. При этом все понимали, что реализация прозвучавших призывов могла бы разрушить сложившийся за годы реформ негласный «пакт о ненападении» между официальной идеологией и общественными науками.

Современная китайская экономическая наука равняется на западные академические стандарты, старательно избегая рассуждений на идеологические темы. Страницы ведущих экономических журналов пестрят формулами и математическими моделями, тогда как скупые установочные статьи на темы «социалистической рыночной экономики» появляются лишь несколько раз в году в связи с необходимостью прокомментировать решение очередного пленума ЦК или постановление сессии парламента. В 1990-е годы в господствующем течении экономической науки КНР сложился устойчивый консенсус относительно продолжения реформ в рыночном направлении, совершенствования правовой среды и постепенного сокращения роли государства. Политическое подчинение профессиональных экономистов с западным образованием коллегам-марксистам означало бы кардинальное переустройство интеллектуального ландшафта.

Однако выступление Лю Гогуана опиралось на объективные факты и отражало недовольство традиционной марксистской профессуры понижением своего статуса. Откликнувшийся на это выступление экономист Цзо Дапэй, представитель «новых левых», особо

подчеркнул важность обладания «правом на руководство» экономическими факультетами университетов и в исследовательских центрах: «Многие ученые вынуждены высказываться в пользу приватизации, в противном случае им не получить даже должность доцента. На деле это проблема власти, а не просто науки, это самый главный вопрос». Судя по всему, в том же духе рассуждали и китайские лидеры. Избегая вмешиваться в научно-теоретические споры, они не стали подвергать идеологическим гонениям представителей господствующего течения в экономической мысли. Вместо этого власти решили повысить статус марксистских исследований.

ЗАДАЧА ДЛЯ АКАДЕМИКОВ

В последние месяцы 2005 года в КНР прошло несколько заметных мероприятий, продемонстрировавших возросшее внимание властей к марксистской тематике. 25 ноября состоялась коллективная учеба в Политбюро ЦК КПК, посвященная мировым исследованиям марксизма и проекту изучения и строительства марксистской теории в Китае. Ее обновления и развития требует великое дело строительства социализма с китайской спецификой, сказал собравшимся руководивший учебой Ху Цзиньтао.

Профессор Ли Чунфу, занимавший тогда пост директора Института марксизма-ленинизма и идей Мао Цзэдуна АОН Китая, признал, что перемены в СССР и Восточной Европе вызвали спад в мировом социалистическом движении. Но внутри спада есть и подъемы, одним из которых стал «путь строительства социализма с китайской спецификой». По мнению Ли Чунфу, в современном Китае марксизм должен ответить на «некоторые вопросы о направлении и стратегическом планировании». В частности, на современном этапе важно больше уделять внимания социальной справедливости и равенству в духе марксизма. Ли Чунфу также отметил, что в последние годы степень признания людьми «китаизированного марксизма» довольно высока, однако базовая теория в некоторой степени позабыта.

Китайские авторы подчеркивают, что более чем за полвека со времени образования КНР были созданы три теории, творчески соединившие марксизм с китайской реальностью. Это восходящие к 1930–40-м годам революционно-националистические «идеи Мао Цзэдуна», канонизированная в 1992-м реформаторская «теория Дэн Сяопина», а также возникшие на рубеже веков при Цзян Цзэмине «важные идеи тройного представительства», обосновывающие поли-

тическую интеграцию китайских предпринимателей в ряды «строителей специфически китайского социализма».

Всего за несколько лет правления Ху Цзиньтао появился еще целый ряд теоретических новшеств. Среди них лозунги «научного взгляда на развитие» и «скоординированного устойчивого развития», намерение «брать человека за основу», концепция «гармоничного социалистического общества». Приняты решения об «усилении руководящих способностей» КПК и «созидании передового характера» партии. Раздающиеся ныне в Китае голоса в пользу активизации работы по созданию «марксизма эпохи глобализации и рыночной экономики» заставляют предположить, что правление Ху Цзиньтао увенчается очередным обогащением идейно-теоретического багажа компартии.

Впервые в истории КПК власти инициировали крупномасштабные теоретические исследования марксизма в виде проекта, охватывающего изучение трех вышеуказанных теорий и работу по исправлению переводов классических произведений. Официальный Проект исследования и строительства теории марксизма осуществляется при непосредственном руководстве со стороны ЦК КПК, за повседневную работу отвечает отдел пропаганды ЦК. Создана также «руководящая группа» проекта из представителей трех ведущих официальных исследовательских структур — Центральной партшколы КПК, АОН Китая и Бюро переводов при ЦК КПК. Эти центры отличаются по стилю и направлению деятельности. Партшкола, как главная кузница кадров, склоняется к ортодоксальному толкованию руководящей теории и занимается прежде всего вопросами пропаганды. Институты АОН сосредоточены исключительно на исследованиях и занимают, как правило, идеологически нейтральную позицию. Бюро переводов специализируется на изучении и переводах материалов зарубежного марксизма, что придает работам этой организации заметный социал-демократический окрас.

Марксисты получают беспрецедентно щедрое финансирование. Для начала власти выделили на реализацию проекта 200 млн юаней (25 млн дол.). На первом месте стоит задача создания новых марксистских учебных пособий для вузов по философии, политэкономии и научному социализму. В ближайшее время должны появиться 13 современных базовых учебников по общественным и гуманитарным дисциплинам, со временем их число может увеличиться до 140–150. В каждое учебное пособие намечено вложить по меньшей мере миллион юаней (125 тыс. дол.), хотя обычные расходы на под-

готовку идеологического учебника ранее не превышали 100 тыс. юаней (12,5 тыс. дол.).

Намечено выпустить к 2007-му новое 10-томное собрание сочинений Маркса и Энгельса, заново переведенное на китайский язык в соответствии с общепринятым международным полным собранием, а также пять томов сочинений Ленина. В задачу пополнения рядов марксистских кадров входит подготовка молодых теоретиков. Основная ставка будет сделана на ученых молодого и среднего возраста, придерживающихся марксизма и способных к творческим инновациям.

26 декабря 2005 года, в день рождения Мао Цзэдуна, в Пекине была торжественно открыта Академия марксизма при АОН Китая, сформированная на базе Института марксизма-ленинизма и идей Мао Цзэдуна. Бывший директор института Ли Чунфу отметил, что теперь марксизм наконец-то меняет статус науки второго уровня (раньше его включали в общую политологию) и поднимается на первый уровень. По сравнению с прежним институтом ряды сотрудников Академии марксизма вырастут почти в три раза (до 200 человек).

Выступивший на открытии Академии марксизма руководитель отдела пропаганды ЦК КПК Лю Юньшань заявил, что «марксизм по-прежнему находится на вершине всемирной истории общественной мысли, является маяком, указующим человечеству путь вперед». Партийный чиновник призвал более углубленно заняться «изучением новаторских теоретических достижений» КПК, и прежде всего научного взгляда на развитие — «важной стратегической идеи, выдвинутой ЦК во главе с генеральным секретарем Ху Цзиньтао».

Вооруженные этими руководящими указаниями, китайские марксисты готовятся «выкопать» из классического наследия идеи Маркса о всестороннем развитии человека, отвечающие духу провозглашенного Ху Цзиньтао лозунга «Человек — основа всего». Первостепенное внимание будет уделено размышлениям Маркса о глобализации и мировом рынке, а также взглядам Энгельса и позднего Ленина на капитализм и социализм. Подобным образом на заре реформ в Китае у классиков уже искали аргументы в пользу демонтажа централизованной плановой системы.

Глава отдела пропаганды ЦК КПК призвал теоретиков дать единственно правильные ответы «на глубинные познавательные вопросы, повсеместно волнующие кадры и массы». В частности, исследователи должны объяснить, почему «надо отводить главенствующую роль общественной собственности и нельзя проводить при-

ватизацию», а также почему в Китае невозможно вводить разделение трех ветвей власти и введение западной многопартийной системы. «Надо четко и полно высказать истину, устранить ошибочные точки зрения и ложное понимание, направить людей на сознательное противостояние проникновению западной буржуазной идеологии», — заявил Лю Юньшань.

Партийные теоретики считают проект назревшим и своевременным ответом на растущий «беспорядок в идеях». Координатор проекта, заместитель секретаря Бюро переводов при ЦК КПК Ян Цзиньхай с беспокойством вынужден был признать правоту многих местных руководителей, которые говорили ему: «Вы сегодня всё еще занимаетесь марксизмом, но ведь это не отвечает духу времени». По его словам, на местах «голос марксизма довольно слабый, а идеи либерализма заметны», в некоторых университетах не хотят говорить о философии марксизма, о марксистской политэкономии, некритически заимствуются западные учебные пособия.

Ян Цзиньхай сетует, что в Китае слишком долго следовали букве и духу ошибочной советской модели марксизма. При этом он уверен, что главной причиной распада СССР является «отход от марксизма», чего никак нельзя допустить в КНР. Однако представители либеральной интеллигенции считают этот тезис спорным. Комментируя на страницах гонконгской прессы создание Академии марксизма, писатель Юй Цзе иронично сравнил это идеологическое начинание с пагубной попыткой «утолить жажду отравленным вином» и бессмысленным «карабканьем на дерево в поисках рыбы».

РЕФОРМАТОРЫ ИЛИ «ВРЕДИТЕЛИ»?

Официальный марксистский проект заведомо не предполагает ни отказа от реформ, ни реставрации элементов уравнительного социализма. Однако звучащие с одобрения властей нападки на «неолиберализм» и «буржуазную идеологию» стимулируют новые неофициальные атаки на «несправедливые» реформы.

На фоне растущей критики рыночных преобразований китайская реформаторская элита собралась в марте 2006 года в пекинском пригороде Сишань. Совещание по макроэкономической политике Китая и тенденциям преобразований было организовано Обществом исследования китайской экономической реформы. Созданное еще в 1983-м, оно по поручению правительства занимается изучением проблем экономического развития страны. Результаты иссле-

дований учитываются предприятиями и администрациями различных уровней при разработке экономической политики.

Мероприятие сопровождалось скандалом. «Новые левые» опубликовали в Интернете фрагменты выступлений реформаторов, обвинив их в стремлении подорвать политический строй и власть КПК. «Крамольные» высказывания касались включения деятельности компартии в конституционное поле и выведения из-под партийной власти армии с целью ее дальнейшего функционирования под эгидой государства. Хотя за рамки дозволенного вышло лишь выступление Хэ Вэйфана, профессора права из Пекинского университета, умело надерганые и едко прокомментированные «новыми левыми» цитаты создавали впечатление, будто реформаторская элита превратилась в подрывную силу. Прозвучавшие на совещании слова известного социолога Сунь Липина о том, что КПК и рынок «соединились в браке», вызвали среди собравшихся колкие замечания относительно того, что за годы преобразований партия изменила ориентацию и теперь выступает на стороне хозяев против рабочих и крестьян.

На совещании экономист Чжан Шугуан заявил, что высший слой внутри партии поддерживает дискуссии о реформах и попустительствует им. По его мнению, это связано с тем, что возможности лидеров-реформаторов ослабли, у них нет должной уверенности, они не знают, куда идти. Председатель общества Гао Шанцюань заметил, что для давления на партию используются настроения недовольных масс и под вопрос поставлена легитимность преобразований. Под предлогом развернутой в 2003 году с одобрения властей критики неолиберализма происходит отрицание осуществляемых реформ. Гао Шанцюань предложил генсеку Ху Цзиньтао выступить с обращением к партии и народу с требованием неуклонно проводить реформы, всеми силами заниматься развитием, не вести дискуссий и не допускать раскола на левых и правых.

Предложение реформаторов прикрыть дискуссии на основании распоряжения властей вызвало особое недовольство в лагере левых. Они расценили этот маневр как попытку обмануть народ и оказать нажим на ЦК КПК ради защиты неолиберализма. Если реформаторы вспоминают прозвучавший в 1992-м призыв Дэн Сяопина «не спорить», то их критики ссылаются на другие слова Дэна, произнесенные в 1990 году. Тогда архитектор китайских реформ предупредил, что имущественная поляризация приведет к обострению противоречий между регионами, национальностями, классами, а также

между центром и местами. И в этом случае в стране может возникнуть хаос. Оппоненты либеральной рыночной экономики полагают, что ошибочный курс привел к обострению противоречий, о чем предупреждал Дэн Сяопин.

Ситуация крайне запутанна. Защитники курса на углубление рыночных преобразований требуют от властей недемократического запрета на ведение дискуссий, а их оппоненты из левого лагеря выступают в роли защитников гласности и социальной справедливости. А ведь и без запрета на споры критики реформ имеют возможность высказывать свои взгляды лишь в Интернете, тогда как реформаторам доступны основные общенациональные СМИ. Текст экономиста Лю Гогуана также сначала появился в Интернете и лишь позднее был перепечатан в «Цзинцзи яньцзю». Но это — исключение, которое можно объяснить высоким авторитетом ученого и стремлением властей использовать его аргументы в защиту марксизма для обоснования официального исследовательского проекта. В китайскую общественно-политическую и научную периодику не попадают ни крайне левые, ни крайне правые высказывания. Главной ареной «третьей великой дискуссии» остается Интернет, где и происходит борьба за влияние на умы аудитории.

Появившиеся на сайтах наиболее бескомпромиссных противников либерального рынка критические замечания в адрес участников сишаньского совещания очень близки к риторике времен «культурной революции». Критики реформ пугают народ «контрнаступлением» правых, якобы пытающихся разрушить связь между центральной властью и народом, монополизировать влияние на политику, добиться легитимности под именем защиты реформы и в итоге готовящих изменение политического строя, «цветную» революцию китайского образца.

Эмоциональные призывы «совместно разоблачать, критиковать и давить всех вредителей» явно не способствуют решению проблем. И хотя выступления оппонентов преобразований обильно сдобрены политкорректными призывами «сплотиться вокруг ЦК КПК во главе с Ху Цзиньтао» и «высоко поднять знамя Маркса — Ленина — Мао», радикализм критиков беспокоит власти. В ответ реформаторы стремятся предотвратить формирование «тирании большинства», но это лишь увеличивает разрыв между элитой и массами.

Руководитель Исследовательского центра инноваций китайского правительства при Пекинском университете профессор Юй Кэпин

призвал опасаться как элитарного, так и «народнического» взгляда на реформы. Первый подход недопустимо преувеличивает роль политической, экономической и интеллектуальной элит в продвижении реформ, он связывает надежды на стабильность и развитие страны с прочностью их союза. Подобный взгляд на преобразования уже обрел в Китае имя «капитализма для власти и знати». Выступления от имени «народных масс» преувеличивают издержки и недостатки реформ, в них прослеживается тенденция к отрицанию рынка и модернизации. Ученый считает, что оба этих взгляда противоречат ценностям социализма и демократии и поэтому должны получить своевременный отпор.

Известный экономист Чжан Вэйин признал, что идеологические ограничители оказывают большое влияние на процесс преобразований. Поскольку у руководителей реформ нет возможности выдвинуть ясную цель, многие из них пришлось проводить под «неправильными именами», «многие дела можно было делать, но нельзя было говорить об этом». Зачастую реформаторам приходилось, «включив левый свет, поворачивать направо» или даже двигаться вперед в темноте. Естественно, что число «аварий» многократно увеличивалось. В качестве примера негативного влияния идеологических ограничителей на ход преобразований Чжан Вэйин приводит реформу госпредприятий: если бы ее можно было обсудить открыто и выслушать разные мнения, то госимущество удалось бы продать по наиболее высокой цене, уменьшив число махинаций при акционировании.

По мнению Чжан Вэйина, даже сегодня выступающие с левых позиций менее уязвимы с точки зрения политики. Думая о собственной политической безопасности, некоторые реформаторы связывают себя по рукам и ногам, не дерзают двигаться вперед, упускают благоприятный шанс. На этом фоне вырастают искусственные барьеры между различными группами интеллигенции: если большинство китайских экономистов относятся к сторонникам преобразований, то представители других отраслей общественного и гуманитарного знания зачастую оказываются в лагере критиков.

* * *

Официальный марксистский проект Ху Цзиньтао разворачивается на фоне утраты в КНР консенсуса относительно дальнейшего направления реформ. Участники «третьей великой дискуссии» преуве-

личивают сложность ситуации и пытаются навешивать на оппонентов ярлыки. Реформаторы отождествляют переосмысление реформ с отказом от них. Критики называют проводимые преобразования «неолиберальными», причисляя их защитников к лагерю врагов социализма и власти КПК.

Официальный марксистский проект дает властям возможность взять набирающую обороты критику реформ под свой контроль. Проект нацелен на укрепление идеологической легитимности КПК, что усиливает позиции политической элиты в качестве арбитра в споре о реформах. Американский синолог Барри Нотон полагает, что Ху Цзиньтао поддерживает «новых левых» в споре с реформаторами ради того, чтобы настроить эти группы друг против друга. Возвысившись над схваткой, он смог бы консолидировать собственную власть перед намеченным на 2007 год созывом XVII съезда КПК и провести на нем нужные кадровые назначения.

Марксистский проект может способствовать ослаблению идеологических противоречий между реальностью реформ и декларируемыми лозунгами. Привлечение «новых левых» к официальному обществу и щедрому финансированию поможет снизить остроту полемики. Подобное решение вполне соответствует провозглашенному Ху Цзиньтао лозунгу «гармоничного общества», где не должно быть поводов для конфликта между бедными и богатыми.

Хотя академический статус марксистов повысится и они перестанут быть маргиналами, отказа от использования западной экономической мысли в Китае не будет. Однако, скорее всего, произойдет дальнейшее разделение сфер влияния между группами интеллектуальной элиты. Профессиональные экономические исследования станут еще более деидеологизированными и «элитарными». При этом возвысившиеся марксистские кадры займутся идеологическим обоснованием проводимого руководством страны курса и разработкой популярной теории реформ, понятной для чиновников и приближенной к народным чаяниям.

В настоящее время дискуссии о будущем китайских преобразований не оказывают существенного влияния на принятие экономических решений. Однако дальнейшее разрастание движения за «переосмысление реформ» может усилить нежелательное влияние «новых левых» на политику и спровоцировать власти на ужесточение идеологических ограничений. Это вынудит реформаторов еще более тщательно маскировать истинные рыночные цели преобразований.

Мафия XXI века: сделано в Китае

Владимир Овчинский

О том, что бурно растущий Китай стремительно превращается в лидера глобального развития, говорят сегодня во всем мире. При этом, однако, позитивные проявления данного многообразного процесса тесно переплетены с негативными. И есть все основания прогнозировать, что по мере укрепления лидирующих позиций КНР в глобальной экономике китайская организованная преступность будет расширять свое присутствие в транснациональных криминальных отношениях.

«ТРИАДЫ» И РЕФОРМЫ

Мнение о закрытости информации относительно негативных процессов, происходящих в современном Китае, во многом преувеличено. Китайские криминологи (Ляопин, Хэ Бисун, Синь Янь и др.) ведут широкие исследования организованной преступности в Китайской Народной Республике. Эти исследования публикуются, в том числе и на русском языке. Представители китайских партийных и правоохранительных органов также довольно открыто делятся информацией о криминальной ситуации. Об этом регулярно сообщают информационные агентства КНР.

Анализ результатов, полученных в ходе исследований, позволяет сделать вывод о том, что любой вариант смены административно-командной системы на рыночную экономику порождает в качестве побочного негативного явления всплеск (скорее, взрыв) организованной преступности и коррупции. В Китае рыночные реформы начались

В.С. Овчинский — д. ю. н., советник председателя Конституционного суда РФ, генерал-майор милиции в отставке, член редакционного совета журнала «Россия в глобальной политике».

раньше, чем в СССР, а затем в России, и соответственно там раньше на официальном уровне констатировали рост организованной преступности и коррупции. Если в СССР с этим столкнулись фактически в середине 1980-х, начиная с «узбекского дела», то в Китае — еще в конце 1970-х, когда стали возрождаться знаменитые «триады» (которые еще в XVII веке играли значительную роль в Поднебесной).

Исследование современной организованной преступности в КНР, проведенное китайским ученым Синь Янем, говорит о том, что организации мафиозного типа существенно дестабилизируют общественный порядок. Их руководители активнее внедряются в экономико-хозяйственные структуры, коррупционные связи окрепли, а сами преступления в экономической сфере стали более изощренными. Участились случаи захвата административной власти низшего уровня (в селах и деревнях, небольших городах), в том числе и функций правоохранительных органов.

Главарь преступных организаций поднимаются на всё более высокие ступени иерархической лестницы государства. Например, становятся депутатами Всекитайского собрания народных представителей (ВСНП) или членами политических консультативных советов в провинциях. Преступные организации чаще вмешиваются в процесс, связанный с должностными перестановками чиновников высокого ранга. Более того, некоторые руководители в отдельных районах страны иногда сами просили мафиозных главарей взять административную власть низшего уровня (например, управления селом) в свои руки. А многие начальники на местах обращались к ним и по вопросам оказания финансовой помощи. Преступные организации превращались в таких районах из «преступной силы» в «преступную власть».

На основе изучения уголовных дел Синь Янь свидетельствует: нередко случаи, когда организованные преступные группировки (ОПГ) создавались и возглавлялись бывшими партийными и административными управленцами, высокопоставленными работниками ряда прокуратур и даже действующими представителями ВСНП, секретарями партийных ячеек и руководителями местных органов общественной безопасности.

Структуры «триад» в последнее время все чаще пытаются «работать» под прикрытием законно функционирующих фирм и предприятий и проникают в экономические сферы деятельности государства. Получая сверхприбыли, «триады» наладили систему отмывания «грязных денег». В КНР, по оценкам китайских экспертов,

ежегодно отмывается около 200 млрд юаней (24,7 млрд дол.). Значительные суммы проходят через подпольные меняльные лавки.

«Триады» больше действуют в прибрежных провинциях, и особенно в Гонконге. В их руках — поставка героина и опиума, «черный рынок» валюты; переправка российских и украинских «жриц любви» в публичные дома Гонконга и Макао; торговля оружием; обеспечение «крыши» для местных бизнесменов. В Гонконге, в частности, насчитывается от 15 до 20 «триад», активно занимающихся преступной деятельностью. Численность каждой из них достигает 30 тыс. человек.

В 2005 году в официальном еженедельнике *China News Weekly Review* появилась публикация о том, что связи китайской мафии не ограничиваются Гонконгом и Макао, а распространились на крупные промышленные центры КНР, такие, как Гуанчжоу, Тяньцзинь и Шанхай.

Мафиозные структуры широко используют в своих целях и негативные, и позитивные стороны проходящих в Китае реформ. Так, учитывая стремительное развитие Интернета (на начало 2006-го в стране насчитывалось более 110 млн пользователей, по их численности КНР занимает второе место в мире после США), преступные сообщества организовали онлайн-продажи пиратских аудио- и видеоматериалов. Теперь ассортимент товаров включает наркотики, проститутки, угнанные автомобили, оружие, подложные документы и даже человеческие органы для трансплантации.

Пекинские власти пытаются строго контролировать Сеть, пользуясь услугами более 30 тыс. интернет-полицейских. С начала XXI века было закрыто более 2 тыс. сайтов, предлагавших сексуальные услуги и азартные игры. Но каждый день им на смену приходят другие подобные ресурсы.

Что касается негативных тенденций в развитии социально-экономической ситуации в стране, то и здесь мафиозные структуры извлекают свою выгоду. Например, учитывая стремительный рост спроса на топливо, преступные группировки занялись хищениями сырой нефти. Объемы похищенного, по данным полиции, в 2005 году оценивались более чем в 120 млн долларов. Во многих случаях речь идет о серьезном повреждении нефтепроводов.

ТОТАЛЬНАЯ РУБКА ГОЛОВ ДРАКОНА

Идеологические и организационные основы борьбы с мафиозными структурами и коррупцией в КНР заложил архитектор китайских реформ Дэн Сяопин. Еще в начале 1980-х, отмечая устойчи-

вую тенденцию к ухудшению криминогенной ситуации в стране, он указал на необходимость длительной борьбы с данным социальным злом и поставил задачу проведения комплексных тотальных операций по противостоянию организованной преступности одновременно в масштабе всей страны.

Дэн Сяопин был также инициатором создания в структурах Министерства государственной безопасности (МГБ) и Министерства общественной безопасности (МОБ) мощных системно-аналитических подразделений, которые занимаются долгосрочными прогнозами развития геостратегической и региональной криминогенной ситуации в стране, разрабатывают планы проведения *тотальных операций*. Существует еще несколько центральных аналитических организаций (к примеру, Исследовательское бюро при Госсовете КНР).

С 1983 по 2005 год подобного рода тотальные операции проводились не менее 10 раз. В результате ликвидировано более 1 млн преступных формирований. Немало их лидеров и наиболее одиозных членов было казнено.

Следует отметить, что тотальные операции против организованных преступных формирований, как и вся борьба с мафией и коррупцией, ведутся в Китае на основе строгого соблюдения законности. Уголовное и уголовно-процессуальное законодательство КНР постоянно модифицируется в зависимости от изменения ситуации. В китайских законах, в отличие от российских, содержатся четкие определения мафиозных организаций, одновременно Верховный народный суд КНР постоянно дает развернутые разъяснения судебной практики по делам об организованной преступности и коррупции.

В связи с увеличением масштабов отмывания доходов мафии, полученных преступным путем, создана межведомственная система борьбы с этим явлением: с 2004-го функционирует Китайский центр по мониторингу и противодействию отмыванию денег. Одновременно Бюро МОБ по расследованию преступлений по отмыванию денег отвечает за выработку конкретных мер, международное сотрудничество, координацию, руководство и планирование работы местных подразделений министерства; действует специализированная компьютерная сеть, позволяющая 24 часа в сутки контролировать потоки денежных средств.

Все эти подразделения также задействованы для проведения тотальных операций, после каждой из которых на какой-то период де-

тельность преступных группировок разного рода затихала. Но спустя некоторое время она вновь активизировалась, ибо главные причины преступности не устранялись: на месте отрубленных голов дракона вырастали новые, еще более кровожадные.

Без решения главной социальной проблемы Китая – безработицы – самовоспроизводство ликвидированных криминальных формирований будет продолжаться. Общая численность нуждающихся в трудоустройстве оценивается в 182–199 млн человек, или 26–28 % от общего числа занятых. Это 10 китайских армий, значительная часть которых используется мафией.

Особую озабоченность вызывает тот факт, что безработными все чаще становятся молодые люди в возрасте до 35 лет. Согласно исследованию Министерства труда и социального обеспечения, в 62 городах страны удельный вес безработной молодежи превысил 60 %. Затруднения с трудоустройством испытывают в том числе и выпускники высших учебных заведений.

Осуществляемые в последние годы в КНР стратегии «Идти вовне» и «Приглашаем приходить» предполагали вместе с ростом внешнеторгового оборота Китая и увеличением объема прямых иностранных инвестиций одновременное решение проблемы безработицы путем более интенсивной миграции вовне.

«КРАСНАЯ» КИТАЙСКАЯ МАФИЯ ВСЕХ СИЛЬНЕЙ

Указанные стратегии позволили увеличить внешнеторговый оборот Китая за 2001–2005 годы почти втрое. Согласно экспертным оценкам, к 2020–2030-м КНР обгонит США по размерам ВВП и станет лидером мировой экономики. Об этом говорит и известный «Проект-2020» (*Mapping the Global Future*, разработанный Национальным разведывательным советом ЦРУ и опубликованный 15 января 2006 года. – Ред.)

Что касается стратегии «Приглашаем приходить», то, по сведениям некоторых западных аналитических центров, которые приводит Максим Черета, руководители наиболее крупных и влиятельных «триад» установили контакты с представителями китайского руководства на всех уровнях, что обеспечило безопасное проникновение их капиталов на материковый Китай, главным образом в его южные провинции. Деньги «триад» использовались для создания таких прибыльных совместных предприятий, как ночные клубы и казино. Причем с китайской стороны соучредителями этих заведений были региональные предста-

вители силовых ведомств КНР, в частности Бюро Министерства общественной безопасности и Народно-освободительной армии Китая.

Однако «мирное сосуществование» китайских мафиози и руководства страны не могло продолжаться бесконечно. «Пекин они устраивали до тех пор, — пишет Максим Черета, — пока ему удавалось вытягивать у “триад” их капитал, работавший на китайские экономические реформы. Сегодня же становится ясно, что последние уже не нуждаются в дальнейшей поддержке со стороны, мягко говоря, не совсем законных организаций». Поэтому китайское руководство начало наступление на «триады».

В то же время, как отмечает известный китаевед Виля Гельбрас, за годы «движения вовне» Китай привлек 600 млрд дол. прямых зарубежных инвестиций. КНР вложила, по ряду оценок, 700 млрд дол. в американские ценные бумаги, защитив доллар и обеспечив свое присутствие на рынке США. Прямые зарубежные инвестиции только китайских предприятий (без учета финансовых организаций) в 2002–2005 годах составили 17,9 млрд дол. (среднегодовой прирост — 36 %!). За пределами страны создано более 10 тыс. различных предприятий. Учитывая ужесточение антимафиозной и антикоррупционной политики внутри страны и продолжающуюся стратегию «Идти вовне», лидерам «триад» объективно более выгодно направить свою экспансию вовне.

Этот криминально-глобализационный проект уже осуществляется, причем довольно эффективно. «Оседлав» миграционные процессы, мафиозные структуры Китая и китайская мафия в других странах захватили лидирующие позиции в организации торговли людьми и налаживании потоков незаконной миграции. Как следует из доклада Государственного департамента США за 2005 год, КНР передвинулась в группу, требующую повышенного внимания вследствие недостаточной защиты жертв торговли людьми. В докладе Европола за июнь 2006-го отмечено, что китайские мафиозные группировки названы лидерами в торговле людьми в странах Европейского союза.

Китайские «триады» потеснили в Японии доморощенную мафию — якудзу: на долю китайцев приходится около половины всех преступлений, совершаемых иностранцами (10 лет назад эта цифра была вдвое меньше). Китайские мафии в Японии контролируют две трети героиновой торговли. По оценкам американских экспертов, китайские мафиозные структуры глубоко проникли в легальную и теневую экономику Соединенных Штатов, опережая колумбийские картели. В Италии в начале 2006 года правоохранительные органы

начали крупное расследование связей китайских гангстеров с итальянской мафией. В миланском Чайна-тауне ведется следствие по делу о подозрительных инвестициях в недвижимость и торговлю. В Риме следователи нашли подставные фирмы и банки, в которых отмывались деньги. Первое крупное расследование по делу о капиталах китайской мафии в Италии затронуло 22 тыс. китайцев. Заведено 250 уголовных дел на главарей и их помощников.

В докладе главного прокурора Италии за 2005-й указано, что местная китайская «триада» становится все более агрессивной и спаянной. В последнее время наблюдается расширение нелегальной деятельности, в частности увеличилось число грабежей и актов вымогательства в отношении итальянских граждан, начинают выявляться факты возникновения смешанных криминальных структур, в состав которых входят китайцы и итальянцы.

Китайская организованная преступность способна провоцировать мировые экономические кризисы, влиять на конъюнктуру цен на рынке. В 2005 году мировой рынок меди оказался на грани катастрофы из-за грандиозного мошенничества на Лондонской бирже металлов. Хорошо известный в деловых кругах трейдер Лю Улбин продал на бирже 200 тыс. тонн меди, действуя от имени китайской государственной корпорации *State Reserve Bureau*, после чего исчез. А мировые цены на медь достигли исторического рекорда.

Экспансия китайских ОПГ не могла миновать и Россию. Причем интенсивность и формы этой экспансии во многом отличаются от ситуации с китайской мафией в других странах. Для этого имеются объективные причины.

«НЕДРУЖЕСТВЕННОЕ»

МАФИОЗНОЕ ПОГЛОЩЕНИЕ РОССИИ

Проведенные российскими учеными социологические исследования в китайских землячествах Москвы, Иркутска, Хабаровска, Владивостока, а также анализ материалов, собранных в Благовещенске, Нижнем Новгороде, Ростове-на-Дону, Барнауле и Белокурихе (Алтайский край), показали, что Россия, как и весь мир, переживает переломный момент — начало формирования новых условий глобального увеличения китайской миграции и развития китайских землячеств. Завершился период во многом стихийного роста китайских землячеств, и начался этап их организованной экспансии и расширения их предпринимательской деятельности.

Численность китайских мигрантов в России колеблется в пределах от 400 тыс. до 2–3 млн человек. Но главная проблема заключается в том ущербе, который наносится российской экономике. В значительной мере — из-за быстрого становления в стране китайских землячеств, которые практически все (по данным оперативных подразделений) находятся под негласным контролем собственных мафиозных структур. Система взаимоотношений в землячествах фактически организована по модели «триад» (строжайшее подчинение теневым лидерам, обет молчания, жестокое наказание непокорных и т. д.).

Основные потоки китайских мигрантов, организуемые мафиозными структурами, направлены на Дальний Восток. Тому есть объективные исторические, демографические, а главное, *экономические причины*. Китаевед Андрей Островский пишет о том, что российские рыночные реформы, сопровождавшиеся полным отказом от государственного регулирования экономики, не способствовали тому, чтобы регион стал привлекательным для инвесторов. По существу, Россия проиграла Китаю в состязании за привлечение капиталов на Дальнем Востоке.

Выступая в апреле 2006-го в газете «Известия», губернатор Хабаровского края Виктор Ишаев заявил: «Дальний Восток обособили от экономики России. Если в застойные времена 75 % всей продукции, которую мы выпускали, поставлялось на внутренний рынок России, то сегодня — только 4 %. Мешают полноценной связи с Россией неравные условия, в частности высокие тарифы на тепловую и электроэнергию, очень высокие транспортные тарифы, а также необходимость структурной перестройки промышленности... Сегодня законодательно мы закреплены как сырьевой придаток передовых, хорошо развивающихся стран (Япония, Китай, Корея)».

Именно как сырьевой придаток прежде всего и эксплуатируют Дальний Восток и Сибирь китайские мафиозные структуры. Юрий Егоров и Александр Самсонов, исследовавшие на основе оперативных материалов организованную преступность в Восточно-Сибирском и Дальневосточном регионах в 1999–2003 годах, приводят следующие данные (см. таблицу).

По данным ученых, из всего массива *дел оперативного учета*, заведенных органами внутренних дел на этнические ОПГ в 2002-м, на китайские приходится в Восточно-Сибирском регионе 38 %, а в Дальневосточном регионе — 40,9 %.

Выявленные этнические ОПГ

Национальный состав	Доля от всех этнических групп, %	
	Восточная Сибирь	Дальний Восток
Китайцы	34,3	32,2
Вьетнамцы	12,1	13,1
Корейцы	5,3	5,8
Монголы	3,0	-
Представители других национальностей	45,3	38,0

Организованный характер носят контрабанда и браконьерство природных таежных и морских богатств Дальневосточного региона. В Уссурийской тайге многократно и сотнями задерживают граждан КНР с женьшенем и другими растениями, занесенными в Красную книгу России. У них же в период сезонного сбора обнаруживали десятки тонн кедровых орехов, которые перерабатываются в Китае на масло, используемое затем в качестве компонента для изготовления лекарств, предметов парфюмерии. Из Приморья контрабандным путем вывозятся трепанг, женьшень, шкура тигров, медвежья желчь. Возник подпольный рынок таких природных ресурсов, как лягушки и черепахи. С 2003 года гражданами Китая стал активно осваиваться контрабандный вывоз из России осетровых пород рыб.

Китайские браконьеры уничтожили промысловое стадо осенней кеты на Уссури, они становятся практически полновластными хозяевами миграционных путей ценных пород рыб — кеты, калуги, осетровых нерестилищ.

Если вначале китайцы добывали живой товар сами, то сейчас на них работает местное население, которое китайские ОПГ нанимают и для обработки арендуемых ими сельхозугодий. Иными словами, китайские «мигранты», вместо того чтобы восполнять трудовые ресурсы, нещадно эксплуатируют российское население: мафия никогда не становится трудовым ресурсом!

По данным профессора Дальневосточного госуниверситета Виталия Номоконова, на Дальнем Востоке происходит интенсивная интеграция российских и китайских мафиозных структур. Например, в Уссурийске «триады» строят взаимоотношения с местными лидерами криминального мира на сугубо деловой основе. Представители российских организованных преступных группировок помогают скупать здесь металл и переправлять его за границу. Русские создают

пассажи́рско-перевозочные фирмы, услугами которых пользуются китайцы, предоставляют склады для хранения товара, в том числе и контрабандного. В последнее время наметилась еще одна тенденция: китайцы всё чаще вступают в русские ОПГ, играя в них роль наводчиков на соотечественников. Не проходит месяца, чтобы на кого-нибудь из китайских торговцев не был совершен налет.

Профессор Сибирской академии госслужбы Валерий Собольников указывает на то, что в 2002–2005 годах отмечалась тенденция регистрации китайскими ОПГ предприятий на подставных лиц — граждан России, что позволяет фактическим руководителям данных фирм или коммерческим структурам Китая уклоняться от налогообложения. Энергично действуют фирмы китайских ОПГ, ориентированные на совершение разовых сделок. Так, в Читинской области зафиксировано около тысячи таких «компаний». В Новосибирской области тоже вскрыты многочисленные факты осуществления подставными лицами внешнеэкономической деятельности. Большинство таких коммерческих структур ориентированы на вывоз за рубеж стратегического сырья.

Аналогичную тенденцию в Иркутской области фиксирует профессор Байкальского государственного университета экономики и права Анна Репецкая. Она ссылается на сведения местных органов ФСБ, которыми выявлены и пресечены факты хищения и вывоза в Китай стратегического сырья, радиоактивных материалов. При этом, соблюдая принцип специализации, местные ОПГ занимались хищением такого рода продукции на предприятиях Иркутской области, а китайские — контрабандным вывозом в КНР.

ЛЕСНЫЕ МАНДАРИНЫ

Все исследователи указывают на то, что наибольшую угрозу национальной (особенно экономической) безопасности России представляют преступные операции в лесном комплексе. Детальный анализ этой проблемы осуществлен в журналистском расследовании Анатолия Лебедева (Бюро региональных общественных компаний, Владивосток). Отмечу только главное.

Недостаточное финансирование Государственной лесной службы и инспекции при официально санкционированной возможности обогащаться за счет конфискованного леса имело следствием небывалые масштабы коррупции во всей лесной службе региона. Позднее, в 2002 году, прямая заинтересованность лесников и правоохранительных ор-

ганов в самообогащении за счет изъятия леса у самовольщиков была ликвидирована новым правительственным документом. С тех пор весь секвестрованный лес продается в доход Минимущества и ничего из этих средств самим лесникам не перепадает.

Однако никто не сумел остановить взяточничество. Система нелегальных заготовок и перепродаж леса стала слишком крепкой и устойчивой и охватила довольно много высших «местных» чиновников, чтобы с ней удалось легко расправиться. Китайские предприниматели играют в этой системе далеко не последнюю роль. Поэтому принятие нового Лесного кодекса с попыткой упразднения лесхозов и передачи их функций арендаторам вызвала в регионе панику. Для Дальнего Востока это означает, что огромные лесные массивы могут просто перейти под прямой контроль китайского бизнеса.

Отставные китайские генералы и агенты спецслужб активно участвуют в легальных и нелегальных коммерческих операциях на Дальнем Востоке, скупая собственность, нанимая рабочих и контролируя самые прибыльные виды бизнеса. В регионе сложилась практика, при которой китайцы немедленно копируют обычные российские методы уклонения от налогов, но делают это гораздо успешнее. Таким образом, масштабный контрабандный вывоз лесных продуктов развивается на радость предпринимателям обеих стран и на беду Уссурийской тайге.

Многие китайцы, известные под русскими именами, контролируют оптовые лесные площадки в ряде городов Приморья — Лучегорске, Дальнереченске, Лесозаводске, Уссурийске, Находке и Дальнегорске, а также в Хабаровском крае, в Еврейской автономной области, в Амурской и Читинской областях. По данным Управления по борьбе с организованной преступностью Приморского УВД, есть достаточно материалов, подтверждающих наличие жесткого контроля над китайским лесным бизнесом в Приморье со стороны «триад».

НАШ ОТВЕТ ДРАКОНУ

Почему мы акцентируем внимание именно на природных и сырьевых ресурсах? Дело в том, что у нас в стране в годы реформ в руки и своей доморощенной, и иностранной мафии (включая китайскую) попало то, что не должно попадать никогда: природные богатства, сырьевые ресурсы, металлы, в том числе редкоземельные, золото, лес, уголь.

Такая ситуация равносильна потере государством рычагов управления в сфере правоохранительной деятельности. Если не осоз-

нать, где надо прилагать главные усилия, и идти на любые материальные, организационные затраты с целью наведения элементарного порядка, то правоохранный ресурс будет по-прежнему растрачиваться не по назначению. На решение всех проблем ни сил, ни средств никогда не хватит. Поэтому необходимо определить национально значимые приоритеты. Тогда станет ясно, какие методы наиболее эффективны в борьбе с китайской мафией — заниматься зачисткой китайских рынков или выбивать (в прямом смысле слова) «триады» из тайги, с лесозаготовок, проводить военные операции против тех, кто уничтожает российские биоресурсы, кто эшелонами отправляет цветные металлы и лес в КНР... И здесь китайский опыт проведения тотальных операций против мафии будет нам чрезвычайно полезен. Конечно, успех любых правоохранительных операций зависит от того, произойдет ли поворот в социально-экономической политике на Дальнем Востоке и в Восточной Сибири, который, в свою очередь, зависит от политики в целом в стране. Ведь смогло же руководство Китая признать серьезные ошибки, связанные со стратегиями «Идти вовне» и «Приглашаем приходиться».

На 5 пленуме ЦК КПК 16-го созыва (октябрь 2005 г.), посвященном обсуждению пятилетнего плана на 2006–2010 годы, поставлена задача «изменить взгляд на развитие» и «создать новую модель развития». Приступая к «реформированию реформ», китайские власти концентрируют идеологические усилия на двух основных направлениях. Это пропаганда нового экономического курса с упором на социальную справедливость, максимальное расширение внутреннего рынка и борьба с либеральной идеологией, воспринимаемой как вызов политической устойчивости КНР. При этом власти перенаправили острие полемики с китайских проблем на Латинскую Америку, Россию и другие государства СНГ, утверждая, что регионы превратились в зоны бедствия из-за американской политики навязывания либеральной модели другим странам.

В этой связи объявлено, что модель, ориентированная на опережающее обогащение наиболее активной части общества, себя исчерпала. Пора обратить внимание на качество роста, сгладить социальные противоречия, неравенство, дать сотням миллионов китайцев равные возможности.

Дальневосточный треугольник

Наташа Курт

Рост энергетических потребностей Китая и Японии, равно как и угрозы, которые война в Ираке и возможная военная акция против Ирана представляют для стратегических поставок нефти, означают, что у России есть шанс стать долговременным поставщиком энергоносителей для этих двух гигантов Восточной Азии. И Пекин, и Токио нуждаются в диверсификации источников энергии, чтобы застраховать себя от проблем на будущее.

С одной стороны, потребность в энергоресурсах способна привести к улучшению отношений между Российской Федерацией и Японией, а также между КНР и Японией. С другой — поиск Китаем новых источников энергоносителей в долгосрочной перспективе чреват конфликтом. Еще один возможный сценарий состоит в том, что прагматичное сотрудничество, хотя оно и будет стимулироваться потребностью в российских энергоресурсах, останется на низком уровне простого сосуществования («холодный мир» наподобие того, что установился между Китаем и Японией).

Одним из поводов для оптимизма может служить возросшее внимание руководства России к роли российского Дальнего Востока — региона, который ранее выпадал из поля зрения Кремля. Еще недавно здесь кипели междоусобные конфликты, в которые были втянуты местные губернаторы и предприниматели, что нередко негативно сказывалось на взаимоотношениях и с Пекином, и с Токио. Президент России Владимир Путин попытался пресечь деятель-

Наташа Курт — доктор наук, преподаватель Королевского колледжа (Лондонский университет). Автор выходящей в 2007 году книги *Russian Policy Towards China And Japan: The Yeltsin And Putin Periods* («Политика России в отношении Китая и Японии: эпохи Ельцина и Путина»).

ность нелояльных губернаторов — отчасти с помощью реформ на федеральном уровне. Этот шаг знаменовал решительную централизацию российской политики, но все же есть признаки того, что глава государства готов предоставить регионам некоторую свободу внешнеэкономических действий.

ГЕОПОЛИТИКА И ГЕОЭКОНОМИКА

В прошлом Москва переоценивала энергетические потребности Японии, полагая, что у Токио нет иного выбора, кроме как инвестировать в Россию, а значит, японской стороне придется отодвинуть на задний план свои территориальные претензии. Даже сегодня ощущается благодушный настрой: российские официальные лица исходят из того, что для Японии естественно вкладывать капиталы в экономику России хотя бы из-за географической близости последней и ее колоссальных природных ресурсов. Хотя решение Токио добиваться возвращения всех четырех спорных южнокурильских островов означало бы возвращение к патовой ситуации, необходимость реализации энергетических проектов может вдохнуть новую жизнь во взаимоотношения и способствовать продолжению диалога. Россия надеется на то, что переговорный процесс по одному из аспектов взаимоотношений распространится и на другие области. При Борисе Ельцине печальную известность приобрел принцип «острова за наличные»; если же для достижения прогресса в споре о территориях России удастся задействовать нефть, или, по выражению известного российского востоковеда Василия Михеева, «нетерриториальные» ресурсы, это, возможно, помогло бы найти приемлемый для всех выход из тупика.

Акцент на геополитику, ставший весьма характерным элементом российских внешнеполитических дебатов, остается ключевым в мировоззрении Кремля, однако в качестве инструмента внешней политики более важное значение приобретает экономика. Россия все увереннее чувствует себя в данной области — отчасти вследствие увеличения потребности других стран в альтернативных поставщиках нефти. Новая энергетическая стратегия, нацеленная на увеличение доли Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР) в экспорте российской нефти с 3 % до 30 % к 2020 году, ясно это демонстрирует. Как выразился один из российских ученых, геоэкономика становится «особой формой геополитического планирования: в новом мире экономические конфликты оказываются главным источником возможного противостояния на международной арене».

Примерно так же мыслят и российские военные теоретики, считающие, что в будущем конфликты могут быть спровоцированы борьбой США за энергоресурсы. Из этой логики следует, что Сибирь понадобится Китаю для обеспечения доступа к долгосрочным поставкам нефти. Однако, хотя военные часто указывают на возможность возникновения конфликта за обладание энергоресурсами, российские дипломатические круги больше склонны рассматривать трубопроводы как стабилизирующий фактор этого огромного региона. В России любят ссылаться на то, что советский газ неукоснительно поставлялся в Западную Европу даже в самый разгар холодной войны.

ЭКОНОМИКА –

ЛОКОМОТИВ УСПЕШНОГО ПАРТНЕРСТВА

Именно потребность в стабильности сыграла основную роль в том, что Михаил Горбачёв, а затем и Борис Ельцин придавали добрососедским отношениям с Китаем очень большое значение (особенно учитывая незавершенную на тот момент демаркацию общей границы). В начале 1990-х Владимир Лукин (в 1991 году – глава Советского национального комитета по азиатско-тихоокеанскому сотрудничеству, в 1993–1999 годах – председатель Комитета Государственной думы РФ по международным делам. – **Ред.**) даже говорил о построении отношений «необратимой взаимозависимости» с Китаем, с тем чтобы любой разрыв был «неприемлемо болезненным для обеих стран». Это очень похоже на описанный Барри Бьюзеном *комплекс безопасности*: соображения безопасности так тесно связывают оба государства, что они становятся неразлучными. Но российско-китайские отношения пока далеки от этого идеала.

Для Владимира Путина отношения с КНР тоже чрезвычайно важный фактор. Одной из его первых задач на президентском посту стал поиск ответа на намерение Соединенных Штатов создать национальную систему противоракетной обороны и выйти из Договора по ПРО. Эта проблема весьма взволновала и Китай. Ведь создание системы стратегической ПРО способно обесценить китайский ядерный потенциал и создать угрозу государственному суверенитету КНР с учетом гарантий безопасности, которые Вашингтон предоставляет Тайваню. В ходе первой встречи на высшем уровне президент Путин и тогдашний председатель КНР Цзян Цзэминь выступили с резким осуждением планов создания оборонительных ракет-

ных щитов, заявив, что США «понесут всю полноту ответственности за подрыв международной стабильности и безопасности, а также за все вытекающие отсюда последствия».

Демаркация российско-китайской границы — важная веха в отношениях, поскольку в течение десятилетий пограничные вопросы нагнетали атмосферу взаимного недоверия. В противовес синоцентризму ельцинской и первых лет путинской эпохи Кремль приложил в последующие годы немалые усилия к тому, чтобы выработать более сбалансированную политику. В частности, направленную на налаживание добрососедских отношений с Японией ввиду острой необходимости улучшить условия жизни на российском Дальнем Востоке. Однако в пограничных областях до сих пор не устранены такие нетрадиционные угрозы отношениям, как миграция и неудовлетворительная экологическая обстановка, не решены и вопросы, связанные с совместной эксплуатацией природных ресурсов.

В 1990-е взгляды Москвы и Пекина на общемировые и региональные проблемы сближались быстрее, чем росли экономические связи. На встрече в 2000 году Владимир Путин и Цзян Цзэминь провозгласили развитие экономических отношений приоритетной задачей. Китай заявил о намерении отдавать предпочтение российскому импорту, надеясь на ответные жесты с российской стороны. В 2000-м российско-китайский торговый оборот вырос на 20 % и составил около 8 млрд долларов. В 2005 году этот показатель достиг рекордно высокого уровня — 29 млрд дол., и Путин торжественно пообещал стремиться достичь уровня в 60 млрд в последующие пять-шесть лет, отметив, что 100 млрд дол. — это «абсолютно реалистичная» конечная цель. Нынешний китайский лидер Ху Цзиньтао, не желая отставать от российского коллеги, в 2005-м призвал Россию в четыре раза увеличить торговый оборот к 2010 году.

Однако КНР по-прежнему не удовлетворена торговым дефицитом с Россией, тогда как последняя недовольна высокой долей сырья в структуре своего экспорта. В Москве хотели бы, чтобы китайцы импортировали больше промышленных товаров, но те не доверяют качеству российской продукции (россияне точно так же относятся к китайским товарам широкого потребления). В 2002-м Пекин даже попытался ограничить импорт из РФ некоторых товаров. В 2005 году доля продукции машиностроения и готовых изделий в российско-китайской торговле еще больше снизилась.

В документе «Стратегия экономического развития Сибири и Дальнего Востока», принятом при президенте Путине, говорится о необходимости диверсифицировать экономику Сибири, с тем чтобы сделать ее менее зависимой от экспорта сырья. Между тем в условиях дефицита рабочей силы и неразвитости производственной базы эта задача невыполнима. Ничтожны и зарубежные инвестиции в этот регион.

РОССИЙСКИЙ ДАЛЬНИЙ ВОСТОК И КИТАЙ

Пока мало что делается для реализации долгосрочного плана развития российского Дальнего Востока, провозглашенного путинской администрацией. Но, по крайней мере, на официальном уровне есть осознание того, что жизненно важно не допускать превращения дальневосточных областей России в простые транзитные маршруты. Сейчас много говорится о создании особых экономических зон: первая планируется в Амурской области возле городов Благовещенск и Хэйхэ. После завершения процесса демаркации границы такие проекты становятся более реальными, но все еще отсутствует необходимое законодательство.

Россия затягивает строительство трубопровода из Ангарска в Дацин, где находится крупнейшее в КНР — теперь уже чистом импортере нефти — нефтяное месторождение (поначалу предполагалось, что финансировать проект будет ЮКОС — российская частная нефтяная компания, впоследствии уничтоженная Кремлем). Москва попыталась избежать выбора между рынками, предложив пустить одну ветку в Китай, а другую — в Японию и Южную Корею. Однако Токио, проведя собственный анализ экономической целесообразности, возражал против ответвления на Дацин и настаивал на нефтепроводе, идущем до Находки.

Кремль предпочитает воздержаться от строительства трубопровода, обслуживающего исключительно КНР, поскольку опасается чрезмерной зависимости от этой страны. Однако Москва понимает: чтобы не испортить отношения с соседом, она должна обеспечить ему поставки. В настоящее время российские власти оставляют вопрос открытым, финансируя сооружение первой очереди нефтепровода, которая пройдет от Тайшета до города Сковородино, недалеко от границы с КНР, откуда нефть может доставляться в Поднебесную по железной дороге. Вероятно, в дальнейшем будет сооружена вторая очередь нефтепровода до тихоокеанского побережья, которая обеспечит экспорт

на рынки Японии и Южной Кореи. Лишь затем предполагается рассмотреть возможность продления трубопровода до Дацина.

Помехой на пути выстраивания тесных отношений между Москвой и Пекином является критическая ситуация в области миграции. По словам Владимира Путина, вследствие миграционных процессов на Дальнем Востоке российские граждане почти изгнаны с рынков труда, а бывший председатель Правительства РФ Михаил Касьянов предупреждал Китай о необходимости соблюдать российские иммиграционные законы. Регион по-прежнему готов предоставить рабочие места военным и морякам; вакансии в других отраслях подразумевают исключительно малоквалифицированный труд и не привлекают коренных жителей. Иммигранты же, желающие получить такую работу и закрепиться на местном рынке труда, сталкиваются с враждебным отношением к себе со стороны местного населения. Никакой реальной стратегии решения этой проблемы не выработано, и до тех пор пока федеральные власти не обратят на нее внимание, она будет эксплуатироваться в политических целях.

В 2003 году президент РФ Путин и новый председатель КНР Ху Цзиньтао объявили о создании рабочей группы, призванной содействовать сокращению нелегальной иммиграции в Россию. Однако страх перед чрезмерной зависимостью от Китая сохраняется.

РОССИЯ – ЯПОНИЯ: ПОЛИТИЧЕСКИЙ ТУПИК?
Высшей точкой в развитии российско-японских политических отношений можно считать красноярскую «встречу без галстуков», которую в 1997-м провели президент России Борис Ельцин и японский премьер Рютаро Хасимото. С тех пор никаких существенных сдвигов не произошло. В 1997 году Токио формально отделил политику от экономики (*секей фукабун*, то есть нераздельность политики и экономики, превратилось в *какудай кинко* – «широкое сотрудничество»), а Хасимото выступил с концепцией «евразийской дипломатии» (внешнеполитическая стратегия Япония, в которой особое внимание уделяется странам Азиатско-Тихоокеанского региона, а также государствам Центральной Азии и Закавказья. – Ред.). Обещание Ельцина подписать мирный договор к 2000-му так и осталось обещанием, тем более что сам первый президент России покинул свой пост в декабре 1999 года.

В конце 2000-го, накануне встречи с Путиным, японский министр иностранных дел публично заявил о том, что российско-япон-

ские отношения находятся в состоянии застоя и что инвестирование в Россию практически невозможно. На самом деле японские бизнесмены еще раньше давали понять, что не политика (вопрос мирного договора), а экономика мешает им вкладывать средства в Россию. Даже в 2005 году торговый оборот не смог перевалить через 10-миллиардный рубеж. Торговля с Японией страдает от того же перекоса, что и торговля с Китаем: основной статьёй экспорта остается сырье — преимущественно древесина и морепродукты.

Летом 2001-го отношения, похоже, достигли критической стадии, когда Япония обнаружила, что Россия выдает южнокорейским фирмам лицензии на рыбную ловлю в акватории Курильских островов. К весне 2002 года ситуация еще больше ухудшилась. Влиятельного японского политика Мунэо Судзуки (видный деятель Либерально-демократической партии. — **Ред.**) обвинили в том, что заказы на гуманитарную помощь Южным Курилам он размещал на собственных предприятиях. В то время Судзуки оказывал значительное воздействие на российскую политику Токио и высказывался в пользу компромиссного решения. По некоторым данным, в неофициальном порядке Судзуки даже утверждал, что Япония не нуждается в спорных островах, но настаивает на своих требованиях ради национального престижа. Его связи с японскими дипломатами даже поставили под сомнение добросовестность МИДа; значительное число его сотрудников, в том числе министр иностранных дел Микико Танака, были уволены. Все это усугубило антироссийские настроения в японском обществе.

На заседании Госдумы в марте 2002 года прозвучало требование внести изменения в российскую политику на японском направлении и выйти из международных соглашений, «мешающих отстаивать территориальную целостность России». Переговоры по мирному договору снова зашли в тупик. Заместитель министра иностранных дел Александр Лосюков сделал пессимистичное признание: мол, возникла пауза и японская сторона утратила всякий интерес. Он даже намекнул на то, что МИД Японии развернул хорошо продуманную кампанию, направленную на подрыв двусторонних отношений и вдохновляемую теми японскими силами, которые по-прежнему мыслят категориями холодной войны.

В ноябре 2004-го президент Путин подтвердил обязательства России (зафиксированные в Совместной декларации СССР и Японии, подписанной в Москве осенью 1956 года) передать Япо-

нии два спорных острова — Хабомаи и Шикотан, наименьшие из четырех. Токио продолжает отстаивать свое право на все четыре острова, и если его позиция не изменится, мирный договор так и не будет подписан. Необходим компромисс между формулами «два или ничего» и «четыре или ничего». Владимир Путин еще в 2000-м предлагал пересмотреть московскую Совместную декларацию, однако японцы расценили этот шаг как тактику затягивания, призванную подогреть надежды на благоприятное разрешение проблемы и тем самым стимулировать японские инвестиции. Токио тогда настаивал на том, что выполнение декларации должно стать первым шагом к возвращению двух более крупных островов — Кунашира и Итурупа.

7 февраля 2005 года — 150-летняя годовщина подписания первого мирного договора между Россией и Японией и «День северных территорий» (в этот день проводятся мероприятия, посвященные территориальной проблеме), — было ознаменовано в Токио митингом, участники которого требовали немедленного возвращения спорных островов. Другой митинг прошел на российском Сахалине. Его участники требовали, чтобы Япония отказалась от территориальных претензий, перестала «смотреть в прошлое и сделала первый шаг на пути построения по-настоящему добрососедских отношений с Россией».

По результатам опроса, проведенного в 2005-м, 55 % россиян считают российско-японские отношения вполне удовлетворительными и не видят необходимости в подписании мирного договора. Долгожданный визит президента России в Японию в ноябре 2005 года никак не изменил ситуацию.

ВОЗМОЖНОСТЬ ДЛЯ СБЛИЖЕНИЯ?

В июне 2002 года министр иностранных дел Японии Ёрико Кавагучи прибыла во Владивосток, где выразила заинтересованность ее страны в строительстве нефтепровода из Восточной Сибири в Азиатско-Тихоокеанский регион. Она подчеркнула, что две экономики могли бы взаимно дополнять друг друга, поскольку «растущий экспорт российских энергоносителей в Японию ведет к росту экономической взаимозависимости и доверия».

Что же изменилось? Почему вдруг зазвучали обнадеживающие нотки? Во-первых, как уже говорилось выше, Япония отделила экономику от политики, а во-вторых, в свете событий на Ближнем Во-

стоке более настоятельной оказалась потребность в диверсификации источников энергии.

К 2003-му был разработан «план действий», основанный на стремлении развивать двусторонние отношения по «самому широкому спектру вопросов». Главная идея заключалась в том, чтобы выстраивать взаимоотношения на базе задач, поставленных Ельциным и Хасимото: углубление политического диалога, консультации о мирном договоре, сотрудничество в международных делах, торгово-экономическое сотрудничество, взаимодействие в военной сфере и в области безопасности. Премьер-министр Японии Дзюньитиро Коидзуми назвал данный план «дорожной картой», которая позволит двум сторонам развивать и углублять отношения в рамках отдельных договоров по ключевым вопросам.

Глава российского МИДа Сергей Лавров продолжил жесткую линию по вопросу Южных Курил, настаивая на том, что Россия вернет лишь Хабомаи и Шикотан. Российские официальные лица считают эту позицию компромиссом, однако Токио выступает против любой сделки, которая не предусматривала бы возвращение всех четырех островов. С другой стороны, в экономической сфере именно Россия должна доказать Японии, что способна создать цивилизованную деловую среду для японских инвестиций на Дальнем Востоке. Как подчеркивает российский исследователь Василий Михеев, если отечественный бизнес не желает инвестировать в российский Дальний Восток, то почему этого должны хотеть японцы?

Несколько просветов на горизонте все же появились. В 2003 году Россия и Япония подписали двухмиллиардный контракт на строительство крупнейшего в мире завода по сжижению природного газа на Сахалине («Сахалин-1»). Продукция будет транспортироваться в Японию начиная с 2007-го, но потребность всего региона в сжиженном природном газе (СПГ) явно растет. Японское правительство лоббирует сооружение еще одного предприятия по сжижению газа, которое соединит «Сахалин-1» с островом Хоккайдо. Если такое произойдет, то, как отмечает аналитик из ИМЭМО Эдуард Гребенщиков, «это первое частное предприятие газовой отрасли в истории России станет первой линией, которая свяжет Японию с другой страной, и этой страной окажется Россия». Благодаря сахалинским энергоресурсам Япония рассчитывает сократить свою зависимость от поставок арабской нефти с 90 % до 80 %, а затем — с помощью восточносибирских ресурсов — до 60 %.

В целом то, что происходит на субрегиональном и межрегиональном уровне, куда более многообещающе, чем межгосударственные взаимоотношения. Расширять контакты между рядовыми японцами и россиянами помогают различные региональные события, например открытие весной 2001 года на Сахалине представительства бизнес-центра Хоккайдо. В 1998-м между двумя регионами был подписан договор о дружбе и сотрудничестве. Подобного рода кооперация способствует укреплению взаимного доверия и взаимопонимания в долгосрочной перспективе. В условиях отсутствия должного финансирования из федерального центра у многих регионов нет другого выбора, кроме как торговать либо с Китаем, либо с Японией. Почти половина всего экспорта Хабаровского края в 2004 году пришлась на Китай.

Учитывая прошлую тактику Токио по налаживанию бизнеса на российском (и советском) Дальнем Востоке, вероятно, что Япония будет и впредь вести себя крайне осторожно. До сих пор нет полной ясности с потребностью страны в российской нефти: некоторые утверждают, что рост первичного потребления нефти уже исчерпал себя и в будущем возможно даже некоторое сокращение потребления. Это подтверждают и японские специалисты в области энергетики, прогнозирующие постепенное снижение доли нефти в общем энергопотреблении вследствие ее замещения экологически чистым СПГ после ратификации Киотского протокола. В 2000-м Япония стала крупнейшим в мире рынком СПГ. Чтобы избежать отрицательных последствий срывов поставок нефти, Токио предложил создать многостороннюю энергосистему в Восточной Азии — так называемое Азиатское энергетическое партнерство, призванное стать «главным столпом международной энергетической стратегии Японии до 2030 года».

* * *

XXI век уже окрестили «азиатско-тихоокеанской эрой». Смогут ли дальневосточные регионы России воспользоваться своей близостью к Азиатско-Тихоокеанскому региону и успешно интегрироваться в него?

По-прежнему налицо конфликт между потребностью России в укреплении своего суверенитета и территориальной целостности, с одной стороны, и общей динамикой мирового развития, которая предполагает тесную экономическую взаимозависимость, — с дру-

гой. России следует преодолеть свой традиционный страх перед экономической глобализацией и либеральными рыночными силами. Основным группам интересов в экономической элите России необходим доступ на западные рынки для экспорта сырья и энергоресурсов. Способность Москвы взаимодействовать с зарубежными инвесторами станет настоящей проверкой любой новой стратегии.

Если России удастся наладить долгосрочное экономическое сотрудничество с Японией, это может способствовать урегулированию территориальных споров, поскольку географическая территория в данном случае трансформируется в экономическую категорию, перестав быть геополитическим инструментом или объединяющим лозунгом для националистических сил. Что касается отношений с Китаем по пограничным вопросам, то сотрудничество и «повседневное внимание» к мелким проблемам крайне важны для того, чтобы не допустить перерастания мелких споров в более серьезные конфликты.

Как пишут российские ученые Василий Михеев и Дмитрий Тренин, Россия не может позволить себе благоденствовать: пока еще не выработано «единой азиатской стратегии в отношении России», которая бы учитывала экономико-географические особенности ее огромной, но редконаселенной азиатской части, а также основные направления многостороннего сотрудничества в Восточной Азии и двусторонних отношений». Это единственный путь от простого сосуществования к подлинному сотрудничеству. Европа останется для России приоритетным регионом, но экономические реалии свидетельствуют о том, что последняя должна отказаться от привычки относиться с некоторым пренебрежением к своим дальневосточным землям. А это значит, что России следует стремиться к политико-экономической интеграции с Азиатско-Тихоокеанским регионом.

Уроки Европы и примирение в Азии

Карл Кайзер

Европеец испытывает смешанное чувство, наблюдая за ситуацией в Восточной Азии. С одной стороны, поражают необычайные темпы экономической интеграции региона. С другой – тревожат усиление шовинизма и национализма, рост напряженности и гонка вооружений, напоминающие печальный опыт самой Европы. Примечательно, что открытую и наиболее непримиримую полемику в Восточной Азии вызывают события, ставшие достоянием истории. Обсуждение и осознание общего прошлого способствовали умиротворению Европы после катастрофы Второй мировой войны и обеспечили наступление эры примирения и объединения, не имеющей аналогов в предшествующие периоды. В Азии же это очередной источник трений.

Два гиганта Восточной Азии – Китай и Япония – переживают период максимальной экономической взаимозависимости. Одновременно взаимные неприязнь и недоверие достигли пика со времени установления обеими странами дипломатических отношений в 1972 году. На фоне небывалого роста объемов торговли и инвестиций Пекин и Токио все более склонны видеть друг в друге соперника. Усиливаются подозрения в военных приготовлениях и милитаризме, то и дело вспыхивают территориальные споры, инспирируются межнациональные конфликты. Неспособность адекватно воспринимать прошлое ведет к дальнейшему ухудшению отношений.

Европейская история преподавала немало уроков, особенно в том, что касается ответственности за прошлое и решения проблем,

Карл Кайзер – профессор Центра международных отношений Уэзерхэд на факультете государственного управления при Гарвардском университете, член редакционного совета журнала «Россия в глобальной политике».

связанных с решением проблем национализма, интеграции и с политическим лидерством. Начало «европейскому движению» положила Гаагская конференция 1948 года, ее участники в свою очередь черпали вдохновение в призыве Уинстона Черчилля к созданию Соединенных Штатов Европы, прозвучавшем в сентябре 1946-го в Цюрихе. Двинувшись по пути объединения, Старый Свет поставил задачу выйти за устаревшие рамки национальных государств. Именно такой путь привел к созданию нынешней единой Европы.

Так же как Париж и Бонн после 1945-го, Пекин и Токио могли бы сегодня совместно инициировать процесс, способный преобразить политический пейзаж на всем континенте. Вместо этого два великих азиатских государства, которые, подобно Франции и Германии, оказывают друг на друга серьезное стимулирующее влияние, стали на путь, чреватый серьезным конфликтом.

НЕ ИЗБЕГАТЬ ВСТРЕЧИ С ПРОШЛЫМ

Итоги Второй мировой войны, стоившей десятков миллионов жизней и приведшей к колоссальным разрушениям, заставили жителей Западной Европы осознать: мало просто добиться мира, нужно разорвать порочный круг конфликтов. Междоусобицы сотрясали столь близкие народы, что каждая из них, по сути, превращалась в братоубийство. Европейские отношения нуждались в принципиально ином фундаменте. Дабы избежать повторения ошибок прошлого, движущей силой новой Европы должна была стать воля к примирению.

Политика, выросшая из этой убежденности, базировалась на трех предпосылках. Каждая страна должна

- честно, открыто и не оставляя повода для сомнений взглянуть на свои ошибки и преступления, ставшие частью общих бед в истории человечества;
- постоянно проводить четкое различие между теми, на ком лежит ответственность за совершенные злодеяния, и их национальной принадлежностью;
- отличать преступления, совершенные в прошлом, от деятельности ныне живущих политиков, ответственных перед будущими поколениями.

Примирение Франции и Германии, враждовавших на протяжении веков, и их отношение к прошлому — образец для прочих государств. Сближение Германии и Польши произошло некоторое время спустя и протекало крайне сложно ввиду неисчислимых страда-

ний, перенесенных польским народом, а также из-за того, что к Польше отошла часть германской территории и миллионы немцев подверглись выселению из восточных районов страны.

Что же такое честное, открытое и внушающее доверие отношение к собственным ошибкам?

Во-первых, это четкое понимание того, что невозможно примириться, не осознав своей истории и не прилагая постоянных усилий к тому, чтобы сохранить национальную и индивидуальную память. Как сказал 8 мая 1985 года тогдашний федеральный президент ФРГ Рихард фон Вайцеккер в приветственной речи по случаю сороковой годовщины окончания Второй мировой: «Все мы, и правые, и виноватые, должны принять свое прошлое таким, как оно есть. Все мы ощущаем его последствия и за него в ответе. И млад и стар обязаны помочь друг другу понять, как важно сохранить память». Вайцеккер подчеркнул, что смысл искупления — в сохранении памяти о прошлом.

Во-вторых, недостаточно того, чтобы признание вины за преступления, совершенные в прошлом, было просто публичным. Оно может возыметь должный эффект и стать поистине значимым событием лишь в форме официального извинения. Примеров тому много: «Исповедь вины», с которой выступила в октябре 1945-го Германская протестантская церковь, извинения выжившим жертвам Холокоста и трудовых лагерей, принесенные федеральным президентом ФРГ Йоханнесом Рау в декабре 1999 года...

Но подобные шаги должны быть подкреплены широким консенсусом в обществе и политическом классе. Более того, такое восприятие собственной истории должно стать неотъемлемой частью культуры, образом жизни, процессом, который не завершается подписанием договора или принесением извинений. Проявлением и подтверждением этого служат публичные действия представителей государства, направленные на принесение извинений и выражение соболезнований жертвам преступлений. Так поступили Вилли Брандт, преклонивший колена у памятника жертвам варшавского гетто, и Войцех Ярузельский, высказавший сочувствие немецким гражданам, выселенным из восточных районов Польши. На память приходит и эпизод, когда Жак Ширак и Герхард Шрёдер обнялись во время торжеств по случаю 60-летия высадки в Нормандии (речь идет о десантной операции англо-американских экспедиционных сил в июне–июле 1944-го, что способствовало открытию второго фронта против фашистской Германии в Европе. — **Ред.**).

В отличие от экс-канцлера ФРГ Брандта (справа), премьер-министр Японии Коидзуми посещает исторические места, связанные со Второй мировой войной, не для того, чтобы каяться.

Высшие представители Японии, включая самого императора, неоднократно приносили извинения Китаю и другим государствам, пострадавшим от акций Токио. Однако эти шаги не заслужили полного доверия в восприятии китайского народа и его соседей, поскольку не отражали воли общества в целом и не являлись закономерным продуктом политической культуры Японии. Немалую негативную роль сыграли и демонстративные посещения японским премьер-министром Дзюньитиро Коидзуми храма Ясукуни, в котором похоронены люди, официально признанные военными преступниками.

Признать военные преступления своих соотечественников очень тяжело. Но европейцу, для которого значимость подобного шага очевидна, трудно понять, как честь и память людей, давно умерших, может быть важнее, чем будущее живых и их шанс на мирное и безбедное существование. Кроме того, цена, которую Япония платит за нежелание адекватно переоценить свое прошлое, не только не способствует улучшению отношений с соседями, но и наносит ущерб ее собственным национальным интересам. Токио, по праву добивающийся постоянного членства в Совете Безопасности ООН, тем самым лишается поддержки Пекина, одного из основных сторонников реформирования Организации Объединенных Наций.

Важную роль способна сыграть совместная работа, например, по пересмотру содержания учебников истории. Важной вехой на этом

пути могла бы стать инициатива правительств обеих стран по созданию комиссии историков для взаимного пересмотра учебных материалов и реализации сформулированных рекомендаций.

Однако переоценка прошлого во имя примирения – процесс не односторонний. Извинения бесплодны, если они не встречены с пониманием. Когда Коидзуми воздержался от визита в храм Ясукуни в день 60-й годовщины окончания Второй мировой войны, посетив вместо этого гражданскую церемонию вместе с императором Акихито и принеся извинения соседям – жертвам военных преступлений Японии, он сделал то, чего ждали и на что надеялись страны региона. Но эта инициатива не встретила должного отклика, очередная возможность была упущена, погребена под тяжестью новых обвинений и взаимного недовольства.

Обоснованное недовольство Пекина недостаточным усердием Токио на этом направлении приобрело бы гораздо больший вес, обратись сам Китай к эпизодам собственной истории, например к «культурной революции».

ВИНА, ОТВЕТСТВЕННОСТЬ И СТЕРЕОТИПЫ

Проведение четкой грани между преступниками и народами, к которым они принадлежали, явилось залогом мирного процесса в Европе. По меткому выражению Рихарда фон Вайцзеккера, «нет правых и виноватых народов. Вина, как и невиновность, – понятие индивидуальное». В годы Второй мировой войны нацисты не ассоциировались в глазах участников Сопротивления с простыми немцами. В преамбуле к Конституции Четвертой республики (во Франции) 1946 года говорится не о победе над Германией, а о «победе свободных народов над режимами, пытавшимися поработить и уничтожить человека». Такое отношение подготовило почву для принятия Германии в ряды строителей Европейского сообщества.

Хотя стереотип, согласно которому все немцы – преступники, так и не был окончательно искоренен, правящие круги и их лидеры, избавившись от него, сумели организовать сотрудничество элит в целях созидания нового общества. Страны Восточной Азии пока не научились проводить подобные различия. Пекин ссылается на преступления японской военщины, стремясь очернить современную Японию. При этом замалчиваются ее успешный демократический опыт послевоенного времени, ее мирная и конструктивная внешняя политика, а также тот факт, что именно стратегия оказания помо-

щи и инвестиций, взятая на вооружение Токио, заложила основы восточноазиатского регионализма.

Явственное различие между преступниками прошлого и современным поколением, на котором лежит ответственность за общее будущее, сыграло роль в послевоенном восстановлении согласия. Вина преступников, лишенных к тому времени власти и в большинстве своем почивших в бозе или отбывающих сроки, не распространялась на тех, кому выпало преодолевать последствия совершенных злодеяний, созидая иную Европу.

Молодое поколение немцев не отвечает за грехи отцов и дедов, но его долг – предотвратить повторение трагедии. Это справедливо и в отношении современных японцев. Однако рост антияпонских настроений и националистические выпады Китая свидетельствуют о том, что там эта простая истина вытеснена новой правительственной идеологией патриотизма. Она служит средством идеологического сплочения страны. Острие этой идеологии направлено против Японии.

На плечи новых поколений ложится забота о будущем, и прежде всего ответственность за формирование новых политических структур, способных избежать ошибок прошлого. Возникают и другие задачи. Как отметил в 1999-м один из учредителей фонда «Память, ответственность и будущее», справедливость требует принести публичные извинения, выплатить материальную компенсацию и сохранить память о прошлом.

Большая часть капитала фонда, составлявшего на момент учреждения 10 млрд немецких марок (5,1 млрд евро), идет на оказание помощи жертвам Холокоста и трудовых лагерей, особенно в бывших коммунистических странах, но определенный процент средств отчисляется на увековечивание памяти о прошлом и на борьбу с национальными предрассудками. Сама по себе денежная компенсация не восполнит потери и не залечит раны. Эта деликатная тема вызвала много споров как среди доноров фонда, так и среди жертв нацизма, но тем не менее деятельность организации способствовала примирению. На данный момент сумма компенсаций, выплаченных Германией жертвам и их потомкам, составляет около 100 млрд немецких марок (51 млрд евро), не считая сумм, выплаченных согласно двустороннему соглашению о помощи с Израилем. Возможно, проблема компенсаций отчасти объясняет упорное нежелание Токио возвращаться к теме военного прошлого, которую он считает с юридической точки зрения закрытой.

ВОСПРИЯТИЕ ВОЙНЫ И ХОЛОКОСТА

Время от времени представители Японии заявляют, что германские уроки неприменимы к их ситуации, поскольку Холокост — явление уникальное по своей чудовищности. При этом упускается из виду тот факт, что на протяжении первых, и самых важных, 25 послевоенных лет в основе процесса примирения в Европе лежала ненависть к прошлым войнам, и лишь впоследствии она расширилась за счет памяти о Холокосте.

На первый план выступало стремление таких лидеров, как Конрад Аденауэр, Альчиде де Гаспери и Робер Шуман, разорвать порочный круг европейских войн. Конечно, они знали о Холокосте, но, как и Шарль де Голль, исходили из горького опыта истории европейских междоусобиц в целом.

В качестве исторической задачи новой Германии первый федеральный канцлер ФРГ Конрад Аденауэр (занимал этот пост в 1949—1963 годах) выдвигал примирение с Францией, Израилем, а впоследствии и с Польшей. Вскоре после вступления в должность он, вопреки серьезному сопротивлению, принес (хотя и в несколько сдержанной форме) извинения еврейскому народу. Тогда же было заключено соглашение о выплате компенсаций с премьер-министром Израиля Давидом Бен-Гурионом и еврейскими организациями. Тем не менее многие годы высказывания Бонна о Холокосте справедливо подвергались критике за уклончивость, неясность и неубедительность. В результате немцев даже обвинили в «неспособности скорбеть» — так называлась вышедшая в 1967-м и получившая широкую известность книга психологов Александра и Маргареты Мичерлих.

Все изменилось после создания в 1969 году коалиции социал-демократов и либералов, возглавляемой федеральным канцлером ФРГ Вилли Брандтом. Последний не только инициировал процесс примирения с Польшей, о котором говорил Аденауэр, но и как бывший эмигрант, боровшийся с нацизмом из-за границы, уделял гораздо больше внимания проблеме Холокоста. Высшим выражением решимости Брандта подвести черту под прошлым стал шаг огромной значимости — коленопреклонение у памятника на месте варшавского гетто, полностью уничтоженного СС. Данный жест сочетал в себе призыв к примирению и признание вины. Только после этого неприятие европейских войн и признание ответственности за Холокост стали для немцев частью их отношения к прошлому, их «культуры покаяния».

БОРЬБА С НАЦИОНАЛИЗМОМ

Европа не стала бы тем, чем является сегодня, не прими она в высшей степени благоразумное решение — отказаться от шовинизма. В послевоенный период правительства и отдельные группировки нередко допускали националистические выпады, но постепенно лидеры государств и элиты пришли к общему пониманию: шовинизм, демонизация отдельных стран и разжигание националистических предрассудков лежали в основе европейских трагедий и потому должны быть искоренены. В своей прощальной речи перед депутатами Европарламента президент Франции Франсуа Миттеран выразил это следующими словами: «*Le chauvinisme, c'est la guerre!*» («Шовинизм — это война!»).

Ключевую роль сыграла совместная деятельность правительств по преодолению проявлений национализма и формированию в общественном сознании новых отношений доверия. Помимо создания комиссий по пересмотру содержания учебников, запускались программы городов-побратимов. В 1993-м из 4 тысяч немецких городов-побратимов 1 500 (наиболее многочисленная группа) поддерживали самые разнообразные связи с французскими партнерами.

Не менее важную роль играло основанное в 1963 году Шарлем де Голлем и Конрадом Аденауэром франко-германское Бюро молодежи. С момента создания оно организовало 250 тысяч мероприятий, в которых приняли участие 7 миллионов молодых людей. В 1993-м аналогичную организацию учредили Германия и Польша, она охватила в общей сложности 1,5 миллиона человек. Два года назад создан германо-российский аналог.

К несчастью, национализм неискореним. Он возрождается на фоне свободы самовыражения и коммерческой эксплуатации в прессе популистских идей. Сами правительства зачастую не гнушаются использовать или реанимировать националистические настроения, чреватые неуправляемыми процессами. Правительства, которые, «заигрывая» с националистическими чувствами, руководствуются соображениями престижа, популярности, стремлением объединить страну или создать новую идеологию, не отдают себе отчета в возможных последствиях. Подобные тенденции можно сейчас наблюдать и в Японии, и в КНР.

Инициатива Коммунистической партии Китая по совершенствованию «патриотического образования», выдвинутая в 1994 году, породила опасную смесь антияпонских настроений и популистских

движений, грозящих выйти из-под контроля. Все это крайне затрудняет проведение адекватной политики примирения, провоцируя эскалацию взаимных подозрений, неприятия и страха. Неудивительно, что, согласно опросам, освещение антияпонских инцидентов повысило уровень враждебности японцев по отношению к Китаю до 70 %.

Своими успехами в борьбе с национализмом Европа в немалой степени обязана последовательной политике правительств, оставивших без внимания экстремистские выпады из-за рубежа. Неизбежные проявления маргинальных настроений не были помехой для сотрудничества здравомыслящих и дальновидных элит. В случае с Токио и Пекином нередко, увы, наблюдается обратное. КНР игнорирует положительные сдвиги в поведении Японии, даже такие важные и заметные, как критика в адрес премьер-министра за посещение храма Ясукуни, которая прозвучала со страниц консервативной газеты «Иомиури». Зато всякая экстремистская акция либо высказывание с готовностью трактуется как выражение государственной позиции, что только укрепляет порочный круг взаимного неприятия.

СОЗДАНИЕ ЕВРОПЕЙСКОГО СООБЩЕСТВА, ИНТЕГРАЦИЯ И КОНФЛИКТЫ

В основе Европейского сообщества лежал план, выдвинутый Жаном Монне и поддержанный лидерами будущего Европейского объединения угля и стали. Согласно заявлениям Монне, в условиях современного социального государства, постоянно осуществляющего валютные интервенции, экономическая интеграция требует интеграции политической и одновременно способствует ей.

Устранение национальных барьеров на пути к экономическому взаимодействию подразумевало хотя бы минимальные гармонизацию и координацию, а также наличие общих институтов. Строительство Европейского сообщества, начавшееся в сфере сталелитейной и угольной промышленности, продолжилось в других отраслях, что позволило привлечь новых участников. Хотя результаты референдумов по европейской конституции 2005 года во Франции и Голландии приостановили институциональные реформы, Европейский союз демонстрирует все признаки «авангарда» глобализации. Для него характерны высокая степень развития транснациональной торговли и инвестиций, международное разделение труда и аутсорсинг, наличие многонациональных компаний, тесные информаци-

онные связи в рамках сети Интернет. Экономическая взаимозависимость стран ЕС достигла беспрецедентного уровня.

В Восточной Азии также наблюдается довольно глубокая региональная экономическая интеграция. Продолжает расти экономическая взаимозависимость, обусловленная расширением внерегиональных торговых операций, инвестиций и обмена продукцией транснациональных компаний. В 2004-м товарооборот между Китаем и Японией вырос до 170 млрд дол. и составил для них соответственно 14,5 и 16,5 % от общего товарооборота.

Способен ли столь высокий уровень экономической взаимозависимости снизить вероятность развязывания войны? Скептики напоминают, что на момент начала Первой мировой экономическое взаимодействие европейских стран достигало наивысшей точки. Война в Азии была бы сегодня еще более губительной, разорительной и противоречащей духу времени, чем не только все европейские войны XX века, но даже и те, что могли разразиться после 1945-го. Ведь степень кооперации государств Восточной Азии в сфере торговли, инвестиций и развития экономики в целом очень высока и чрезвычайно важна для каждого из них. С другой стороны, безумие и шовинизм слишком часто заглушают голос разума — невосполнимые потери, понесенные Европой в 1939—1945 годах, стали очередным горьким подтверждением этого.

ФОРМИРОВАНИЕ ДОВЕРИЯ И ПОЛИТИЧЕСКОЕ ЛИДЕРСТВО

Центр мировой политики и экономики смещается в сторону Азии. Выход азиатских стран за чисто региональные рамки возлагает на них, особенно на Японию и Китай, растущую ответственность в деле сохранения всеобщего мира и благополучия. Обострение межгосударственных противоречий и рост национализма несут серьезную угрозу экономической интеграции и сотрудничеству в регионе. Если здешние правительства и элиты окажутся не в состоянии решительно нейтрализовать эти тенденции, выдающиеся достижения послевоенного времени будут утрачены.

К несчастью, обе страны загнали себя в угол. И дело не только в болезненной реакции Пекина на проведение церемоний в храме Ясукуни, но и в его отказе участвовать в последнем японо-китайском саммите. Избрание преемника Дзюньитиро Коидзуми дает шанс перевернуть страницу, заключив «Великую сделку» в интере-

сах всего региона, к чему призывал не так давно сингапурский премьер Го Чок Тонг.

Во-первых, лидерам обеих стран необходимо подвести черту в вопросах, касающихся совместной истории. Для этого следует принять ряд мер, начиная с переноса церемонии поминовения японских солдат из храма Ясукуни в другое место и заканчивая общими усилиями по пересмотру содержания учебных пособий.

Во-вторых, необходим комплекс мер по укреплению доверия в сфере безопасности наподобие тех, что были в свое время выработаны в рамках Совещания (ныне – Организации) по безопасности и сотрудничеству в Европе. Прозрачность военных расходов, утверждение правил проведения учений, включая введение института военных наблюдателей, а также обмен военными специалистами для стажировки – все это хорошие способы снизить накал подозрительности.

В-третьих, более интенсивное двустороннее сотрудничество пойдет необходимо обеим странам во имя процветания и стабильности в регионе и для собственного экономического благополучия. Япония жизненно заинтересована в том, чтобы КНР справилась со своими структурными проблемами. Речь идет о прогрессирующем социальном неравенстве, разрушении окружающей среды и нехватке энергии. Пекин в свою очередь крайне заинтересован в экономическом здоровье своего соседа – основного инвестора и торгового партнера.

В-четвертых, и Токио, и Пекин испытывают насущную потребность в развитии азиатского и восточноазиатского регионализма, в создании собственного сообщества. Не так давно ведущую роль здесь играла Япония, но по мере превращения Китая в экономический центр региона он становится одним из главных «акционеров» в формировании такого сообщества. Это необходимо Пекину не только ради снятия опасений, связанных с его новым статусом сверхдержавы, но и для того, чтобы создать важный механизм решения общих задач процветания, борьбы с терроризмом и преступностью, а также удовлетворения нужд в энергоснабжении.

Смену токийского руководства следует использовать в качестве повода для того, чтобы принять решительные меры по восстановлению взаимоотношений во имя экономической интеграции, столь необходимой и региону, и миру в целом.

Сильные мира сего: взгляд со стороны

Как люди в разных странах представляют себе глобальные державы XXI века? Каким видится грядущее мироустройство? Ответить на эти вопросы было призвано исследование, проведенное в октябре – декабре 2005 года немецкими фондом *Bertelsmann Stiftung* и институтом общественного мнения *TNS EMNID*. Опрошены представители девяти стран – Великобритании, Бразилии, Германии, Индии, Китая, России, Соединенных Штатов, Франции и Японии.

В первом вопросе респондентам предлагалось выбрать по три качества, характеризующих государство – ведущего игрока на международной арене. Самыми важными, с точки зрения опрошенных, чертами мировой державы оказались экономическая мощь и способность к росту (52 %). Любопытно, что такое качество, как военная мощь, большинство (21 %) поместило на предпоследнее место. Наименее же существенным свойством великих держав респонденты назвали способность к нововведениям и гибкость. Правда, последние характеристики были высоко оценены немцами (41 %), при том что большая часть из них все же отдала предпочтение политической стабильности (64 %). 68 % бразильцев полагают, что супердержава должна прежде всего обеспечить образование и развитие науки (из россиян эту точку зрения разделяют только 22 %). Значительная часть представителей Франции (34 %) настаивала на том, что великая держава должна являть собой социальный и культурный образец для других стран. Хотя Россия часто ссылается на свой вклад в мировую культуру как на один из факторов, обуславливающий ее «великодержавный» статус, с французами согласны только 9 % россиян. Большинство же из них считают важнейшими признаками великой страны экономическую мощь (60 %) и политическую стабильность (55 %). Очевидно, что единые критерии, позволяющие отнести то или иное государство к категории мировых держав, отсутствуют.

В ответ на вопрос, «какие из государств или организаций являются сегодня мировыми державами», люди называли прежде всего США (81 %), Китай (45 %) и Японию (37 %). За ними следует Великобритания (33 %), и только пятую позицию занимает Европейский союз, получивший в общей сложности 32 % голосов. Организация Объединенных Наций – седьмая (26 %), зато немцы отвели ЕС и ООН соответственно второе место (75 %) и четвертое (66 %). Между этими двумя международными организациями вклинилась Россия: мировую державу в ней увидели 27 % респондентов. Сами же россияне придерживаются несколько иного мнения: супердержавой свою страну считают 45 %. Однако их нельзя обвинить в нескромности, если учесть, что с ними согласна ровно половина респондентов из Германии. Ниже всех Россию «опустили» японцы (9 %), но они продемонстрировали и собственную неприязнительность, поместив себя всего лишь на шестое место.

К 2020 году, полагают опрошенные, доминировать на мировой арене будут те же Китай (55 %) и Япония (32 %) во главе с Америкой (57 %) Но в том, что США не смогут в перспективе сохранить свое лидерство, убеждены целых 24 % из тех, кто признаёт их нынешнюю мощь. Наиболее уверены в будущем величии США жители Германии (82 %) и Великобритании (78 %), причем они оптимистичнее самих американцев (66 %). Россиян, видящих в своей стране грядущую сверхдержаву, тоже меньше, чем их соотечественников, не отрицающих ее сегодняшнего сверхдержавного статуса (42 % против 45 %). В целом 26 % респондентов включили Россию в «передовой отряд» 2020-х. А вот Китай не сомневается в сво-

ем успехе (71 %); с уверенностью смотрят в будущее и индийцы (79 % по сравнению с 24 % от общего числа опрошенных). Что касается ЕС и ООН, то они получили соответственно 30 % и 23 %, да и то благодаря французам, немцам и британцам (последние, например, отдали Евросоюзу 53 % голосов, тогда как японцы – лишь 7 %, т. е., между прочим, столько же, сколько России).

Как показал опрос, наибольшую озабоченность вызывают такие проблемы нашего времени, как международный терроризм (51 %), бедность и перенаселение (по 44 %), а также разрушение окружающей среды/изменение климата (44 %). Вероятность войны (32 %), не говоря уже об опасности, исходящей от оружия массового уничтожения (23 %), волнует людей значительно меньше. К не самым серьезным вызовам отнесен и фундаментализм (впрочем, 36 % французов и 29 % индийцев всерьез им озабочены). На последнем месте – проблема слабых и несостоявшихся государств: всего 6 %. Между тем при определении основных факторов риска выявились значительные расхождения, общей угрозы вроде бы и не существует. Так, китайцев, из которых всего 29 % обеспокоены проблемой международного терроризма, больше всего волнуют состояние окружающей среды (44 %) и дефицит природных ресурсов (42 %). Для бразильцев одна из главных проблем – инфекционные заболевания и пандемии (42 %). Европейские страны в основном радеют за чистоту окружающей среды. На долю россиян приходится самое большое число тех, кто боится развязывания новой войны (46 %), и они наряду с японцами и немцами не видят особенной угрозы в инфекционных заболеваниях.

«Какие цели должны преследовать мировые державы в XXI веке?» Большинство (44 %) полагает, что сокращение бедности – это более важное предприятие, чем борьба с терроризмом (35 %). Даже в США приоритет антитеррористическим усилиям отдает менее чем половина опрошенных (42 %). Продвижение демократии и прав человека замыкает четверку главных целей ведущих государств (32 %). Самое большое внимание этой проблеме уделили индийцы (41 %). Бразильцы больше всего мечтают о том, чтобы мировые державы объявили войну коррупции и организованной преступности (46 % по сравнению с 21 % совокупного числа голосов). Россияне же ждут от мировых держав прежде всего наступления на бедность (50 %). Большинство опрошенных – всего 10 % (при 23 % индийцев) – посчитали, что едва ли мировой державе стоит тратить усилия на развитие свободной торговли.

В ходе опроса респондентам предлагалось также назвать организации либо страны, которые в будущем должны играть более важную роль в поддержании мира и стабильности. Большая часть указала на США (51 %), ООН (38 %) и Китай (36 %), обошедший Европейский союз (33 %). На пятом месте оказалась Россия (29 %), причем немцы (52 %) полагаются на нее в большей степени, чем остальные участники опроса, и даже больше, чем сами россияне (50 %).

Таким образом, представления о большинстве важнейших вопросов современности неоднородны в разных регионах планеты. Мало того, внутриевропейские различия зачастую оказываются даже более существенными, чем расхождения между мнением развитого и развивающегося мира. Свой завтрашний день люди видят сквозь призму национальных интересов, собственного исторического опыта и обстоятельств текущего развития своих стран. «Глобального сообщества», как показал опрос, в действительности не существует.

Люди и власть

Кандидат в депутаты тренирует улыбку, с которой предстанет перед избирателем.
Литография Оноре Домье, 1869 г.

“ - Вот вы, Иванов, например, к какой партии принадлежите?

- Я-с верен присяге-с, вашеество! Только-с в винтик с болваном-с и поигрываю в свободное от занятий время.

- А вы, Петров?

- Я-с не принадлежу-с ни к какой партии, но могу принадлежать-с лишь к той партии, к которой-с прикажет мне начальство! Я верой и правдой-с...

А не какой-нибудь интеллигент! ”

«Перед выборами»

Юмористический альманах «Агитация», № 4, 1906 год

Куба Фиделя Кастро: последняя глава

Карлос Альберто Монтанер

102

Венгерское восстание: было ли поражение неизбежным

Чарльз Гати

113

Лидерство в преобразованиях и национальная стратегия США

Джозеф Най-младший

126

Партии всех стран, объединяйтесь! Андрей Климов

137

Куба Фиделя Кастро: последняя глава

Карлос Альберто Монтанер

Юбилей Фиделя Кастро в августе 2006 года Куба готовилась отметить с величайшей помпой. Из прожитых восьмидесяти лет 47 он находится у власти. В официальных сообщениях о предстоящем празднике говорилось о «тысячах гостей из десятков стран мира». Эта дата должна была стать апофеозом жизни вождя. Апофеозом в античном понимании этого слова — так называлась церемония, на которой героям присваивали звания богов. Но Фидель Кастро не успел стать богом. Организм напомнил, что он просто очень молодой и уже весьма нездоровый человек.

Что бы ни происходило на самом деле за стенами тщательно охраняемой элитной военной клиники «Симекс» в Гаване, очевидно одно: эпоха Фиделя завершается. Кубе предстоит трудный переход к новой жизни.

ТРЕТИЙ АКТ ДРАМЫ

Правление Кастро на Кубе напоминает классическую театральную пьесу из трех актов. Первый из них был сравнительно коротким. Он начался 1 января 1959 года, когда бывший кубинский диктатор Фульхенсио Батиста бежал с острова и в Гавану вступили колонны «барбудос». Завершился он тем, что спустя всего лишь два месяца после убийства своего предшественника Джона Кеннеди президент США Линдон Джонсон подписал в январе 1964-го приказ, прекративший попытки свергнуть коммунистическое правительство Фиделя.

Второе действие, растянувшееся вплоть до 1992 года, ознаменовалось растущей советизацией Кубы. Этот процесс начал набирать

Карлос Альберто Монтанер — кубинский писатель, проживающий в Испании, президент Либерального союза Кубы.

силу в 1970-е, после того как остров — по мере воплощения в жизнь экономической модели Эрнесто Че Гевары — погрузился в болото инфляции, хозяйственного хаоса и тотальной нехватки абсолютно всех товаров первой необходимости.

Третий акт драмы наступил вслед за крахом СССР и прекращением массивованных советских субсидий, которые, по данным российских исследователей, составили за три десятилетия около 100 млрд долларов. Это, безусловно, последний этап экстравагантного периода в жизни Кубы, хотя приходится только догадываться, каким станет его финал. Сам команданте назвал его «особым периодом». «Особым» — не потому, что Кастро считает его последним. Просто за последние 15 лет он был вынужден проявлять изобретательность в деле сохранения коммунистической модели. Среди приемов, к которым ему пришлось прибегнуть, были и некоторые уступки ненавистным капиталистам — правда, исключительно в сфере экономики. Политический же контроль над страной оставался незыблемым и без каких-либо видимых разногласий внутри правящей верхушки.

Скрепя сердце, Кастро заставил себя приоткрыть доступ частному предпринимательству, позволил эмигрантам направлять денежные переводы своим родственникам, разрешил свободное хождение в стране доллара, массовый туризм и так называемые совместные инвестиции. Последнее означало всего-навсего учреждение ассоциаций иностранных предпринимателей и кубинского правительства, которые открыто эксплуатировали невероятно дешевую рабочую силу, лишённую права создавать профсоюзы и протестовать. Кроме того, конфискации на таких предприятиях подвергалось около 95 % заработка. Арифметика применялась простая: иностранные инвесторы платили правительству Кубы за каждого трудящегося 400 долларов в месяц, а последнее выплачивало тому же работнику 400 пе-

8 января 1959 года,
Повстанческая армия вошла в Гавану.
Фидель Кастро с майором Камило Сьенфуэгосом.

со. То есть в среднем всего 16 долларов, поскольку по официальному курсу доллар стоил около 25 кубинских песо.

Но даже и эти убогие экономические отдушины стали к концу 1990-х годов «закрывать». Кастро почувствовал, что его режим, уже, казалось бы, коснувшийся дна, начал постепенно всплывать на поверхность, хотя уровень потребления еще существенно уступал цифрам 1989-го. Кубинские власти объясняли людям, что те должны довольствоваться малым от экспорта никеля, доходов от туризма и валютных переводов из-за границы. Стремление к более обеспеченной жизни объявлялось преступлением против человечности, а скромность на грани нищеты — символом революционной добродетели. Приветствовался не комфорт, а выживание ценой добровольного отказа от излишнего потребления.

ФАКТОР ЧАВЕСА

И в это время на сцене появляется Уго Чавес. Избранный в конце 1998 года президентом Венесуэлы, он вскоре установил сначала торговые отношения с кубинским правительством, а затем перешел к тесному сотрудничеству с Гаваной в самых различных областях. Между двумя странами установился традиционный для Кубы обмен товаров на услуги. Кастро предоставлял Венесуэле врачей и медицинский персонал для работы в бедных городских кварталах, получая взамен нефть, продовольствие, строительные материалы. Обе стороны были довольны: Кастро обеспечивалась экономическая поддержка, Чавесу — политическая, необходимая для сохранения рейтинга среди беднейших слоев населения в соответствии со старыми популистскими традициями Латинской Америки.

Отношения между обоими лидерами были более тесными, чем это выглядело со стороны. Венесуэлец впервые побывал на Кубе еще в декабре 1994-го. К тому времени он был амнистирован президентом Рафаэлем Кальдерой после неудавшейся попытки военного переворота в 1992 году. Выступая в Гаванском университете, Чавес огласил свои революционные постулаты, впоследствии воплощенные им в жизнь. Но тогда мало кому известный бывший военный находился под идеологическим влиянием Норберто Сесесоле — аргентинского фашиста, яркого сторонника режима Каддафи в Ливии, привыкшего использовать армию в качестве приводного ремня для обеспечения своего единоличного господства в стране. Именно Сесесоле убедил молодого подполковника Уго обратиться

внимание на «премудрости» «Зеленой книги» Кадафи. Впоследствии Чавес назовет эту смесь софизмов социализма, милитаризма и ислама «третьей универсальной теорией».

В апреле 2002-го произошло событие, поднявшее отношения между Кастро и Чавесом на небывалую высоту. В ходе попытки военного переворота в Венесуэле при странном стечении обстоятельств президент Уго Чавес оказался в плену на отдаленном острове. Там он пробыл всего двое суток. За считанные часы Кастро сделал все мыслимое и немислимое, чтобы вернуть к власти друга и благодетеля. И тогда венесуэльский президент понял, что ему нужно от Кубы нечто большее, чем помощь медиков. Дабы остаться в президентском дворце Мирафлорес без опасения, что его свергнут недавние соратники, ему следовало обеспечить себя разветвленной сетью спецслужб, мощным аппаратом подавления и пропагандистской техникой. Словом, Чавес нуждался во всем том, чем располагал Кастро, чему тот научился у своих друзей из СССР в 1960–70-е годы, когда тысячи советников полностью перекроили кубинскую бюрократию на свой лад, сделав ее «неуязвимой для врагов революции».

После чудодейственного возвращения Чавеса к власти его встречи с Кастро участились. Обоих лидеров сплачивала вера в свое мессианское предназначение, оба были склонны к самолюбванию. И тот и другой считали, что революция, будь то кубинская или венесуэльская, не может выжить в одиночку в условиях враждебного окружения и под воздействием неолиберальных экономических концепций. Они пришли к выводу, что необходимо создать международную сеть антиимпериалистических государств, способных противостоять «агрессивным режимам» Западного полушария, находящимся под влиянием Вашингтона.

С учетом этого у Кастро и Чавеса сформировался новый взгляд на предназначение своих стран. Марксизм-ленинизм, жестоко пострадавший в результате «предательства русских» и ликвидации коммунистической системы в Европе, должен возродиться — на сей раз в Латинской Америке. И уж теперь-то не России суждено стать маяком революционной борьбы. Куба и Венесуэла, сжав кулаки, под звуки Интернационала с элементами латиноамериканской сальсы займут место догорбачёвского СССР как главного защитника униженных и оскорбленных.

Но на этот раз стратегия борьбы в корне отличалась от марксистско-ленинской. Теперь, вопреки духу классовой борьбы, ра-

бочим и трудовому крестьянству уже незачем было разрушать капиталистическую экономику и провозглашать бессрочную забастовку, чтобы покончить с буржуазным государством. Также отсутствовала необходимость переиздавать труды Мао, Кастро и Че Гевары о сельской герилье, которая начинает восстание в отдаленных районах той или иной страны и постепенно захватывает большие города.

Новый метод решения проблемы Уго Чавес продемонстрировал в декабре 1998 года. Его смысл состоял в проведении демократических выборов, которые обеспечили стране новую Конституцию. После этого каудильо, ставший президентом, спокойно приступил к разрушению строительных лесов, возведенных республиканской буржуазией, и поставил под свой контроль абсолютно все политические институты. Одновременно армия кубинских врачей и санитаров, чей труд был оплачен в нефтедолларах, оказывала бесплатные услуги венесуэльцам в духе «социализма XXI века», отмеченного состраданием ко всем обездоленным.

Очень скоро, в конце 2005-го, Кастро и Чавес одержали первую победу на антиимпериалистическом фронте: в Боливии пришел к власти их единомышленник Эво Моралес. Правда, в июне 2006-го наступление левых «споткнулось» о поражение бывшего путчиста Ольянты Умалы, который проиграл Алану Гарсии на выборах в Перу, в июле мексиканский консерватор Фелипе Кальдерон одержал победу над ставленником левых Лопесом Обрадором. Тем не менее фиеста продолжается. Латиноамериканские левые под чутким руководством кубинских спецслужб аплодируют Кастро, Чавесу и Моралесу, собравшимся за столом политического покера, — трем помещанским на «последнем и решительном бое».

СИЛА И СЛАБОСТЬ НОВОГО АЛЬЯНСА

«Брак» между Кастро и Чавесом дорого обходится венесуэльцам. На остров ежедневно закачивается сто тысяч баррелей нефти, за которую Куба никогда не заплатит, так же как не платила Советскому Союзу, плюс поступают кредиты приблизительно в полмиллиарда долларов в год в счет импорта американского продовольствия. Венесуэла не только выступает вместо СССР в роли авангарда революционной борьбы, но и взяла на себя роль кредитора фатально неэффективного кубинского режима, выживание которого всецело зависит от поддержки зарубежных доноров.

По всем опросам общественного мнения, в том числе и среди сторонников президента, венесуэльцев раздражает чрезмерная щедрость Чавеса. Они задаются вопросом: неужели столь уж необходимо оплачивать значительную часть расходов зарубежного правительства только ради того, чтобы поддержать на плаву абсолютно неэффективный режим? Прилично ли дарить миллионы, когда 70 % населения самой Венесуэлы прозябает в нищете? Вдобавок многих венесуэльцев возмущают самоуверенность кубинских советников и дипломатов, их слишком частое появление в средствах массовой информации страны.

Парадоксально, но и на самой Кубе мало кто проявляет энтузиазм по поводу соглашения между Кастро и Чавесом. Многим кубинцам не нравится принудительная эмиграция тысяч хирургов и дантистов в Венесуэлу. Они не в восторге и от нашествия тысяч венесуэльских пациентов, получающих на Кубе более качественную по сравнению с их местными условиями медицинскую помощь. Ведь не секрет, что кубинские больницы зачастую не имеют лекарств, необходимого оборудования и даже постельных принадлежностей.

Но недовольство испытывают не только простые люди. В декабре 2005 года заместитель председателя Госсовета Кубы Карлос Лахе заявил в Каракасе, что у Кубы есть два президента — Фидель Кастро и Уго Чавес. Многим в высшем эшелоне кубинской иерархии это резануло слух. Ведь даже приближенные команданте про себя считают Чавеса выскочкой, которому не стоит доверять.

Кроме Фиделя, на всех остальных высокопоставленных чиновников это заявление подействовало, словно ушат холодной воды. И в первых рядах среди них — официальный преемник нынешнего лидера — его младший брат 75-летний министр обороны Кубы генерал Рауль Кастро. У него совершенно иные взгляды на то, кто будет управлять страной после Фиделя. Точно так же, как и у его зятя подполковника Луиса Альберто Родригеса, генералов Хулио Касаса Регейро и Абелардо Коломе Ибарры. Они намерены сделать всё, чтобы после смерти Фиделя Кастро вся власть в стране перешла под эгиду вооруженных сил. И лишь затем, возможно, приступить к выполнению уже намеченной программы а-ля Китай или а-ля Вьетнам, цель которой — добиться повышения экономической эффективности и роста благосостояния. Вполне вероятно, что они похоронят проекты «мирового пожара», который унес столько жизней и сил кубинцев в первые три десятилетия ре-

волюции. Сохранение пакта Кастро — Чавеса им отнюдь не выгодно. Такой альянс способен лишь возродить смуту 60—70-х прошлого столетия, когда Фидель бросил десятки тысяч солдат и все экономические ресурсы страны на установление своего влияния в Анголе, Сомали, Эфиопии, Никарагуа, Боливии.

ЛИДЕРЫ УМИРАЮТ, ПАРТИЯ БЕССМЕРТНА

В июне 2006 года Рауль Кастро выступил перед командным составом Западной армии — одной из трех армий вооруженных сил страны. На нем был его обычный военный мундир, а сверху бронезилет, что является довольно странным элементом экипировки, если говорить о встрече с товарищами по оружию. Коснувшись главной темы — кому будет доверено принять знамя революции из рук Фиделя, Рауль выразил убеждение, что никто не сможет полностью унаследовать авторитет Верховного главнокомандующего. С этой задачей, заявил министр, под силу справиться лишь Коммунистической партии Кубы.

Это было равносильно началу исторического эксперимента. Компартия всегда служила Кастро лишь инструментом, необходимым для утверждения его волюнтаристских решений. Он никогда и ни с кем не советовался — ни при размещении на Кубе советских ракет с ядерными боеголовками, ни в 1970-е, когда начинал затяжные войны в Африке, ни тогда, когда предпринял атаку на перестройку Горбачёва и пошел на разрыв с Советским Союзом.

В результате коммунистическая партия как правящая сила не пользуется у кубинцев никаким авторитетом. Ее руководящие кадры не отличаются ни интеллектом, ни профессиональной подготовкой, а большинство рядовых членов испытывают к партийным делам абсолютную апатию. После 1997 года Фидель не созвал ни одного съезда компартии. В то же время из Центрального комитета и Политбюро исключены два самых способных руководителя — бывший министр иностранных дел Роберто Робайна, а также самый молодой из кубинских руководителей и один из немногих темнокожих в правительстве Хуан Карлос Робинсон. Последнего после изгнания без всякого объяснения товарищам по партии приговорили к 12 годам тюремного заключения.

Но отсутствие эффективности и авторитета в народе — не единственная из проблем компартии. В течение всего пребывания у власти Фидель Кастро руководил страной в атмосфере бесконечных внутренних и международных конфликтов, большинство из кото-

рых он сам же и провоцировал. Для старого команданте быть лидером означает постоянно вести жесткую полемику и драться. Список его врагов возглавляют Соединенные Штаты, но в него периодически попадали также Россия, Китай, Организация американских государств, ООН, МВФ, Всемирный банк, католическая церковь, премьер-министр Испании Хосе Мария Аснар, панамский лидер Мирейя Москосо, мексиканский президент Висенте Фокс и сальвадорский руководитель Франсиско Флорес.

Сценарий, по которому разворачиваются его атаки, всегда один и тот же. Сначала Кастро с трибуны разоблачает очередного врага революции, а после этого весь его пропагандистский аппарат мобилизуется на полную дискредитацию жертвы. В конце концов кубинский лидер устраивает гигантскую уличную манифестацию, нацеленную на то, чтобы заклеить врага. Сотни тысяч, а иногда и миллионы людей срывают с мест учебы или работы, и они идут в колоннах, размахивая флажками, выкрикивая лозунги, демонстрируя неистовый революционный энтузиазм.

Улягутся ли митинговые страсти после Фиделя Кастро, сможет ли Рауль либо кто-то другой, кто придет к власти, вывести страну из состояния постоянного революционного взрыва? Как ни парадоксально, сегодня Рауль Кастро самая одинокая и трагическая фигура на острове. После официальной (хотя и временной) передачи полномочий от одного брата другому, страной не управляет ни один из них. Фидель не способен этого делать по болезни, а Рауль не в силах принять ни одного приказа из опасения, что он может вступить в противоречие с волей вождя. Рауль Кастро политически парализован, и в этом единственная причина его молчания после формального прихода к власти. Его не волнует реакция американцев, не интересует мнение собственного народа. Он боится лишь Фиделя, который ни одной минуты в жизни не прекращал его запугивать. За любой ложный шаг команданте, если ему удастся одолеть болезнь, отправит брата в отставку в самой откровенной и унижительной форме.

КУБА ПОСЛЕ КАСТРО

Так или иначе, представляется почти неизбежным, что Кастро, подобно испанскому диктатору Франко, унесет свой режим в могилу. Что дает основание так думать? На Кубе для этого созрели все объективные и субъективные предпосылки. Пользуясь фразеологией классиков марксизма-ленинизма, низы не хотят, а верхи не мо-

гут жить по-старому. В первую очередь это относится к молодому поколению, которое смертельно устало существовать в условиях изоляции, в отсутствие малейшей возможности для роста. Даже самые талантливые из молодых, получившие университетское образование, практически не имеют шанса найти достойную работу, обеспечить свои семьи хотя бы минимальным достатком. Созданный Кастро режим так и не решил за полвека ни одну из проблем, связанных с обеспечением населения продовольствием, жильем, одеждой, транспортом, питьевой водой и электричеством, — он лишь загнал их внутрь.

Крайний пессимизм распространен и среди членов компартии, большинство которых, скорее всего, с облегчением встретят завершение экспериментов по построению тропического варианта сталинизма и будут готовы обсуждать проблемы будущего страны. Этот процесс неизбежно приведет к политической реформе, в реализации которой примет участие и оппозиция. А затем, преодолевая неизбежные трудности, характерные для любого переходного периода, на Кубе установятся и плюралистическая демократия, и экономика, основанная на принципах рынка и частной собственности.

С уходом вождя рассыплется и личная преданность его соратников, значительная часть коммунистов-реформаторов образуют разные политические объединения, существенно отличающиеся от традиционной компартии. Хотя, конечно, всегда будет оставаться небольшой процент ортодоксов, ностальгирующих по прежним временам.

К счастью, большинство демократов из внутренней оппозиции на Кубе предпочитают добиваться перемен мирным путем, не исключая возможности искать союза с той частью правительственного аппарата, которая стремится вывести страну из тоталитарного тупика. Подобные предложения в самом широком смысле содержатся в документе «Проект Варелы» (назван так в честь Феликса Варелы — священника, который боролся за независимость Кубы и был вынужден эмигрировать в первой половине XIX века). С таким проектом выступил инженер Освальдо Пайя Сардиньяс, удостоенный престижных наград, в том числе Сахаровской премии Европейского парламента «За свободу мысли».

Этот политический лидер в течение многих лет ставит вопрос о проведении открытых и свободных выборов, которые гарантировали бы участие в политической жизни и человеческое достоинство самым различным слоям кубинского общества. Пайя, как и другие

здравомыслящие руководители кубинской оппозиции, отдаст себе отчет в том, что изменения в странах Восточной Европы и в Испании после Франко были достигнуты прежде всего благодаря союзу между реформаторами — деятелями бывшего режима и демократической оппозицией. Их соглашение базировалось на двух незыблемых принципах — понимании необходимости изменения системы, которая в историческом плане оказалась совершенно несостоятельной, и провести эти изменения в жизнь демократическим путем, через парламентские выборы, что позволило бы избежать социальных потрясений и насилия.

Что предпримут Соединенные Штаты в этот исторический момент? Безусловно, они будут действовать в интересах своего народа, равно как и кубинской диаспоры в Америке. Последняя представляет собой влиятельное этническое меньшинство, входящее в истеблишмент и представленное на Капитолийском холме несколькими конгрессменами и одним сенатором. Оно также способно заручиться достаточным числом голосов во Флориде, чтобы изменить результаты президентских выборов ту или иную сторону.

Американцы глубоко заинтересованы в двух вещах. Во-первых, в том, чтобы избежать массового неконтролируемого исхода с острова в США. И, во-вторых, чтобы на Кубе установился демократический, экономически состоятельный и стабильный режим, способный обеспечить гражданам порядок и благосостояние. Только это позволит Соединенным Штатам обрести спокойствие за свою карибскую границу. В прошлом Америка поддерживала весьма теплые отношения с такими диктаторами, как Фульхенсио Батиста, который впоследствии открыл дверь повстанцам Кастро, или Анастасио Сомоса, не устоявший перед натиском сандинистов. Сегодня возвращение к прежнему принципу «он, конечно, сукин сын, но это наш сукин сын» уже невозможно.

Вопреки утверждениям официальной пропаганды Кастро, кубинское сообщество в США может сыграть стабилизирующую роль в процессе перехода к демократии. Совершенно несостоятельны заявления о том, что тысячи людей рвутся отомстить или попытаться вернуть свою недвижимость, конфискованную в начале 1960-х. Большинство людей, пострадавших сорок лет назад, уже нет в живых. Их дети или внуки прекрасно устроились в Соединенных Штатах, и у них нет интереса пытаться вернуть полностью разрушенную или переделанную собственность. Уверен, что в первые годы пере-

ходного периода не так-то много иммигрантов решат вернуться на остров, хотя их участие в экономическом и политическом возрождении страны, в налаживании связей между Гаваной и Вашингтоном было бы весьма желательным.

Разумеется, было бы наивно полагать, что переход Кубы к демократии вмиг излечит глубокие моральные и материальные раны. Три поколения кубинцев были вынуждены приспосабливаться к произволу и волюнтаризму, давлению, угрозам и запугиваниям со стороны диктатуры. Как и в других странах, переживших подобного рода трагедию, эта привычка способствовала созданию крайне негативных стереотипов поведения, которые будет нелегко преодолеть. Среди них – взаимное недоверие, постоянная ложь, желание присвоить то, что тебе не принадлежит, патологическое равнодушие к своим гражданским обязанностям и общественному достоянию. Кубинцам потребуется немало времени, чтобы понять: при демократии нужно жить иначе.

Венгерское восстание: было ли поражение неизбежным

Чарльз Гати

*В октябре 2006 года исполняется 50 лет антикоммунистическому восстанию в Венгрии, которое было жестоко подавлено Советской армией. Материал, который мы публикуем, представляет собой отрывок из новой книги американского историка Чарльза Гати. Оно одновременно выйдет на английском и русском языках осенью этого года. Автор, эмигрировавший из Венгрии в ноябре 1956-го, подробно рассматривает обстоятельства тогдашних событий, уделяя особое внимание поведению великих держав. «В данной работе, — пишет он, — я не преследовал цели прославлять храбрость участников восстания или выступить против несправедливости, но пытался прояснить, насколько более успешной могла бы быть революция, если бы мужество сочеталось с **мудростью и осмотрительностью**». Подобный вывод представляется в высшей степени актуальным и сегодня, когда мир переживает очередной период нестабильности и социально-политических потрясений.*

Редакция благодарит руководителя издательских программ Московской школы политических исследований Ю.П. Сенокосова, любезно предоставившего нам рукопись до выхода книги в свет.

Чарльз Гати — профессор Школы современных международных исследований им. Пола Нитце при Университете Джона Гопкинса. Возглавлял делегацию США на первой советско-американской конференции «Место и роль Восточной Европы в разрядке напряженности между Соединенными Штатами и СССР», состоявшейся в Александрии (штат Вирджиния) в июле 1988 года. Данная статья печатается в журнальной редакции и представляет собой выдержки из новой книги *«Failed Illusions. Moscow, Washington, Budapest, and Hungarian Revolt»*. («Обманутые ожидания. Москва, Вашингтон, Будапешт и венгерское восстание 1956 года»). На русском языке книга выходит в издательстве Московской школы политических исследований.

Специалисты, изучающие историю венгерского восстания 1956 года, как правило, утверждают, что его исход отражал баланс сил в холодной войне и, следовательно, являлся предсказуемым и неизбежным. Дескать, и Советский Союз, и Соединенные Штаты опасались непрогнозируемых последствий изменения послевоенного статус-кво. Восстание не могло не потерпеть поражение — и точка!

В 2002-м выдающийся венгерский историк Ксаба Бекеш опубликовал вызвавшую немало споров работу «Могла ли венгерская революция 1956 года увенчаться успехом?». Основываясь на принципах «реальной политики» (*Realpolitik*), Бекеш утверждает, что подвергать сомнению неизбежность поражения венгерского восстания антиисторично. Используя общедоступные и недавно открывшиеся архивные источники, он рассматривает четыре основных внешних фактора, обусловившие ход восстания: Суэцкий кризис, Соединенные Штаты, Организация Объединенных Наций и, разумеется, Советский Союз. По его мнению, Суэц служил для Вашингтона не более чем удобным предлогом. США не изменили бы своей политики в отношении Венгрии и не случись Суэцкого кризиса. ООН находилась в тупике неразрешимых разногласий, и поэтому она была бесполезна. А что касается Кремля, где из всех членов политбюро наибольшую терпимость к венграм проявлял Анастас Микоян (полагавший, будто правительство Имре Надя сможет взять ситуацию под контроль, что, возможно, отменит необходимость вторжения), то ни один советский правитель не мог бы позволить Венгрии «уйти на Запад», не потеряв при этом своего поста.

Следовательно, заключает Бекеш, главную роль в венгерском кризисе сыграли «замороженные» отношения между Москвой и Вашингтоном и логика холодной войны, которая предполагала незыблемость границы, разделявшей Европу на Восточную и Западную, и не могла быть нарушена без того, чтобы между двумя главными антагонистами не разразилась война. Таким образом, восстание было обречено с самого начала. Тот факт, что соперники в холодной войне достигли молчаливого согласия в отношении разделения Европы, не осознавали ни венгры, ни значительная часть американской общественности, которые продолжали верить пустым лозунгам об освобождении, провозглашаемым лицемерными западными политиками и пропагандистами. Бекеш приводит данные социологического опроса февраля 1957-го, согласно которым не менее 96 % (!) находившихся в Австрии венгерских

беженцев ожидали, что Вашингтон в той или иной форме окажет помощь их восставшей родине.

Что же касается излишней горячности самих повстанцев и «подстрекательской» роли радио «Свободная Европа» (РСЕ), то многие авторы полагали, что умерить требования восставших не удалось бы ни венгерскому правительству, ни РСЕ. [...] Дьюла Борбанди, автор обстоятельной и вдумчивой работы по истории венгерской редакции РСЕ, категорически отвергает саму возможность сдерживающего влияния РСЕ на повстанцев в тогдашних обстоятельствах. В течение почти четырех лет управляющие и сотрудники «Свободной Европы» питались громогласной риторикой Вашингтона об освобождении. Более того, после начала восстания они работали в условиях недостатка информации, почти неизвестности. Они искренне верили, что их тяжелая работа во имя венгерского народа наконец начинает приносить плоды.

Так или иначе, считает Бекеш, сложившийся в Европе статус-кво не подлежал изменению, несмотря на все декларации США об освобождении и советские лозунги, провозглашавшие неизбежный триумф социализма. С одной стороны, Вашингтон молчаливо соглашался с существующим порядком, понимая, что Москва не «отпустит» страну, граничащую с нейтральной, но прозападной Австрией и независимой Югославией, и проливал крокодиловы слезы по поводу советской жестокости, не забывая использовать возникшие в этой связи пропагандистские возможности. А с другой — поощрял антикоммунистическую деятельность в Восточной Европе, в то время как Москва финансировала прокоммунистическое движение в Западной Европе. В сложившихся обстоятельствах вряд ли стоило ожидать от повстанцев умеренности: в конце концов, они восстали против одной из стран — участниц холодной войны, в то время как другая манипулировала их страданиями, как если бы они были пешками в великой шахматной партии.

Причина, по которой спустя 13 драматических дней восстание потерпело поражение, не составляет секрета. Оно провалилось, потому что Москва позволила себе пойти на поводу у страха перед потерей сателлитов; потому что Будапешт — сначала повстанцы, а потом и венгерское правительство — преследовал цели, неприемлемые для Кремля; потому что Вашингтон, не будучи готовым оказать действительную помощь, не выдвинул никаких альтернативных предложений и при этом позволил РСЕ пропагандировать невыполнимые за-

дачи. Иными словами, повстанцы насмерть стояли на своем; венгерское правительство оказалось слишком слабым, чтобы добиться взаимоприемлемой сделки с Москвой; Вашингтон ни разу не призвал революционеров к сдержанности, что, надо признаться, было бы мудрым советом, а Кремль решил сокрушить венгров, не видя в них сильного противника.

Все это не означает, что если бы революционеры, венгерское правительство и Соединенные Штаты действовали более изобретательно или осторожно, то Москва уступила бы. Скорее всего, появления пусть даже полусвободной, полунезависимой Венгрии Кремль не допустил бы ни при каких условиях. Но этого мы никогда не узнаем. Известно лишь то, что умеренные подходы не возобладали ни в Будапеште, ни в Вашингтоне, ни, конечно же, в Москве. Бал правили эмоции, но не мудрость. В результате, вместо того чтобы завоевать хотя бы немного простора, как это случилось в Польше, доблестные венгры не получили ничего.

Исход венгерского восстания 1956 года зависел от следующих факторов:

- выбор Кремля между прежними, имперскими инстинктами и новым, не вполне оформившимся постсталинским курсом;
- стойкость повстанцев и их политическое мастерство;
- способность венгерского правительства удовлетворить требования как восставших, так и советского руководства;
- сдерживающее воздействие со стороны Вашингтона.

Что позволило бы убедить Кремль продолжить курс на невмешательство, принятый 30 октября и отвергнутый уже на следующий день? Имелись ли обстоятельства, способные вынудить большинство членов советского политбюро принять сторону Микояна и в течение еще нескольких дней поддерживать попытки Надя восстановить порядок? Могли ли сами венгры каким-то образом повлиять на решение Москвы?

Ответы на эти вопросы ставят под сомнение расхожую истину о неизбежности поражения венгерского восстания.

Первое. Вопреки широко распространенному мнению, Кремль как до, так и после 1956 года вовсе не был склонен проявлять бездумную воинственность в отношениях со странами-сателлитами: порой Москва, стремясь приспособиться к изменившейся реальности, шла на благоразумные, хотя и тактические уступки. В критических обстоятельствах СССР не намеревался терпеть сепаратизм своих

Будапешт, октябрь 1956 г. Премьер-министр Имре Надь с участниками массовых выступлений. Восставшие жгут советскую символику.

мнимых союзников: свидетельством тому — ввод войск в Восточную Германию в 1953-м и в Чехословакию в 1968 году. Но в некоторых случаях Кремль, пусть и неохотно, мирился с отклонениями от «генеральной линии». Так, Советы отказались от планов вторжения в Югославию, Польшу, Албанию и Румынию, несмотря на стойкое сопротивление жестким требованиям Москвы со стороны достаточно независимых коммунистических правительств этих стран.

Процесс десталинизации, начавшийся в СССР в первые месяцы 1956-го, мог означать, что реакция Москвы на события в Венгрии тоже окажется относительно мягкой. Учитывая курс на десталинизацию и примирение с Тито, Кремль имел веские причины отдавать приоритет не «сплоченности блока», а «жизнеспособности режима». То есть проводить политику, способную придать правителям центрально- и восточноевропейских стран хотя бы толику легитимности, с тем чтобы те могли обрести поддержку собственного народа («сплоченность блока», напротив, предполагала, что страны-сателлиты должны следовать в фарватере советской политики).

Второе. Польша всегда имела для Москвы гораздо большее значение, чем Венгрия. Это объяснялось ее нахождением между Германией и Советским Союзом и значительными размерами, славянскими корнями ее народа и историческими связями с Россией; к тому же она

играла роль витрины прославляемых завоеваний социализма. Венгрия же была важна только в контексте «социалистического единства» в регионе. Однако Советская армия вторглась в Венгрию, а не в Польшу.

Дело в том, что советское руководство ставило во главу угла устойчивость власти. Первый секретарь Центрального комитета Польской объединенной рабочей партии Владислав Гомулка точно знал, что он делает. Он крепко держал власть, и его не мучили внутренние противоречия. Поляк и коммунист, он был другом Советского Союза, но не марионеткой Кремля. После того как прежние правители Польши, в первую очередь Эдвард Охаб, уступили ему главенство в стране, а католическая церковь и РСЕ одобрили его курс на «националистический коммунизм», власть Гомулки — несмотря на его коммунистические убеждения — получила поддержку народа. Хрущёв хорошо понимал и ценил нового лидера Польши. Вот почему, несмотря на их первоначальный конфликт, советский и польский руководители пришли к взаимопониманию и впоследствии часто консультировались между собой. Хрущёв хотел, чтобы Гомулка нашел политическое решение польского кризиса, и верил, что тот на это способен.

Хрущёв ожидал, что и в Венгрии Надь скорейшим образом возьмет в свои руки всю полноту власти и удержит ситуацию под контролем. Вести, доходившие до Хрущёва в первые дни восстания, внушали опасения, однако затем последовало относительное затишье и советское политбюро решило вывести войска из Будапешта. Увы, Надь не обладал решительностью Гомулки. В течение первых пяти дней Надь, казалось, пребывал в состоянии совершенной растерянности и неохотно поддержал советскую интервенцию против контрреволюционных, с точки зрения коммуниста, элементов. Затем (опять-таки неохотно) он перешел на сторону восставших, но не смог предотвратить массовое убийство партийных работников и агентов тайной полиции на площади Республики 30 октября. Хрущёв да и все остальные члены политической верхушки за исключением Микояна не могли смириться с произошедшим.

Конечно, были и другие факторы, обусловившие внезапный поворот кремлевского курса, но глубоко укорененный в российской политической культуре *страх перед беспорядками* сыграл, видимо, решающую роль. Если бы Надю удалось предотвратить зверства на площади Республики и выставить себя решительным, твердым, расчетливым, хотя и независимо мыслящим коммунистом, Хрущёв, весьма вероятно, увидел бы в нем второго Гомулку и дал ему возможность са-

мостоятельно навести порядок в стране. Но в глазах советских эмиссаров Надя был измученным, сомневающимся человеком.

Третье. 30 октября советское политбюро единодушно постановило: оно *против* военного вмешательства в венгерские дела. Хрущёв явно не желал рисковать курсом на внутреннюю десталинизацию и возможностью разрядки во внешней политике ради укрепления «сталинистской» стабильности в одной из беспокойных провинций империи. Интригующий вопрос, однако, в том, почему он и его коллеги в конечном итоге передумали и сделали ставку на «сплоченность блока», а не на «жизнеспособность режима». Ведь к 30 октября венгры по обе стороны баррикад в основном разрешили существовавшие противоречия, подтвердили объединявшую многих веру в социалистические ценности, а в стране наступил период относительного затишья.

Одна из возможных причин, объясняющих, почему Кремль переменял решение на диаметрально противоположное, состояла в ухудшившихся отношениях между Анастасом Микояном и Михаилом Сусловым, курсировавшими во время кризиса между Москвой и Будапештом. По советским стандартам Микоян был умеренным антисталинистом, а Суслов — догматичным сторонником жесткой линии. До последних дней восстания они успешно сотрудничали друг с другом, причем оба предпочитали опираться на Надю, а не на советские войска. Однако 30 октября их пути разошлись. В этот день Микоян сказал заместителю Надя Золтану Тильди, что Кремль одобрил формирование в Венгрии многопартийной политической системы. Однако он действовал от своего лица. Советское политбюро не санкционировало этот шаг, а Суслов, который, вероятно, перестал в тот роковой день верить в способность Надя обеспечить социалистическое будущее Венгрии в рамках советского блока, уже не был «вторым я» Микояна. Когда 31 октября эмиссары летели в Москву, политбюро, несмотря на возражения Микояна, проголосовало за интервенцию.

Микоян и Суслов находились в Будапеште, когда на площади Республики убивали коммунистов. Они были там, когда венгерское правительство начало после беседы Микояна с Тильди готовиться к введению в стране многопартийной системы западного образца. В тот же день — 30 октября — Микоян и Суслов встретились с Надем и нашли его другим человеком. Этот некогда «московский» премьер-министр превратился в венгерского патриота и революционера. И хотя он все же остался марксистом и ленинцем, Суслову, который ожидал полного послушания, этого было недостаточно. Нам

неизвестно, когда и как он сообщил в Москву, что не согласен с Микояном, однако из записей совещаний в Кремле очевидно, что Суслов не возражал против отказа от идеи невмешательства.

Возможно, к тому времени Хрущёв, предчувствуя политические проблемы и не желая рисковать потерей поддержки со стороны коллег, предпочел равняться на Суслова, который ранее всегда поддерживал все хрущёвские решения в отношении Венгрии, а также на посла Андропова и главу КГБ Серова, а не прислушиваться к советам своего самого верного товарища и сторонника Микояна.

Нечаянно превратившись в революционера, Надь не сумел предотвратить внезапный всплеск насилия 30 октября, и это стало главной причиной, по которой он лишился доверия Москвы. В принятии решения о подавлении революции известную роль сыграл и Китай, негласно поддержавший вердикт Хрущёва. Высокопоставленная китайская делегация, прибывшая в то время в Москву, поначалу стремилась убедить Кремль не вмешиваться в польские и венгерские дела, несомненно опасаясь утраты собственной независимости от постсталинского политбюро. Однако ужас перед народной яростью пересилил иные соображения, и Китай проявил солидарность с Москвой.

Окончательное решение Советов о вторжении было, таким образом, вызвано всплеском насилия на площади Республики, перспективой укрепления союза между правительством Надя и повстанцами, решением о восстановлении в Венгрии многопартийной системы, принятым венгерским правительством утром 30 октября после беседы с Микояном, всего за 16 или 18 часов до изменения Москвой своего решения, а также страхом Кремля перед возможностью роста беспорядков в странах советского блока. Предотвращение кровопролития на площади Республики и неприятие Надем требований восставших отказаться от однопартийного правления позволили бы Москве придерживаться поистине исторического решения, принятого 30 октября, то есть постсталинского подхода к советским сателлитам в Центральной и Восточной Европе.

Если не отличавшиеся политической искушенностью венгерские повстанцы преподали миру урок доблести, то венгерское правительство, столкнувшееся с двуличностью Кремля и угрозой военного вторжения, в последние дни восстания почти не имело пространства для маневров.

Что могло дать венгерским лидерам шансы на победу? Во-первых, следовало всячески избегать участия в кровавых бесчинствах —

в особенности 30 октября, на площади Республики. Во-вторых, не стоило ждать пять судьбоносных дней, прежде чем примкнуть к восставшим; приняв же в конце концов сторону революции, правительство должно было убедить повстанцев смягчить свои требования и отложить осуществление революционных планов.

То, что движение за реформирование системы превратилось в восстание против нее, — исключительная особенность венгерской революции. Студенты, а также вставшие рядом с ними молодые рабочие и солдаты верили в социалистические идеалы; они также верили в независимую Венгрию. Первоначальные требования восставших, выдвинутые 23 октября, вполне соотносились с политической действительностью в Югославии Тито, а поэтому их трансляция по радио «Кошут» не представляла угрозы коммунистическому режиму.

Первая возможность «титоистской» развязки была упущена в тот день, когда «Кошут» отказалось передать требования студентов в эфир и таким образом еще больше разогрело революционный пыл молодежи. Вторая — когда Надь не заявил публично о своих глубоких разногласиях с руководителем компартии Герё и его приспешниками. Еще одна ошибка состояла в том, что никто из коалиционного правительства, за исключением генерала Пала Малетера, не вышел к повстанцам с призывом умерить требования и отказаться от прямых оскорблений в адрес Советов. В своих многочисленных речах Надь ни разу не призвал к спокойствию. Он мог бы объяснить, что храбрость без рассудительности равнозначна ребяческому романтизму и что Венгрия нуждается не только в отваге, чтобы избавиться от угнетателей, но и в осторожности, которая вынудит последних отступить не применяя оружия.

Свою относительную бездеятельность на первой стадии восстания Надь пытался компенсировать в течение его третьего этапа. Он полностью встал на сторону восставших, поддержав даже самые радикальные требования. Между тем, будучи опытным 60-летним политиком, он должен был осознавать, что в политике есть время идти вперед и время отступать, время прислушиваться к зову сердца и время действовать с холодной головой. И прежде всего время, когда приходится идти на компромисс. Для такой маленькой страны, как Венгрия, частичная победа — это *большая* победа. Если бы с первого дня революции Надь, ведя корабль революции *между* надеждами повстанцев и опасениями Кремля, стремился к тому, что уже получила Польша Гомулки или Юго-

славия Тито, то первоначальные — реформистские, социалистические — цели восстания могли бы быть достигнуты.

Человек большого личного обаяния и одновременно природного упрямства, Имре Надь являлся в известном смысле производным и от коммунистической идеологии, и от венгерского романтизма — учений, делящих мир на хорошее и дурное, правое и неправое. Обладая энциклопедическими познаниями в области венгерской истории, он любил цитировать близких ему по духу поэтов или государственных деятелей. Похоже, что герои и мученики импонировали ему больше, чем рассудительные, мудрые политики. Люди, подобные Шандору Петефи — поэту и герою венгерского восстания 1848–1849 годов против иноземного ига, впечатляли его гораздо больше, нежели, к примеру, Ференц Деак. Последний в 1867-м добился компромисса с Австрией, его оппортунистическая политика не принесла Венгрии полной независимости, но сыграла ключевую роль в экономическом подъеме страны и в удивительном архитектурном ренессансе.

Опыт и склад политического мышления Надя не подготовили его к роли вождя революции, который бы добился в 1956 году Великого компромисса. Его одинокие попытки реформировать сталинистскую систему в бытность председателем правительства в 1953–1955 годах, его честность и благонамеренность в 1956-м и его беспредельное мужество и мученичество в 1957–1958 годах не должны затенять его политическую слабость в дни восстания. В конечном итоге ему не удалось убедить московских властителей и будапештских повстанцев довольствоваться малой победой.

Что касается политики США в отношении Венгрии, то ее характеризовало главным образом лицемерие. Оно проявлялось не только в отсутствии конкретных действий на фоне официальной риторики «освобождения», но и в противоречии между тайными решениями и неспособностью или нежеланием проводить их в жизнь. Непостижимая с точки зрения политического анализа правда состоит в том, что, декларируя намерение заставить коммунистов отступить, правительство США ввело в заблуждение остальной мир и обмануло само себя. Американские должностные лица — от президента Эйзенхауэра до Фрэнка Уиснера в ЦРУ и Уильяма Гриффита на радио «Свободная Европа» — были искренне удивлены и глубоко разочарованы тем, что их слова надежды не принесли венграм свободу. Похоже, они испытывали чрезмерную, почти религиозную веру в могущество слов.

В этом смысле они являлись подлинными идеалистами, жертвами собственных иллюзий. Другие же чиновники были попросту циничны. Вице-президент Ричард Никсон, не считая возможную советскую интервенцию «однозначным злом» (поскольку она позволит США эксплуатировать тему жестокости Кремля), впоследствии встречался с венгерскими беженцами в Австрии, в Кэмп-Килмере и штате Нью-Джерси. Возможно, он исходил из высших политических интересов: его заботил вопрос об освобождении Конгресса от демократов.

В целом в своей венгерской политике Соединенные Штаты допустили в 1950-х годах три серьезные ошибки.

Во-первых, идея достижения умеренных целей не получила должную политическую поддержку в Вашингтоне. В дни восстания радио «Свободная Европа» по прямому указанию из штаб-квартиры в Нью-Йорке и от Вашингтонских чиновников из Госдепартамента и ЦРУ призывало венгерских слушателей не отступать от радикальных требований и даже давало советы по изготовлению оружия для борьбы с советскими оккупантами. Если РСЕ и не «подстрекало» венгров к вооруженной борьбе, оно, безусловно, «поощряло» их максималистские притязания.

Во-вторых, Соединенные Штаты едва ли замечали Надя и уж точно не испытывали к нему приязни. Не желая признавать незаурядность и подлинную популярность этого «москвича», Вашингтон и Мюнхен считали его просто еще одним коммунистом, не лучшим и не худшим из них. Вашингтон и Мюнхен не хотели думать о возможном единстве в среде коммунистических сторонников Надя и понять суть «полицентризма», начавшего развиваться в социалистическом лагере с появлением Югославии Тито.

В-третьих, американская администрация не выступила во время восстания ни с одной дипломатической инициативой, которая могла бы привлечь внимание Кремля и по крайней мере отсрочить поражение. Зато госсекретарь Джон Фостер Даллес поспешил 27 октября заверить Хрущёва в том, что Вашингтон не заинтересован в Венгрии как в возможном военном союзнике. Даже когда 1 ноября мировая пресса сообщила о начале второго и последнего советского вторжения в Венгрию, Соединенные Штаты не выступили с рекомендацией о поездке в Будапешт, например, Генерального секретаря ООН, который своим присутствием мог бы попытаться сдержать или отсрочить интервенцию. Администрация президента США не предложила обсудить обоюдное сокращение вооруженных сил в Европе или вывод амери-

канских войск из небольшой западноевропейской страны в обмен на вывод Советской армии из Венгрии. Вашингтон упустил всякую возможность сохранить верность венграм – и предал самого себя.

Слишком многие представители советской политической элиты питали иллюзии в отношении возможности построения жизнеспособного государства на основе принуждения, а не убеждения. Слишком многим венграм казалось, будто их отважное восстание способно заставить Советский Союз отступить. Слишком многие американцы надеялись, что их громогласная риторика отведет руку Москвы. Чересчур многие венгры и американцы верили в победу только потому, что были убеждены в собственной правоте.

Действенное противоядие от подобных иллюзий следует искать в зрелости и готовности к постепенным переменам. Если бы главные действующие лица в венгерской драме 1956-го не ставили недостижимых целей, исход восстания мог быть совсем иным. Если бы Соединенные Штаты убедили венгров проявить сдержанность и умерить свои требования, то принятое Кремлем решение о невмешательстве не изменилось бы на прямо противоположное уже через сутки.

В США подавление венгерской революции вызвало негодование и было воспринято как откат в отношениях с советским блоком, однако поражение восстания создало и новые политические возможности. Те, кто ожидал от постсталинского Кремля более либеральной политики, были разочарованы. Иные, пользуясь случаем, стремились доказать всем вокруг, насколько ужасной и дьявольски коварной была Москва. Третьи, возможно пытаясь компенсировать бездействие Вашингтона, стали помогать беженцам.

Непосредственно после венгерского кризиса в политических кругах Соединенных Штатов было модно заниматься кабинетной стратегией. Известный кремленолог Ричард Лёвенталь убедительно писал в *The New Republic*, что Запад «мог бы сделать потерю сателлитов в Восточной Европе более приемлемой для России, если бы уход Советской армии из Восточной Европы сопровождался выводом американских войск из Западной Европы... В ситуации, когда советская коммунистическая система в Восточной Европе трещала по швам, предложение американцев о выводе войск [из Западной Европы] при условии полного освобождения Восточной Европы [Советами] могло бы кардинально изменить обстановку в регионе. ...Подобное предложение могло бы внести в расчеты советских правителей новое измерение и побудить их отступить».

В 1961 году, экстраполируя венгерский опыт на общую концепцию новой политики в отношении Восточной Европы, Збигнев Бжезинский, тогда преподаватель Колумбийского университета, и Уильям Гриффит, бывший политический директор радио «Свободная Европа», опубликовали совместную статью в журнале *Foreign Affairs*. Извлекая уроки из венгерского кризиса, авторы исходили из предпосылки, что «освобождение» Восточной Европы в обозримом будущем — химера и, следовательно, Соединенным Штатам следует стремиться к достижению реалистичных целей. Обозначенные ими цели включали стимулирование многообразия в странах коммунистического блока (*обратите внимание*: не демократии, а многообразия); содействие получению ими большей независимости от Москвы (*обратите внимание*: не полному освобождению, а получению большей независимости); создание пояса нейтральных государств, подобных Финляндии, которые пользовались бы свободой во внутривнутриполитических делах, не вступая в западные альянсы (*обратите внимание*: свободных во внутренней, а не во внешней политике).

Выступая за принятие умеренного курса, балансирующего между желаемым и возможным, авторы статьи считали, что некоторые конкретные шаги США, такие, как либерализация торговых соглашений и расширение программ образовательного обмена, смогут в течение лет привести к эффективным, хотя и ограниченным уступкам со стороны правительств стран-сателлитов Советского Союза.

По мере того как администрация Кеннеди начала проводить эти и подобные идеи в жизнь, политика США в отношении Восточной Европы стала более прагматичной: фундаменталистская риторика «освобождения» 1950-х отошла в прошлое. После венгерской трагедии Вашингтон осознал, что внешняя политика должна строиться не только на вдохновляющих словах, но и на мудрости и искусстве маневра. Сделав выбор в пользу тактики содействия эволюционным изменениям, Соединенные Штаты выработали умеренный внешнеполитический курс, который с течением времени принес плоды и помог восточноевропейским странам обрести подлинную независимость. Как жаль, что столь много людей в Венгрии и других странах коммунистического блока утратили доверие к Америке и пострадали из-за своих иллюзий прежде, чем Вашингтон понял, как именно он может содействовать преобразованиям в Центральной и Восточной Европе.

Лидерство в преобразованиях и национальная стратегия США

Джозеф Най-младший

ЧТО ОСТАЕТСЯ ЗА КАДРОМ?

Джордж Буш-младший любит прихвастнуть, что ему не пристало «размениваться на пустяки». *The Economist* пишет, что Буш «одержим идеей войти в историю как президент-“реформатор”»: не просто хранитель статус-кво, подобно Биллу Клинтону, а человек, способный изменить ход истории». Но под силу ли ему это?

Ставка президента на то, чтобы оставить после себя наследие глубоких преобразований, базируется на трех крупных изменениях, которые он внес в национальную стратегию США после терактов 11 сентября 2001 года. Речь идет об ослаблении зависимости Вашингтона от постоянно действующих альянсов и международных организаций, расширении традиционного права упреждения до уровня новой доктрины превентивной войны и, наконец, пропаганде принудительной демократизации в качестве ответа на проблему ближневосточного терроризма. Данные нововведения, закрепленные в Стратегии национальной безопасности-2002, многие в свое время восприняли как революционные. Британский журналист Филип Стивенс, например, писал в марте 2003-го, что он словно «присутствует при разрушении» международного порядка, созданного за полвека до этого Гарри Трумэном.

В данном случае преобразование — это нечто большее, чем обычная адаптация; оно подразумевает коренную трансформацию

Джозеф Най-младший — заслуженный профессор Гарвардского университета. Его последние книги — «*Soft Power: The Means to Success in World Politics*» («Мягкая сила: средство добиться успеха в мировой политике») и «*The Power Game: A Washington Novel*» («Силовая игра: вашингтонская повесть»). Данная статья опубликована в журнале *Foreign Affairs*, № 4 (июль — август) за 2006 год. © *Council on Foreign Relations, Inc.*

Вудро Вильсон вступил в войну с Германией!
Добровольческая рота из служащих гостиницы «Бильтмор» в Нью-Йорке, 1917 г.
Журнал «Новое время», 1917 г.

национальной стратегии Соединенных Штатов. После вторжения США в Ирак и провала попыток найти там оружие массового уничтожения (ОМУ) либо доказать наличие связи между Саддамом Хусейном и терактами 11 сентября две из трех основ политики Буша пошатнулись. Как следствие, Джордж Буш все больше внимания стал уделять той стороне его большой стратегии, которая касалась демократизации. В тексте Стратегии национальной безопасности-2006 слова «демократия» и «свобода» упоминаются более 200 раз (втрое чаще, чем в соответствующем документе-2002). Меньше говорится о превентивной войне, и даже содержится новая глава, посвященная глобализации (которую Буш однажды в частной беседе презрительно назвал «бесхребетным клинтонизмом»). Сдвиг произошел не только на словах: дипломатия в отношении Северной Кореи и Ирана носит сегодня куда более многосторонний характер, чем в период первого президентства.

Высокопоставленные правительственные чиновники уверены, что предложенная Бушем агрессивная демократизация окажется успешной и следующему президенту придется в целом придерживаться новой бушевской стратегии. В январе текущего года вице-президент США Дик Чейни выразил эту уверенность. Он высказал предположение, что пройдет каких-нибудь десять лет и будущие эксперты, «обратив свой взор на сегодняшний день, поймут, что предоставление свободы 50 миллионам афганцев и иракцев на са-

мом деле указывает на важнейший, фундаментальный сдвиг в политике Соединенных Штатов. Речь идет о нашей способности устранив возникшую террористическую угрозу и радикально изменить обстановку в этой части мира». Однако при анализе лидерства, а также усилий предыдущих президентов по преобразованию национальной стратегии США, возникает сомнение в том, что история оказалась столь благосклонной к Бушу.

ВЕК ПРЕОБРАЗОВАНИЙ

В XIX веке национальная стратегия Вашингтона не отличалась сложностью, а средства ее осуществления по большей части являлись односторонними: избегать втягивания в борьбу за изменение европейского баланса сил, сохранять доминирующее положение в Западном полушарии и держать открытыми двери для торговли в Азии. Однако на заре XX столетия Соединенные Штаты уже превосходили по промышленному развитию Германию и Великобританию, а транспортная революция значительно сократила расстояние между Новым и Старым Светом. Под давлением этих обстоятельств в течение ста лет шестеро из американских президентов попытались внести серьезные изменения в национальную стратегию США.

Возглавив администрацию в 1897 году, Уильям Мак-Кинли выступал как президент, соблюдающий статус-кво, но после окончания испано-американской войны (1898) он на короткое время поддавался соблазну колониальной экспансии, благодаря чему Соединенные Штаты приобрели остров Гуам, Филиппины и Пуэрто-Рико. Однако мода на колониализм продержалась недолго: население и Конгресс решительно воспротивились проведению подобной политики после начала дорогостоящей партизанской войны на Филиппинах в 1899-м.

Преемник Мак-Кинли, Теодор Рузвельт, попытался преобразовать внешнюю политику Соединенных Штатов в соответствии с их новым местом на мировой арене. Он делал это, сочетая жесткую силу (расширение ВМФ США, проведение в жизнь доктрины Монро) и мягкую силу (посредничество в спорах между великими державами, содействие в вопросе создания Постоянной палаты третейского суда в Гааге). Рузвельт добился поддержки со стороны Конгресса в своих усилиях по укреплению американской гегемонии в Западном полушарии (строительство Панамского канала, проталкивание поправки Плата, наделявшей Вашингтон

предпочтительным правом диктовать свои условия Кубе по поводу статуса Гаваны, а также вмешательство во внутренние дела Доминиканской Республики). Однако он не смог преодолеть закоренелую подозрительность Конгресса и населения Америки к политике баланса сил как таковой. В результате его преобразовательная политика оказалась недееспособной.

Вудро Вильсон, следующий президент, попытавшийся реформировать национальную стратегию США, вступил в должность с твердым намерением целиком сосредоточиться на вопросах внутренней политики. Первые годы он старался избегать вовлечения Соединенных Штатов в мировой конфликт и даже добился своего переизбрания в 1916 году на платформе сохранения мира. Однако неограниченная подводная война, начатая Германией, побудила Вильсона вступить в конфликт в 1917-м, что привело его к идее преобразования мировой политики путем распространения демократии и создания новых международных институтов. Однако устремления Вильсона превышали его возможности, и в 1920–1930-е годы произошел видимый отказ от вильсонизма и возвращение к более типичному для Америки традиционному дистанцированию страны от европейского баланса сил.

Франклин Делано Рузвельт был четвертым президентом США в XX веке, который стремился внести принципиальные изменения в национальную стратегию, и, как утверждает историк Джон Льюис Гэддис, первым, кому это удалось. После имевших переменный успех попыток объяснить американцам, какую угрозу представлял собой Гитлер для международной безопасности, Рузвельт использовал факт нападения японцев на Пёрл-Харбор, чтобы перевести Соединенные Штаты на рельсы мультилатерализма. Он избавился от изоляционизма и унилатерализма и привязал идеалы Вильсона к прагматическому видению послевоенного мира. Мягкую силу своих «четырёх свобод» (свобода слова, вероисповедания, свобода от нужды и страха), включенных в Атлантическую хартию, Рузвельт сочетал с жесткой силой четырех (позднее пяти) жандармов Совета Безопасности ООН. Он также заложил фундамент глобальной экономической стабильности, оказав помощь в создании Всемирного банка и Международного валютного фонда в Бреттон-Вудсе. Рузвельт со знанием дела сочетал действие мягкой и жесткой силы, а его видение послевоенного мира обнаруживает, как сказал Гэддис, глубокое понимание того, что «власть гораздо легче сохранить, когда она осно-

вана на согласии, а не на принуждении». В отличие от Вильсона Рузвельт никогда не пренебрегал «необходимостью удерживать заявленные интересы в пределах реальных возможностей».

В общих чертах стратегия Рузвельта оставалась в силе на протяжении более полувека, поскольку сменивший его на посту президента Гарри Трумэн использовал некоторые ее аспекты при формировании собственной политики преобразований в послевоенный период. Отправляясь от стратегии Рузвельта, Трумэн дополнил ее такими нововведениями, как сдерживание и постоянные альянсы. Подобного рода кризисы, как установление Советской власти в Чехословакии и война в Корее, помогли Трумэну преодолеть сопротивление изоляционистов. Последующие президенты эпохи холодной войны работали в заданных Рузвельтом и Трумэном рамках, внося добавочные изменения: Ричард Никсон тяготел к Китаю, Джимми Картер уделял особое внимание правам человека, а Рональд Рейган отвергал разрядку. Даже успешная внешняя политика Джорджа Буша-старшего, срок президентства которого пришелся на окончание холодной войны, — результат скорее блестящей интуиции и умения овладеть стремительно меняющейся ситуацией, чем попытки изменить мир.

Джордж Буш-младший начал свое президентство как традиционный реалист, мало интересующийся внешней политикой. Его амбиции по приданию национальной стратегии США новой формы получили свое развитие только после 11 сентября. Как утверждает Гэддис, обретающая очертания доктрина Буша — это «Фукуяма плюс сила» (видимо, имеется в виду «реалистический вильсонизм» Фукуямы. — **Ред.**); она предназначена для повсеместного искоренения терроризма путем распространения демократии. Афганистан стал первой очевидной мишенью для этой политики, а «Ирак оказался наиболее подходящим местом для нанесения следующего удара». События 11 сентября позволили политике Буша получить общественную поддержку. По настоянию президента Конгресс принял резолюцию, одобрявшую использование силы в Ираке. Наконец, ему удалось добиться своего переизбрания на второй срок в 2004 году. Однако поддержка населения и Конгресса пошла на убыль после того, как основной повод для военного вмешательства — стремление Саддама заполучить ОМУ — оказался несостоятельным, а оккупация Ирака превратилась в затяжное и дорогостоящее предприятие.

СТИМУЛ И РЕАКЦИЯ

При обзоре всех этих усилий по внесению изменений в национальную стратегию обращает на себя внимание тот факт, что только попытки Франклина Рузвельта и Гарри Трумэна выдержали испытание временем (в случае с Джорджем Бушем-младшим вердикт еще не вынесен). Учитывая уровень проблем, с которыми сопряжено внешнеполитическое лидерство, это не должно удивлять. Президенты часто предпочитают относительную свободу, которой они пользуются во внешней политике, гнетущей неудовлетворенности результатами политики внутренней, но и за рубежом они едва ли полностью независимы.

Двигаясь по пути преобразований, президент сталкивается со множеством препятствий. Выстраивая политическую линию, он должен внутренне ощущать направление и темп развития событий, проявлять изобретательность, предлагать приемлемые и осуществимые стратегии, уметь добиваться поддержки со стороны различных аудиторий дома и за рубежом, устанавливать четкие пропорции при использовании мягкой и жесткой силы. Более того, хотя президент и имеет возможность самостоятельно проявлять инициативу, но большинство внешнеполитических проектов терпят неудачу, лишившись одобрения в Конгрессе. Даже политика Трумэна по сдерживанию Советского Союза не получала окончательного признания до тех пор, пока сенатор-республиканец Артур Ванденберг «не организовал» ее межпартийную поддержку в Капитолии.

Освободить президента от оков различных групп влияния и бюрократической инерции, как правило, способен какой-нибудь кризис — торпедирование Германией американских кораблей в 1917-м, бомбежка Японией Пёрл-Харбора в 1941-м, теракты «Аль-Каиды» в 2001 году. В отсутствие кризиса никакие другие, даже значительные, угрозы обычно недостаточны, чтобы всколыхнуть население и Конгресс и настроить их благожелательно по отношению к активной внешней политике президента. Несмотря на очевидное усиление Германии накануне вступления Соединенных Штатов в мировые войны, американское население колебалось, поддержать или нет использование силы, пока дело не дошло до прямой угрозы. Когда такой угрозы нет, задача еще более усложняется, и в этом основная причина, по которой все разговоры Клинтона о расширении демократии и сближении со странами, идущими по этому пути, так никогда и не воплотились в полити-

ку преобразований. Для многих президентов, таких, к примеру, как Вильсон, Франклин Рузвельт (до 1941-го) и Линдон Джонсон, оказалось проще остаться в глазах потомков реформаторами внутренней политики, чем внешней.

Итак, для успеха преобразований, как правило, необходим кризис, но одного его недостаточно. Существенную роль часто играет случай (инсульт, неожиданно постигший Вильсона в 1919 году, или безрассудное объявление Гитлером войны Соединенным Штатам в 1941-м). Личность и лидерские качества каждого президента тоже имеют значение. Способность президента привлечь на свою сторону приверженцев как дома, так и за рубежом в значительной степени зависит от трех качеств, связанных с умением использовать мягкую силу.

Во-первых, это политическое видение – способность обрисовать вдохновляющую картину будущего. Громких речей недостаточно – составить список благих пожеланий способен кто угодно. Эффективное видение состоит в точном диагностировании ситуации в мире, установлении баланса между реальностью и риском, между идеалами и возможностями. Рузвельту это удавалось, а Вильсону – нет. **Во-вторых**, это эмоциональный интеллект, знание себя и самодисциплина, позволяющие лидерам задействовать личное обаяние. Для умения производить впечатление также требуются некоторые таланты, свойственные хорошим актерам. В этом смысле Рейгану очень помогла голливудская карьера. Наконец, **в-третьих**, это способность быть эффективным коммуникатором, которая помогает лидеру воодушевить аудиторию дома и за рубежом.

Еще три качества тесно связаны с использованием лидером жесткой силы. *Организаторские способности* – умение президента управлять правительственными структурами, включая советников, для того чтобы обеспечить поступление достоверной информации об заложенных факторах и результатах принятых решений. Без хороших организаторских способностей президенты могут легко попасть в ловушку для королей, когда им будут говорить только про то, как красиво их новое платье.

Очевидна необходимость в *политическом профессионализме* – искусстве находить средства в соответствии с намеченной целью либо путем уговоров, либо прибегая к подкупу или угрозам. Президент не может действовать только в интересах узкого круга своих сторонников; ему необходимо уметь развить успех в целях накопления поли-

тического капитала и расширения круга последователей. Линдон Джонсон, например, был поразительно успешным сенатором, однако не сумел повторить свой триумф на международной арене.

И наконец, для успеха на поприще внешней политики необходимо то, что теоретики лидерства в бизнесе называют «*контекстуальным интеллектом*», — способность разбираться в перипетиях изменчивой обстановки и согласовывать имеющиеся ресурсы с поставленными задачами, двигаясь скорее вместе с течением событий, чем против него. Контекстуальный интеллект позволяет лидеру действовать по наитию, в основе которого лежит «хорошо информированная» интуиция, то есть то, что, по мнению Бисмарка, входило в обязанности государственного деятеля, — вслушиваться в шестивие Бога по истории и постараться ухватиться за край его одеяния. Так, Рейгана, например, часто обвиняли в ограниченных, по сути, познавательных способностях, но он в полной мере обладал контекстуальным интеллектом.

БОЛЬШИЕ (И НЕ СЛИШКОМ) СТРАТЕГИ

Памятуя обо всех вышеуказанных аспектах лидерства, интересно сравнить Джорджа Буша-младшего с Вудро Вильсоном и Франклином Делано Рузвельтом. На первый взгляд характер президентства каждого заставляет предположить, что их превращение в лидеров преобразований зависело не столько от личных качеств, сколько от наличия кризисов и условий протекания последних.

Все трое приступили к своим обязанностям, сосредоточившись в первую очередь на внутривнутриполитических проблемах, но последовавшее затем столкновение с внешнеполитическим кризисом заставило добиваться преобразований силовыми методами — путем военных действий, которые облекались в вуаль мягкой силы содействия демократии. Но эта картина отнюдь не полна. Индивидуальность тоже сыграла свою роль.

Из этих трех лидеров Рузвельт проявил самый острый контекстуальный интеллект, а его усилия по перевооружению страны перед лицом нацистской угрозы еще до Пёрл-Харбора помогли подготовить общественную реакцию на кризис. Напротив, Буш до 11 сентября не придавал достаточного значения угрозе международного терроризма. Вильсон в первые годы мировой войны был неспособен составить себе ясную картину интересов США. Более того, факт отсутствия у него навыков транзакционного лидерства (способность дого-

вариваться и создавать коалиции), особенно в последние годы, также способствовал его неудачам в осуществлении преобразований.

Все три президента приложили много усилий к тому, чтобы убедить своих приверженцев принять их видение мира и согласиться с правомерностью политики реформ. Вильсону изначально удалось убедить большинство американцев в правильности своей позиции. Он обладал даром великолепного коммуникатора, и его проект Лиги Наций в какой-то момент пользовался большой популярностью. В самом деле, высказывания Вильсона о демократизации были возведены в принцип внешней политики Соединенных Штатов даже при том, что первые двадцать лет после его правления их отвергали. Бывший президентский советник Дэвид Герген утверждает, что Рузвельт «тоже был гораздо более сильным просветителем для населения, чем Буш, тщательно разъясняя широкой общественности смысл проблем, стоящих перед страной, и альтернатив, подготавливая общественное мнение и обеспечивая себе прочный фундамент поддержки, прежде чем переходить к действиям. Как продемонстрировали приготовления к вступлению во Вторую мировую войну, он никогда не бросился бы в бой, оставляя своих последователей далеко позади себя, как это сделал Буш».

Буш кажется более нетерпеливым, чем Рузвельт. Вот слова известного журналиста, который много часов интервьюировал Буша: «У него темперамент реформатора. Ему нравится все перетряхивать. Именно поэтому он ввязался в иракскую кампанию». Политолог Хью Хекло, давая по преимуществу благожелательную оценку Бушу в период его первого президентства, заметил, что тот «ясно осознаёт необходимость убеждать людей в справедливости своей точки зрения, но людей можно уговорить и совершенно не заботясь о расширении их видения. Парадокс заключается в следующем: чтобы добиться успеха в обучении других, учитель должен постоянно учиться сам». Однако характер Буша и его слабые организационные способности этому не способствуют. В период своего второго президентства он действительно старался повернуть дебаты вокруг Ирака в другое русло, публично признав новые факты. Но, как сообщил газете *The New York Times* один из авторов новой стратегии, для этого потребовалось «признать отдельные ошибки, что вызвало настоящие баталии, поскольку президенту это было несвойственно».

В целом Буш и Вильсон поразительно похожи. И тот и другой очень религиозны и склонны морализировать, оба были избраны

президентами на первый срок, не получив большинства голосов избирателей. Буш видит мир черно-белым, без оттенков; то же было свойственно и Вильсону. Буш, так же как в свое время Вильсон, поначалу успешно продвигал в Конгрессе свою повестку дня по реформированию внутренней политики и обращал мало внимания на внешнюю, пока не грянул кризис. Характерной особенностью внешнеполитических устремлений и Буша, и Вильсона было продвижение демократии и свободы за рубежом. В действительности многие речи Буша звучат так, будто их мог произнести Вильсон, хотя последний отличался большим красноречием. В системе Буша отсутствовало согласование между идеалами и возможностями нации; Вильсон допустил тот же просчет. Кроме того, обоим оказалось не по силам управлять информационными потоками в своих правительствах.

Ближний советник Вильсона сказал о нем: «Каждый раз, когда возникает вопрос, он подходит к нему совершенно непредубежденно и приветствует все предложения и советы, которые способны привести к правильному решению... Как только решение принято, оно становится окончательным, и никакие предложения или советы уже не допускаются. После этого его уже не сдвинуть». Госсекретарь США Роберт Лэнсинг заметил в 1917 году, что «даже установленные факты игнорировались, если расходились с интуицией [Вильсона, с его] полубожественной способностью сделать правильный выбор». Буш обнаруживает многие из недостатков, свойственных Вильсону.

Герген характеризует Буша как «иерархичного, делового, решительного, крутого лидера, который устремляет взор на далекий горизонт и без колебания движется к намеченной цели». Однако сила характера не может заменить контекстуальный интеллект и организаторские способности.

Настойчивость достойна восхищения, но она опасна, если замедляет процесс исправления ошибок. Подобно Вильсону Буш не слишком восприимчив к новой информации после того, как принял решение. Экс-госсекретарь США Колин Пауэлл как-то сказал, что Буш «примерно знает, *что* он намерен сделать, от других же он хочет услышать только то, *как* это можно сделать». Бывший руководитель аппарата Пауэлла полковник Лоуренс Уилкерсон вспоминает, что, занимаясь Ираком, Буш «держался в стороне, на почтительном расстоянии от деталей послевоенного планирования. Его подчиненные использовали отстраненность Буша».

Один из бывших сотрудников Белого дома сообщил мне в частной беседе: Буш был уверен, что его командование располагает достаточными силами, поскольку сам он не был в должной мере осведомлен об атмосфере страха, которая царила в Пентагоне Доналда Рамсфелда, отнюдь не способствуя полноте и искренности донесений.

Буш также в достаточной мере не управлял и процессом сбора разведанных, развернувшимся задолго до начала войны: он не настаивал на втором (и третьем) мнении и не брал в расчет нежелательных советов. Буша, как и всех остальных, могли ввести в заблуждение ошибочные данные разведки об оружии массового уничтожения, но он сам и Чейни лишь усугубили проблему. Доклад 2004 года, представленный Ричардом Керром, заместителем директора ЦРУ при Джордже Буше-старшем, завершался выводом, что Белый дом, «по-видимому, почти или совсем не обращал внимания на оценки, сделанные Центральным разведывательным управлением накануне войны, которые свидетельствовали о наличии значительных культурных и политических препятствий для стабилизации в послевоенном Ираке». Роберт Хатчингс, председатель Национального совета по разведке (2003–2005), отмечал, что «высокопоставленные чиновники, откровенно говоря, просто не были готовы воспринимать анализ, не совпадающий с их собственными оптимистическими сценариями».

К счастью для Буша, между ним и Вильсоном есть также и существенные различия. Буш, по-видимому, обладает эмоциональным интеллектом и самообладанием, которых не хватало Вильсону. Он меньше полагается на воодушевляющую риторику и, как говорят, не так колюч и более приятен в общении по сравнению с чопорным и надменным Вильсоном. Последнего, похоже, больше интересовал народ, а не отдельные люди.

Позволят ли Бушу эти отличия в лидерских качествах и навыках добиться успеха там, где Вильсон потерпел неудачу, остается неясным. Успешные преобразования были редкостью в истории национальной стратегии США. Сейчас наследие Буша зависит в основном от пока еще не определенного результата превентивной войны, которую он начал в Ираке. Вердикт еще не вынесен, однако шансы на успех невысоки, тогда как времени остается все меньше.

Партии всех стран, объединяйтесь!

Андрей Климов

Политическая ситуация в Европе сегодня такова, что для эффективного противостояния глобальным вызовам нужны взаимопонимание и взаимодействие, по крайней мере, между ведущими европейскими партиями. Возрастает и ответственность партий за будущее Старого Света — особенно тех из них, которые уже представлены в парламентах своих стран и, в частности, имеют там большинство голосов.

Все ведущие партии возникали как национальные объединения, но скоро начинали стремиться к поиску союзников и единомышленников в других странах, к образованию различных альянсов, интернационалов, союзов. Особенно преуспели на этой ниве левые. У истоков 1-го Интернационала — Международного товарищества рабочих, учрежденного в 1864 году, стояли Карл Маркс и Фридрих Энгельс. За ним последовали 2-й Интернационал (с 1889 г.), Бернский интернационал (1919—1923), «Интернационал 2 1/2-й», или Венский интернационал (1921—1923), Социалистический рабочий интернационал (с 1923 г.), 3-й Интернационал, или Коммунистический интернационал (с 1919 г.), 4-й Интернационал — троцкистский (1938), Социалистический интернационал (с 1951 г.)...

Новый стимул транснациональному межпартийному сотрудничеству дал процесс европейской интеграции. В рамках Европейского экономического сообщества был сформирован Европейский парламент, где образовались международные партийные объединения — по сути, общеевропейские политические партии. В их состав вхо-

А.А. Климов — депутат Государственной думы РФ, председатель думского подкомитета по европейскому сотрудничеству, член оргкомитета европейского межпартийного форума, который пройдет в октябре с. г. в Москве.

дят национальные представители на базе идеологической общности и программной близости. Крупнейшими являются сегодня консерваторы — Европейская народная партия (христианские демократы) и Партия европейских социалистов, представлены фракции либералов, зеленых, а также компактные группировки евроскептиков правого и левого толка.

Любопытно, что существует даже проект создания так называемой «русской партии» на основе русскоязычных общин стран Евросоюза. Потенциально ее могут поддержать около 6 миллионов наших зарубежных соотечественников. Горячий приверженец этой идеи — депутат Европарламента от Латвии Татьяна Жданок.

Международные партийные объединения есть и в разнообразных парламентских ассамблеях, например в Парламентской ассамблее Совета Европы.

ПАРТИИ УСТАРЕЛИ?

Анализируя роль и перспективы политических партий, нельзя не признать, что партийные системы многих стран переживают сегодня значительный кризис. В частности, многие в государствах «традиционной западной демократии» сетуют на растущий отрыв «партийных масс», «партийных функционеров» и «парламентских партий» от общества.

Есть и более глубокие проблемы. Еще в 60-е годы прошлого века политологи Сеймур Мартин Липсет и Стейн Роккан писали о том, что современные им партийные системы западных демократий «замораживали» то разделение общества, какое существовало «во времена признания политических прав рабочего класса». Таким образом, полагали они, эти партии суть отражение канувших в Лету политических дискуссий и интересов, не соответствовавших постиндустриальной эпохе.

В настоящее время на Западе ширится круг исследователей, полагающих, что именно по этой причине классические партии должны уйти в прошлое. «Партии большинства» заметно смещаются к центру политического спектра, сторонники крайних идей маргинализуются, при этом программы партий-оппонентов уже мало чем отличаются друг от друга. Показательны в этой связи результаты выборов, когда главные конкуренты раз за разом приходят к финишу почти с одинаковым результатом. Такую ситуацию мы наблюдали в США в 2000 году, в Германии в 2005-м, в Италии и Мексике в 2006-м. Отношение избирателей к партиям все чаще определяет-

ся не идеологией последних, а разного рода внешними факторами или личными качествами партийных лидеров.

Тенденция стирания идеологических различий носит объективный характер, в определенной степени проявляется она и в России. С учетом этого сетования на «излишний центризм» «Единой России» выглядят как попытка смотреть на мир XXI столетия сквозь призму «классовой борьбы» образца позапрошлого столетия.

В то же время, решая нынешние глобальные проблемы, европейцы могут и должны оставаться на демократических позициях (хотя отступление от демократических норм кажется кое-кому более привлекательным и эффективным способом преодоления имеющихся трудностей). В этом плане роль партий трудно переоценить, так как одним неправительственным организациям (НПО) с данной задачей явно не справиться. Ведь если для создания обычного НПО подчас достаточно желания одного человека, то для того чтобы стать парламентской партией, необходима победа на выборах, то есть поддержка большого числа избирателей, легитимирующая наделение «победителей» государственными полномочиями. Отмечающееся в наши дни стремление замены партий набором НПО, «экспертным сообществом», «признанными авторитетами» и т. п. способно, по существу, привести к подмене реальной демократии ее подобием, что не менее опасно, чем диктатура партии-монополиста.

Тема многопартийности и идеологического плюрализма приобретает особое звучание применительно к России, пережившей в XX веке 70-летнее безраздельное господство Коммунистической партии. В качестве гарантии от «повторения истории» статья 13 Конституции Российской Федерации закрепляет многопартийность, провозглашает политическое и идеологическое многообразие, запрещая превращать любую идеологию в государственную либо обязательную. Обеспечить соблюдение данной статьи способны прежде всего политические партии.

ПРЕОДОЛЕТЬ ПОЛИТИЧЕСКОЕ РАВНОДУШИЕ

Палитра европейской политики весьма многоцветна, каждое из объединений имеет свои особенности, обусловленные национальной спецификой, своеобразием процесса становления и набором целей и задач. К началу 2006 года в 46 европейских странах действовало около 250 партий самой разной направленности. В парламенты пяти государств входят по две партии, 17 стран имеют свыше пяти

парламентских партий. Высший законодательный орган остальных насчитывает от трех до пяти официально оформленных партийных фракций – к данной группе относится и Государственная дума с ее пятью фракциями. Это, кстати, на одну больше, чем в Великобритании, Швейцарии, Ирландии, и столько же, сколько в парламентах Франции и Германии. По крайней мере, по количественным параметрам российская парламентская многопартийность находится на среднем европейском уровне.

Часть европейских партий имеют многолетний опыт государственного управления и международной деятельности, другие лишь приобретают его. Есть и партии, которым пока еще не удалось оказаться в правящей коалиции. Некоторые партии носят ярко выраженный массовый характер, иные не стремятся к расширению числа своих членов, ориентируясь на четко выраженные группы интересов и влияния. Одни требуют высокого уровня внутрипартийной дисциплины, другие не считают нужным это делать.

Нынешняя реальность такова, что сама политическая власть должна осуществляться с учетом возрастающей взаимозависимости в мире. XXI столетие поставило на повестку дня всех европейских стран и их союзов немало острых и сложных вопросов, которые можно эффективно решать лишь совместными усилиями. В условиях, когда необходима высокая степень консолидации европейского сообщества, роль политических партий как ключевых институтов современной демократии повышается, возрастает значение межпартийного общеевропейского диалога. Основными направлениями совместной работы должны стать:

- борьба с терроризмом и экстремизмом, противостояние попыткам возрождения нацизма и других идеологий, предполагающих превосходство людей одной расы, национальности или вероисповедания над другими;
- обеспечение фундаментальных прав человека, включая права национальных меньшинств на образование, на сохранение родного языка и культуры, на полноценное участие в политической жизни;
- формирование общего правового пространства в целях защиты личности от современных угроз, облегчение доступа к социальным благам и защита наиболее уязвимых групп населения;
- решение проблем, связанных с негативными последствиями глобализации и усилением дифференциации между богатым Севером и бедным Югом;

- урегулирование так называемых «локальных» и «замороженных» конфликтов, что требует особой продуманности и взвешенности, реального учета интересов народов, непосредственно проживающих в зонах подобных конфликтов;

- обеспечение безопасности среды обитания, решение насущных экологических проблем;

- содействие обеспечению политической стабильности на национальном и международном уровне. Партия, как одному из базовых элементов гражданского общества, следует способствовать его развитию. Они должны быть непосредственно заинтересованы в преодолении симптомов «политического равнодушия», в том, чтобы не допустить отрыва национальных элит от общества в целом.

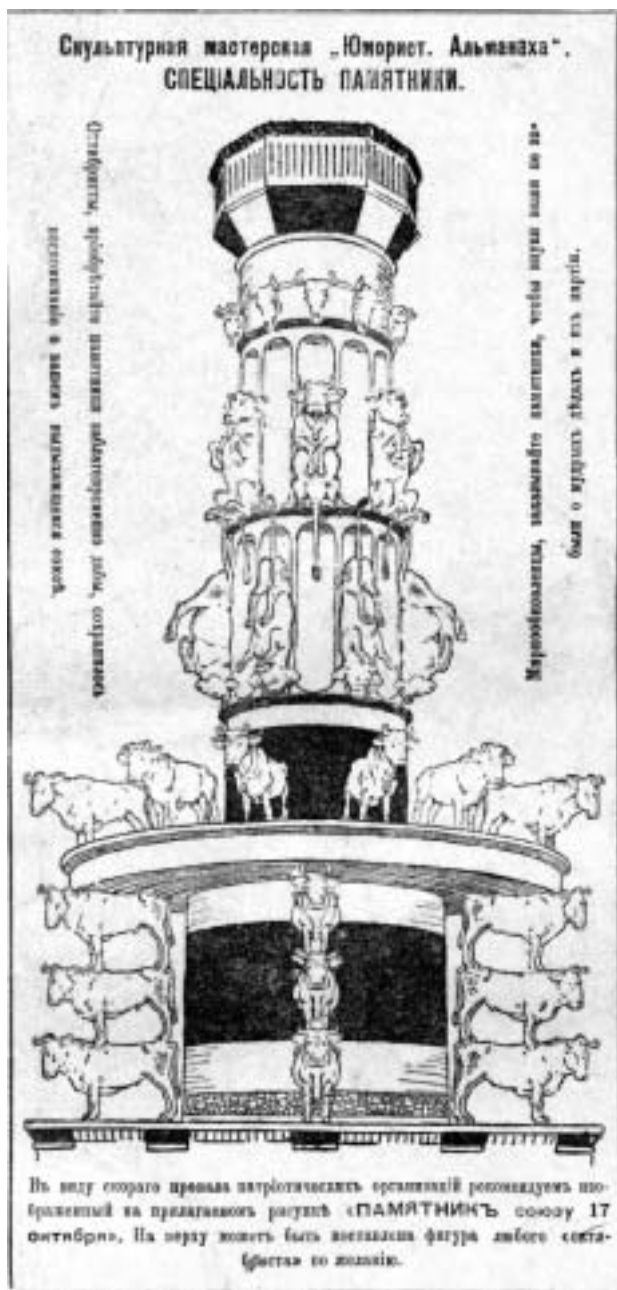
ОБЩЕЕВРОПЕЙСКОЕ ПАРТСОБРАНИЕ

Сложность задач, стоящих перед современными партиями, важность расширения и углубления европейской интеграции, осознание необходимости появления общеевропейских партий в рамках Европейского союза обусловили новый поворот в деле международного партийного строительства. Спустя полтора века после выхода в свет «Манифеста» (1848) Маркса и Энгельса по Европе начал бродить новый призрак — призрак «европейского партийного интернационала». Но в отличие от своего коммунистического предшественника, призывавшего на баррикады, он нацелен не на раскол общества на классовой основе, а на консолидацию всех европейцев, с тем чтобы ответить на новые вызовы, с которыми столкнулся Старый Свет «от Атлантики до Урала», а возможно, и до Тихого океана.

В Совете Европы (СЕ) уже подготовлены предложения по тематике европейского межпартийного форума. Его планируется провести 18–19 октября 2006 года в Москве, взяв за основу ежегодный форум «За будущее демократии», учрежденный в 2005-м и впервые прошедший тогда же в Варшаве. Предложение рассмотреть «перспективы создания “интернационала европейских партий”» поступило в ходе согласования проблематики дискуссий и повесток дня пленарных и секционных заседаний.

Московский форум инициировала Россия, занявшая 15 мая 2006 года пост председателя в Комитете министров СЕ. Москва настаивает на том, чтобы приглашение на это масштабное мероприятие

Партийная жизнь в России 100 лет назад

Иллюстрации из сатирических журналов
«Агитация», «Скелет» и «Гром», 1906 г.

Избирательное право

Пассивное

КОНОТОП. При открытии съезда мелких землевладельцев для избрания уполномоченных в уездный съезд избирателей некоторые из присутствующих пожелали выяснить, подвергаются ли ответственности лица не явившиеся на съезд. После объяснения председателя съезда, что участие в выборах не обязанность, а право, большинство избирателей поспешило покинуть здание съезда.

(Корресп. «Киевской Жизни»)

ДИКАНЬКА (Полтавск. губ.). Полиция зашла к одному крестьянину. Последний работал за столярным верстаком. «Може прыйшли це мене вже в Думу забираты?» спросил он.

(Корресп. «Колокола»)

ВЫБИРАЙ!

7 ноября Союзом русского народа отправлено в провинцию 25 членов союза, снабженных литературой разного рода.

(Из газет)

Избирательное право

Активное

ВЫБИРАЙСЯ!

получили представители **всех** политических партий, которые имеют фракции во **всех** парламентах 46 европейских стран. То есть речь идет об «общеевропейском партсобрании». Логика проста: истинная демократия не должна позволить «забыть» хотя бы одну из партий Старого Света, тем более что общая тема московского форума — «Роль политических партий в демократическом обществе». А уж кто захочет воспользоваться приглашением — это другой вопрос, внутреннее дело каждого объединения.

Гостям предлагается не только принять участие в двух пленарных заседаниях, но и провести в трех секциях широкие дискуссии по следующим темам:

- «Роль и ответственность политических партий в поиске демократических решений главных проблем современности (глобализация, безопасность, защита окружающей среды)»;

- «Взаимодействие между политическими партиями и другими субъектами демократического процесса, такими, как органы представительной власти всех территориальных уровней, гражданское общество, средства массовой информации»;

- «Построение и укрепление демократических институтов (на основе представительности и законности)».

Одно лишь формирование этого примерного перечня базовых тем заняло у нас и наших коллег по Совету Европы несколько месяцев жарких и интенсивных дискуссий. А ведь в рабочую группу входили далеко не все представители участников октябрьского «партсобрания» в Москве. Без труда можно представить себе, сколь широкими и непростыми окажутся дискуссии на форуме. Тем более что Старый Свет морально еще не готов к скорому появлению института, который объединял бы уже не страны или их парламенты, а политические партии; последние же едва ли единогласно поддержат идею создания «надпартийного» органа и поспешат раскошелиться на содержание своеобразного ЦК Европы.

Тем не менее подобные встречи необходимы. И дело не только и не столько в попытке реализации экстравагантной идеи «общеевропейского интернационала». Форум европейских политических партий, участвующих в государственном процессе управления и имеющих максимум поддержки у себя дома и на европейском уровне, необходим как важнейшая переговорная площадка по ключевым вопросам современности, решение которых требует выработки общих подходов.

ПАРТИИ И ДЕМОКРАТИЯ

В большинстве европейских государств именно парламентские партии формируют и контролируют правительства. Они же через своих депутатов определяют основы законодательства своих стран, ратифицируют или отклоняют международные договоры. Например, в 2007 году завершается срок действия Соглашения о партнерстве и сотрудничестве (СПС) между Европейским союзом и Россией. Новая версия СПС, которая должна определить содержание и принципы стратегического партнерства сторон в новом веке, поступит на ратификацию в национальные парламенты. Исход этого непростого голосования будет во многом зависеть от позиций ключевых партий стран – членов ЕС. Следовательно, уже сейчас надо начать необходимый обмен мнениями не только между главами государств и правительств и дипломатами, но и между партиями, определяющими позиции своих парламентских фракций.

В свою очередь, партийные системы во многом зависят от соответствующих национальных законов и международных актов. Регулирование деятельности партийных объединений – составная часть правомочий суверенных государств и определяется законодательством этих государств с учетом их международных обязательств.

Конкуренция партий, если она происходит в рамках закона, является одной из движущих сил общественного развития и, значит, прогрессивна по своей сути. Поскольку выборы представляют собой важнейший этап этого состязания, возрастает важность критериев их легитимности. В данной связи все большее значение приобретает гармонизация выборных стандартов в странах – членах Совета Европы. Российская сторона неоднократно предлагала совместно выработать некие объективные мерилa, позволяющие признавать выборы состоявшимися, а их результаты – законными и достоверными. Но именно те государства, которые так часто обвиняют Россию и ряд других стран в «недемократичности» выборного процесса, нередко отказываются обсуждать эти предложения, предпочитая политическую вкусовщину четким и однозначным критериям.

Укрепляя взаимопонимание и доверие, совместная работа партий может способствовать совершенствованию политических систем. Но, обсуждая вопросы партийного строительства, необходимо помнить, что мы имеем в виду не обучение «молодой российской демократии» в некоей «западной» школе, а обмен мнениями и извлечение уроков из чужого (и собственного) опыта.

Так, если бы в российском парламенте действовала регламентная норма большинства парламентов Западной Европы, то малочисленные фракции в Госдуме вообще не имели бы реальной возможности излагать собственные позиции. Наш регламент предоставляет всем фракциям независимо от количества имеющихся у них мест равное время для выступления по любому вопросу. В иных западных парламентах это время пропорционально политическому «весу» партии.

Кто знает, может, когда-нибудь форум политических партий станет той площадкой, где будет поддерживаться прямой и постоянный диалог между ведущими политическими силами нашего континента. Такой диалог, думаю, придаст новый импульс европейской интеграции, станет важнейшим звеном в фундаменте будущего общеевропейского дома – Европы без разделительных линий.

Новый Интернет-журнал «Вся Европа» – все о жизни современной Европы и о российско-европейских связях

<http://www.alleuropa.mgimo.ru>

Издается Российским Европейским Колледжем (РЕК) при МГИМО (У) МИД РФ. РЕК – совместный российско-европейский проект, который запущен во исполнение инициатив, зафиксированных в дорожной карте построения общего образовательного пространства. Полноценные занятия начинаются в сентябре 2006 года. Колледж будет обеспечивать российским министерствам и ведомствам, органам власти и управления в регионах, частным фирмам возможность подготовить и переподготовить своих сотрудников для работы с Европейским союзом.

Главный редактор журнала «Вся Европа», директор Института европейского права МГИМО (У) – д. ю. н., профессор **М.Л. Знтин**

Советское наследие

“*России нужно поддерживать тесные экономические контакты со своими соотечественниками в странах Балтии, на Кавказе и в Центральной Азии подобно тому, как Пекин научился устанавливать связи с хуацяо – проживающими за рубежом китайцами – в Сан-Франциско, Куала-Лумпуре и Сиднее*”

История как средство самоидентификации

Рой Медведев

148

Русская диаспора в независимой Украине

Борис Зажигаев

163

«Новые» русские в Латвии

Роберт Сондерс

173

Стратегическая дилемма Центральной Азии

Фарход Толипов

182

История как средство самоидентификации

Рой Медведев

Национально-историческая самоидентификация народов Российской империи строилась на двух формулах: «Москва — Третий Рим» и «Самодержавие. Православие. Народность». Понятие «народность», однако, относилось только к представителям титульной нации — великороссам, малороссам и белорусам, которые тогда определялись как три субэтноса русского народа. Все остальные жители России считались «инородцами» и были разделены на несколько категорий. Наиболее привилегированными из них являлись христиане — грузины и армяне. Татары и калмыки стояли выше, чем туркмены и таджики. Самый низкий статус достался иудеям.

Большевики умело использовали протестный потенциал национальных движений и создавали свое государство как братский союз равноправных наций, причем в роли «старшего брата» выступали русские. Несмотря на все изъяны, национальная политика Коммунистической партии Советского Союза привела к тому, что украинцы и белорусы обрели статус нации, евреи получили доступ во все сферы государственной и культурной жизни, а на территориях, заселенных «инородцами», сформировалось более 30 союзных и автономных республик со своей культурой и своими институтами государственности.

После развала СССР независимые государства, образовавшиеся на постсоветском пространстве, столкнулись с целым рядом проблем, связанных с национальной и исторической самоидентифика-

Р.А. Медведев — историк, писатель. Автор многих книг, в том числе «Хрушев. Политическая биография», «К суду истории», «Политический портрет Л.И. Брежнева», «Ю.В. Андропов. Политическая биография» и других. Данная статья основана на материалах, собранных автором для новой книги о судьбе постсоветского пространства.

цией. Распад «семьи народов» выявил многие болевые точки, разрушил старые связи и заставил формирующиеся нации по-новому взглянуть на самих себя и свою историю. Новое прочтение национальной истории как основы национального самосознания сыграло и играет важнейшую роль в процессе становления практически всех государств — участников СНГ. Тем более что многим из них государственность приходилось строить практически с нуля.

«СОЗДАТЬ УКРАИНЦЕВ»

Наиболее болезненным процесс формирования национальной самоидентификации оказался у *украинцев*. Вышли на поверхность и даже обострились противоречия, которые в авторитарном СССР почти не были заметны. Главным из них стала явная рознь между теми украинцами, которые с середины XVI столетия жили в составе России, и теми, кто населял области, отошедшие после разделов Речи Посполитой под власть Австро-Венгрии. Эти группы даже принадлежат к разным конфессиям.

«Среди наших проблем, — пишет второй президент Украины Леонид Кучма, автор книги с красноречивым названием «Украина — не Россия», — есть одна, решаемая в достаточной мере мучительно. Прежде чем мои соотечественники смогут спокойно сказать себе, что она решена, пройдут десятилетия. Это не российско-украинская проблема, это украинская проблема, но она тесно связана с Россией. Речь идет о нашей самоидентификации и нашей психологии. Политологи и социологи Украины согласны в том, что процессы консолидации украинской нации пока еще далеки от завершения. Мы до сих пор не до конца поняли, кто мы такие».

Выступая на презентации своей книги в Москве в сентябре 2003 года, Кучма говорил: «Украину мы создали. Теперь мы должны решить более трудную задачу — создать украинцев». К сожалению, кое-кто в современной Украине хочет ускорить этот процесс, в том числе и путем принуждения.

Здесь пока еще не сформировалась ни общепринятая, ни официальная, ни даже заметно преобладающая концепция национальной истории, поскольку современная Украина сложилась из нескольких крупных регионов. Галиция, Закарпатье, Полтавщина, Крым, Донбасс, Киев, Харьков, Одесса — все эти и многие другие области и города имеют разную, подчас не зависящую друг от друга историю. К формированию нынешних границ Украины причастен не столько

Богдан Хмельницкий, сколько Пётр I, Екатерина II, Ленин, Сталин и Хрущёв. Не случайно сами украинцы говорят, что их страна «создана Богом, который сделал это руками наших врагов».

В результате возникает множество мифов. Согласно одному из них, Киевская Русь — это золотой век Украины, а «Слово о полку Игореве» — древний украинский эпос. Отсюда и утверждения, будто Киевская Русь с ее богатой историей и культурой — наследие одной лишь украинской, но отнюдь не русской или белорусской нации. В действительности же речь идет о едином корне, давшем с течением времени множество ростков.

В XVII и XIX веках Украина была не колонией России, а частью общеимперской метрополии. Но более чем 250-летняя эпоха нахождения украинских земель в составе Российской империи привлекает местных историков значительно в меньшей степени, нежели период 1917–1920 годов — времени существования суверенного государства, уничтоженного большевиками. В издающихся сегодня на территории Украины школьных учебниках почти отсутствуют сведения об образовании Украинской ССР, о ее вхождении в состав СССР, о развитии здесь национальной культуры и системы всеобщего образования. О страшном голоде 1933-го говорится много, но только как об «украинском голодоморе» или даже как о геноциде, направленном против украинских крестьян. Между тем от этой трагедии пострадали все зерновые районы Советского Союза, в том числе Казахстан, Поволжье, Дон и Кубань. Национальными героями Украины остаются Богдан Хмельницкий и Иван Мазепа, портреты которых мы видим на украинских купюрах. Поэму «Полтава» в школах Украины не читают, а творчество Пушкина изучается в курсах зарубежной литературы. К Гоголю отношение, конечно, другое, хотя читают его школьники, естественно, в переводе.

Камнем преткновения является проблема, связанная с личностью Степана Бандеры, с бандеровцами, а также созданными ими Организацией украинских националистов (ОУН) и Украинской повстанческой армией (УПА). ОУН являлась полувоенной радикальной националистической группировкой, которая еще в 1934-м открыла свою штаб-квартиру в Берлине, что предполагало ее сотрудничество с гестапо. 30 июня 1941 года боевые группы ОУН вошли в город Львов вслед за частями немецко-фашистской армии. В тот же день они приняли Акт о восстановлении Украинской Народной Республики,

включавший в себя упоминание о «тесном сотрудничестве с национал-социалистической Великогерманией, которая под руководством Адольфа Гитлера создает новый строй в Европе и в мире и помогает украинскому народу освободиться от московской оккупации».

В отличие от дивизии СС «Галичина» и нескольких других украинских батальонов, которые воевали на стороне нацистов, УПА, созданная в 1942-м, являлась подпольной армией и, по версии националистов, противостояла и Германии, и СССР. Однако, судя по имеющимся документам, свои активные боевые действия УПА вела лишь в 1944–1948 годах, причем только против Красной армии или советских спецслужб, не щадя и мирных жителей Западной Украины, в том числе советских активистов и поляков. Еще в 2004-м фракция «Наша Украина» внесла в Верховную раду законопроект о признании ОУН-УПА «воюющей стороной», что приравнивало бы членов этих организаций к ветеранам Советской армии. Несмотря на протесты части общественности, президент Украины Виктор Ющенко разрешил провести в Киеве 15 октября 2005 года мини-парад оставшихся в живых ветеранов УПА.

Современная украинская печать многолика и свободна, и в местных СМИ можно ознакомиться с самыми разными концепциями и точками зрения на «дела давно минувших дней». Этого нельзя сказать о школьных учебниках, которые должны получать рекомендацию высших органов народного образования. Российские исследователи Людмила Моисеенкова и Павел Марциновский проанализировали около 20 учебников по истории Украины, издававшихся в 1995–2002 годах в разных городах республики на русском и украинском языках. По их мнению, «Россия и всё, что с ней связано, выглядит в украинских школьных учебниках источником исторической трагедии украинского народа, средоточием зла и азиатского коварства. Взаимоотношения Украины и России представлены как перманентное противостояние, порой даже военное. Украинцы на протяжении всей своей истории – борцы за независимость. Украинский народ все преодолел, выжил, сохранил свою культуру и самобытность в самые сложные времена оккупации русско-советской империей, не утратил стремление к свободе, независимости, собственной государственности. Главная цель, которую ставят перед собой авторы учебников, – это преодоление в сознании учащихся представления об истории Украины как части российской истории: этого не было в прошлом, не будет и в будущем».

«РОССИЯ ПЛЮС»

По мнению многих этнографов, некое «славянское» начало в наиболее чистом виде сохранилось у *белорусов*, на этническую природу которых не повлияли ни литовцы, ни татары, ни немцы, ни поляки. Александр Лукашенко с некоторой иронией говорил о своих соплеменниках как о «тех же русских, но со знаком качества». (Кстати, можно сказать, что именно на этом строится и национально-государственная идентичность лукашенковской Белоруссии, — это своего рода «Россия плюс», то есть Россия, которая лучше той, что есть на самом деле, потому как сумела сохранить и приумножить прежнее достояние.) По его словам, «мы должны пользоваться в равной степени нашим русским и нашим белорусским языками. Это должны выбирать сами граждане, а не государство».

Большая часть белорусской интеллигенции никогда «не болела» национализмом. Однако еще до распада СССР в Верховном Совете Белоруссии образовалась незначительная, но очень активная националистическая фракция, которая обвинила белорусский народ в забвении собственного языка и истории. Члены этой фракции, возглавлявшейся этнографом, поэтом и фотографом Зеноном Позняком, настаивали на том, что Великое княжество Литовское — феодальное государство XIII—XVI веков — являлось историческим белорусским государством. На самом же деле правящая династия и большая часть знати этого княжества были не славянского, а литовского происхождения.

Оказавшись позже в составе Речи Посполитой, белорусский народ подвергся полонизации, а белорусская шляхта сменила православие на католичество. После разделов Польши белорусские земли вошли в состав России, в результате чего там возобладал русский язык. Белорусы в основном восприняли это событие не как национальную катастрофу, а как соединение двух братских православных народов.

Установление в Белоруссии советской власти не сопровождалось гражданской войной (в отличие от ситуации в Украине). В составе СССР белорусы обрели наконец начальные формы государственности и статус титульной нации одной из союзных республик. В XX столетии самый значительный вклад в формирование национального самосознания внесли совместная борьба и трудная победа в Великой Отечественной войне.

Попытки радикальных белорусских националистов провести почти полную ревизию истории не были поддержаны народом. Го-

сударственная идеология республики сохранила все главные признаки социалистической идеологии, и интерпретация событий прошлого — ее важная часть. 7 ноября и 9 мая здесь по-прежнему отмечаются государственные праздники, а 2 апреля празднуют День единения народов Беларуси и России.

ЗАКАВКАЗСКИЕ ДРЕВНОСТИ

У *грузин* и *армян* не было особых проблем с национальной самоидентификацией, поскольку рождение этих наций произошло задолго до образования Российской империи. *Азербайджанцы* как нация сформировались только в составе СССР, и их проблема сегодня состоит в том, чтобы определить свое место уже в рядах не советских, а мусульманских народов, в частности по отношению к близким по языку и религии туркам и иным тюркоязычным общностям.

Армения всегда внимательно относилась к своей истории, не отвергая, правда, и некоторых, мягко говоря, сомнительных положений, таких, к примеру, как миф об «избранности армянской нации». Скорее можно говорить о «христианском народе во враждебном окружении» и «первородстве армянского христианства». На рубеже 1980-х — 1990-х в работах армянских историков преобладала тема Карабаха и исторических прав Армении на эту территорию; в центре внимания сегодняшних ученых — геноцид армян в османской Турции в 1915–1916 годах, становление и развитие Армянской григорианской церкви.

За последние 10 лет издано множество учебников по истории Армении. Их авторы подчеркивают огромное положительное значение вхождения Восточной Армении в состав России (1805–1828), поскольку это «спасло армянский народ от физического уничтожения». Почти во всех учебниках приводится цитата из одного из романов основоположника национальной литературы Хачатура Абовяна: «Да будет благословенен тот час, когда нога русского ступила на землю армянскую».

Совсем иные настроения царят в современной Грузии. Может сложиться впечатление, будто грузинских правителей силой вынудили принять российское подданство. Некоторые грузинские историки называют Россию «историческим врагом» наряду с Ираном и Турцией и заявляют, что присоединение к мусульманским империям было бы меньшим злом, ибо те «никогда не покушались на грузинскую государственность, как таковую». Весь период существования совет-

ской Грузии оценивается как время унижения, оккупации, угнетения, позора, русификации, но не как период успешного развития. Уже в 1991-м Верховный Совет республики отменил празднование Дня Победы. (Позднее Эдуард Шеварднадзе тщетно просил парламентариев вернуть 9 Мая статус праздника.) В прошлом году президент Грузии Михаил Саакашвили отклонил приглашение посетить Москву для участия в торжествах, посвященных 60-летию победы в Великой Отечественной войне, заявив: «Это не наш праздник». Главным праздником здесь считается день провозглашения «первой» Грузинской Демократической Республики, просуществовавшей с 1918 по 1921 год, — наиболее героический, по мнению местных историков и политиков, период грузинской истории.

Насаждается и концепция исторического и культурного превосходства Грузии над Россией, якобы обусловленного тем, что Грузинское государство гораздо старше Московского царства, а город Тбилиси был основан на 400 лет раньше, чем столица Киевской Руси. Еще при президенте Шеварднадзе в Грузии было торжественно отмечено 3000-летие грузинской государственности, а затем и 2600-летие совместного мирного проживания грузинского и еврейского народов. (Раньше считалось, что первое государственное образование в Закавказье — Урарту — появилось на территории Армении в IX веке до н. э.) Неужели же сегодня, в начале третьего тысячелетия, возраст наций и государств является признаком их состоятельности?

ТАМЕРЛАН ВМЕСТО МАРКСА

В Средние века территория, по которой кочевали *казахи*, входила в состав Монгольской империи; их первое государственное образование — Казахское ханство — возникло в начале XVII века, а казахская нация, как таковая, начала складываться только к концу XIX столетия. Даже в 1920-е в советских руководящих органах — ЦИКе и ЦК ВКП(б) — казахов путали с киргизами и казаками. Ныне эта молодая и сильная общность только начинает обустриваться на отошедшей к ней огромной территории.

Казахстан — единственное государство в СНГ, которое собирает свою титульную нацию. Получающие материальную поддержку казахские семьи едут из России, сопредельных центральноазиатских стран, Китая. И это происходит в то время, когда сотни тысяч грузин, армян, молдаван, таджиков и киргизов навсегда покидают землю своих предков.

Монументальная пропаганда как отражение новой идентичности.
(1) Статуя Туркменбаши (Ашхабад). (2) Бюст Степана Бандеры (Теребовль, Тернопольская область). (3) Памятная монета – белорусские партизаны. (4) Памятник героям национального эпоса (Алма-Ата). (5) Монумент Амира Тимура (Ташкент)

Первый учебник истории Казахской ССР был издан лишь в 1945 году. Нынешние власти республики всячески поддерживают исторические исследования. Никто не скрывает здесь того факта, что в годы сталинских репрессий Казахстан стал местом ссылки целых наций: немцев, чеченцев, ингушей, калмыков. Массовая кампания по освоению целины — это тоже история Казахстана. И тем не менее ни политики, ни историки страны не склонны считать советский период временем одних лишь угнетений и репрессий. Именно в те тяжелые десятилетия складывалась и консолидировалась казахская нация, развивалась ее культура, возникали начальные формы государственности, начиналась разработка недр. Казахстан гордится своим вкладом в победу в Великой Отечественной войне. 9 мая отмечается национальный праздник в республике, а главная улица в новой столице Казахстана — Астане называется проспект Победы.

Но как бы тщательно ни изучал Казахстан свое прошлое, его взгляд устремлен прежде всего в будущее. Как писал президент страны Нурсултан Назарбаев, «единство казахстанцев, основанное на бережном, я бы даже сказал, трепетном отношении к своему историческому прошлому, может и должно стать мощной созидательной силой, надежным средством решения сложнейших социально-экономических задач». Казахстан — единственное государство в СНГ, где уже сегодня есть скрупулезно разработанная стратегия развития страны до 2030 года.

Неожиданно оказавшись независимым государством, *Туркмения* — относительно малонаселенная и бедная даже по советским меркам республика — нашла опору не только в природных богатствах, но и в новом прочтении своего прошлого. Туркменские земли последними в этом регионе перешли в середине 80-х годов XIX века под власть Российской империи. Сломив сопротивление «непокорных текинцев», Россия образовала здесь Закаспийскую область с населением численностью менее одного миллиона человек.

Сегодня этот народ почти утратил свою древнюю культуру. Мусульманству не удалось пустить здесь прочные корни: к 1991-му в Ашхабаде не было ни одной мечети, перевод Корана на туркменский язык отсутствовал. Неизвестны были в Туркмении и либеральные концепции Запада. В этих условиях богатая ресурсами и мирная республика избрала путь идеологической и политической изоляции и нейтралитета, избегая претензий и посягательств извне.

На стенах вновь построенных мечетей выбиты слова и фразы не из Корана, а из «Рухнамы» — новой священной книги Востока, написанной бессменным президентом Туркмении Сапармуратом Ниязовым, или Туркменбаши. «Рухнама» — эпос, но он лишен той агрессивности, которой был переполнен «Краткий курс истории ВКП(б)». Это, по сути, мифологизированная история Туркмении и туркменского народа.

Раскопки в пустыне Каракумы позволили отодвинуть время появления здесь цивилизации и письменности на несколько столетий назад. (Прежде считалось, что первые государственные образования сформировались на территории современного Туркменистана в VI или V веках до н. э.) К четырем центрам древней мировой цивилизации — Месопотамии, Индии, Китаю и Египту — в Ашхабаде прибавляют сегодня древнюю цивилизацию страны Маргуш.

Узбекистан — это тоже страна с древней историей. Орошаемое земледелие появилось здесь около трех тысяч лет назад, а первые города возникли еще до новой эры. Формирование тюркоязычной народности узбеков завершилось, как считается, в XII столетии. В Средние века наиболее заметную роль играл Мавераннахр (арабское название междуречья Амударьи и Сырдарьи с городами Самарканд, Бухара и др. — **Ред.**). Основание Тимуром (Тамерланом) в середине XIV века могущественной империи со столицей в Самарканде и более чем столетнее правление династии Тимуридов принесли этой области процветание. Мавераннахр стал одним из центров мусульманской культуры и учености, где жили либо бывали многие из величайших поэтов, ученых и мудрецов Востока.

До присоединения к России (1860–1870) этот регион находился в упадке. Советская власть была установлена при помощи практиковавших насилие ревкомов и укрепилась только к началу 1930-х годов.

В составе СССР Узбекистан развивался быстрыми темпами, но крайне односторонне. В партийно-советской элите выходцев оттуда было мало, и у многих деятелей советской культуры складывалось впечатление об Узбекистане как о глубокой провинции и культурной окраине СССР, хотя система массового образования, созданная большевиками в республике, способствовала формированию местной интеллигенции.

Независимый Узбекистан претендует на то, чтобы вернуть себе положение страны — центра не только азиатского образования и науки, но и мусульманской учености. Новое прочтение национальной

истории Ташкент начал с нескольких символических жестов. В столице вместо памятника Карлу Марксу неожиданно появилась конная статуя Тимура, а памятник Ленину заменили на гигантский глобус с увеличенным изображением Узбекистана. Но никто не пытается осуждать все то, что было связано с советской историей, хотя отношение к ней явно критическое. Канонизировав Тимура как ключевую личность национальной истории, Узбекистан не отбрасывает ни социальных достижений и культурного наследия советского периода, ни ценностей самого социализма. На этих, казалось бы, трудно совместимых основаниях фактически в центре исламского мира строится сегодня новый Узбекистан.

РОССИЯ И ЕЕ ИСТОРИЯ

12 июня 1990 года народные депутаты РСФСР, которые в основном представляли Коммунистическую партию и блок «Демократическая Россия», приняли на своем первом съезде Декларацию о государственном суверенитете России, однако не смогли сформулировать для нового — не советского, и не социалистического — государства ясную национально-государственную идею. Сегодня в Государственной думе РФ доминирует партия «Единая Россия», у которой нет ни политической, ни национальной идеологии, а есть лишь в лучшем случае цель удвоения ВВП. Мало кто понимает смысл введенного недавно государственного праздника День народного единства (4 ноября). Да и 12 июня мы отмечаем то как День независимости, то как День России...

С крушением социализма российская историческая наука освободилась от идеологического диктата: открылись почти все архивы, исчезли «закрытые темы», исследователи больше не выполняют политических директив и не должны считаться с требованиями цензуры. Но в нашем прошлом остается еще немало белых пятен. Без трезвой и объективной оценки уроков отечественной истории едва ли возможно созидание новой идентичности, устремленной в будущее.

«Украинская опасность»

В обзоре русской жизни за 1911 г. «Новое Время», между прочим, поставило в актив ушедшему году начало серьезной борьбы с украинством. Удивительным образом в этом «начале борьбы» совпали пути таких во всех отношениях антиподов, как нововременские Меньшиков и Савенко и П.Б. Струве (см. статью «Русской Мысли»), – совпали, несмотря на то, что П. Струве, приглашая к «идейной борьбе с украинством», специально озабочивается отмежеванием себя от «реакционных неистовств» и свидетельствует свое отвращение ко «всякому полицейскому насилию». Но мы настаиваем на этом «совпадении» не для полемического заострения вопроса, а потому, что действительно видим единство основных взглядов на украинский вопрос у названных публицистов.

«Солист», с картины И.С. Галкина. Выставка Императорской Академии художеств, 1890 г.

Киевский националист Савенко гастролировал в Петербурге и Москве, а в последнее время и в Одессе со своим докладом о «мазепинском» движении на юге России, доказывая опасность движения для «единства и целостности России». С этой мыслью об опасности украинства для «единства и целостности России» вполне солидарен и г. Меньшиков. А П. Струве видит в украинстве проблему – «чреватую, если интеллигентская “украинская” мысль ударит в народную почву и зажжет ее своим “украинством”, величайшим и неслыханным расколом в русской нации, который явится подлинным государственным и народным бедствием».

«Глубочайшее убеждение» в этом П. Струве, конечно, практически много опаснее для украинства, чем те «фантастические картины» австрийско-польско-украинской войны с Россией в целях отторжения от нее Украины, которыми «пугают» гг. Меньшиковы. Жупел П. Струве – «раскол в русской нации, который явится подлинным государственным и народным бедствием» – имеет хотя видимость «реальной» опасности: себя им уважаемый публицист во всяком случае чистосердечно и не на шутку перепугал. Правда, П. Струве протестует против «реакционных неистовств» призывов «полицейских скорпионов» против малорусского театра и малорусской литературы, называет

их плодом «безмыслия». Но ведь к призывам «полицейских скорпионов» ведет не только скажем, не столько «безмыслие», сколько мысль, и именно мысль самого П. Струве, о грядущем «бедствии» от соприкосновения интеллигентской мысли с народной почвой.

Не знаем, какие средства «идейной» борьбы с украинством предложит П. Струве, если ему будет доказано, что театр, литература, культурно-просветительные общества и т. п., что все это является наилучшим средством зажигания народной почвы «украинством». А отвергнуть эти доказательства не равносильно ли тому, чтобы, разложив огонь под котлом, ожидать, что вода в котле может не закипеть? П. Струве вообще очень осторожен в том, что он соглашается разрешить «украинскому движению» в России. Даже на пути «скромного областного развития» украинский язык им допускается в начальную школу (с оговоркой «в известных границах, определяемых чисто-педагогическими соображениями») только предположительно («может быть»). Было бы в высшей степени интересно, чтобы П. Струве, не прикрываясь белоснежной тогой отвращения «ко всякому полицейскому насилию» и не ограничиваясь призывом к идейной борьбе с украинством, указал на способы борьбы со столь грозною бедою («подлинное государственное и народное бедствие»!) Думаем, что, стоя на занятой им позиции, удержаться в пределах белоснежной тоги едва ли возможно. Речь ведь идет не о теоретически-отвлеченном вопросе, а о сложном комплексе жизненных интересов многомиллионного народа, ежедневно предъявляющем ряд запросов, требующем немедленных решений.

Для украинства, однако, жизненно интереснее того, какими средствами с ним будут бороться люди убеждений П. Струве, когда они получают возможность нести не только идейную ответственность за свою публицистическую работу, но и практически осуществлять свою программу, – для украинства интереснее практическое значение идей П. Струве для сегодняшнего дня. И здесь приходится констатировать, что идеи эти неизбежно обосновывают практику всеобъемлющего полицейского насилия. Всевозможные «скорпионы» будут пущены в ход нынешними практическими политиками во имя этих идей. И прежде всего г. министр внутренних дел вправе будет сказать П. Струве: «Вы правильно подчеркнули грозящую опасность, Вы исполнили свой долг публициста, на мне же лежит ответственность за благо государственное и народное, долг мой – в предотвращении “государственного и народного бедствия”. И я исполню свой долг, налагая запрет на все то, что сближает украинскую интеллигентскую мысль с народной почвой, грозя зазечь ее украинством».

П. Струве может, конечно, протестовать против мероприятий «полицейского насилия» и говорить, что они из его идей вовсе не следуют с логической неизбежностью. Теоретически он будет прав, но также правы будем мы, утверждая, что в современной России эти идеи могут дать только одну практику – практику насилия. Недостатка в «скорпионах» против украинства никогда не было; если теперь, как этого, по-видимому, можно ожидать, имеют последо-

«У корчмы» (село Черкасская-Лозовая Харьковской губернии).
Картина С. Васильковского. Выставка Императорской Академии художеств, 1890 г.

вать новые, это, конечно, не будет значить, что П. Струве научил или вдохновил г. Макарова, однако украинство должно учесть ту, несомненно, вновь для него обнаруживающуюся опасность, что в известной части идейной русской интеллигенции начинают распространяться идеи, лежавшие доселе в основании гонений против украинства.

Факт этот далеко не безразличный. Мы достаточно верим в жизненную силу украинской идеи, чтобы сохранять полное убеждение, что ее не сокрушат ни «полицейское насилие», ни та «идейная борьба», которую против нее хочет возжечь П. Струве. Но мы не думаем, чтобы как для нормального развития украинства, так и для судеб российской государственности то и другое прошло вполне безнаказанно. Национальная проблема в России формулируется вопросом «*Nationalstaat* или *Nationalitaetenstaat*?». И разрешается только ответом «*Nationalitaetenstaat*».

В заключение мы должны отметить, что в основе политически опасных идей П. Струве лежат теоретически неверные мысли о сущности тех сложных культурно-психологических явлений, которые определяются словом «национальность». Он развил эти мысли еще около трех лет тому назад в памятных статьях о «национальном лице». Еще тогда по поводу его теории о «притяжении и отталкивании», как существе того, чем является национальность, мы заметили: «Если бы национальное самосознание вызывало притяжение к своему и отталкивание от чужого, развитие его у “недержавных” народностей, действительно, грозило бы обратиться государство в рассыпавшуюся храмину. Так и смотрел на дело старый режим: “обрусение” вытекало из

воззрения, согласно которому национальное самоопределение недержавных народностей, создавая и усиливая их “отталкивание” от народности “державной”, расшатывает здание государственного могущества.

И против “обрусения” во имя “целости государства” нечего возразить тем, кто “отталкивание” относит к сущности национальности. Но мы думаем, что этот взгляд опасный практически неверен и теоретически» (Из № 748 «Слова» за 1909 г. перепечатано в сборнике «По вехам»). К теории притяжения и отталкивания, как существ национальности, слишком явно восходит многое во взглядах П. Струве на украинский вопрос. Но этим не исчерпываются многообразные недоразумения, пускаемые в обращение П. Струве вследствие его неверных воззрений на сущность национальности. Ему присуще прежде всего какое-то почти механическое воззрение на слово, как на орудие мысли, ему, по-видимому, совершенно чуждо понимание психологического значения слова, того, что «слово есть не столько средство понимать другого, насколько оно средство понимать самого себя» (А. Потебня). Оттого взгляд на культуру, оценка ее приобретений у П. Струве проникнуты каким-то капиталистическим характером. Возникновение рядом с «русской» культурой других культур кажется ему «колоссальной растратой исторической энергии населения Российской Империи», ничем не оправдываемой «растратой психических сил». Дальше того, чтобы в культурном творчестве видеть «растрату психических сил», идти, кажется, некуда...

Полагая, что сказанного вполне достаточно для доказательства того, на каком ненадежном фундаменте начал возводить свою постройку решения национальной проблемы в России П. Струве (украинский вопрос выбран для этого очень удачно, ибо он во многих отношениях является определяющим решением всей проблемы), мы и ограничиваемся сказанным. Практически опасные идеи Струве по национальному вопросу, в основном совпадающие с националистическими лозунгами и вдохновляющие полицейское насилие, теоретически не обоснованы и зиждутся на теоретически неверном понимании сущности национальности.

*Михаил Могиланский. Журнал «Запросы Жизни».
Еженедельный вестник культуры и политики. № 6.
10 февраля 1912 г. Санкт-Петербург*

Русская диаспора в независимой Украине

Борис Зажигаев

Путь Украины к независимости проходил через «парад суверенитетов», начало которому положил ее северный сосед — Россия: 12 июня 1990 года на Первом съезде народных депутатов РСФСР была принята Декларация о государственном суверенитете России. На этот «неожиданный» ход «старшего брата» Украина ответила 16 июля: Верховный Совет УССР абсолютным большинством («за» — 97 %) принял Декларацию о государственном суверенитете Украины, являющуюся, по сути, свидетельством о намерении стать в будущем независимым государством и подписать новый Союзный договор.

В начале 1990-х население Украины представляло собой социально однородное общество, объединенное желанием повысить жизненный уровень и обрести более широкие социально-политические свободы. По переписи-1989 украинцы составляли 72,7 % (37 800 тыс. чел.), русские — 22,1 % (11 500 тыс. чел.). Представители любого другого этноса (свыше 130 национальностей и народностей) составляли менее одного процента населения, а все вместе — около 5,2 %.

В возможность построения в Украине национального государства тогда мало кто верил, межнациональные отношения людей фактически не беспокоили. Даже в Крыму, куда возвращались крымские татары, местные жители в ходе социологических опросов поставили межнациональные конфликты лишь на седьмое место в перечне наиболее тревожащих их проблем (после бедности, безработицы, преступности и пр.).

Б.В. Зажигаев — доцент, к. полит. н.; защитил диссертацию «Эволюция политического устройства в Республике Крым в период 1989–1998 годов» в МГИМО (У) МИД РФ.

Пугу (условный крик запорожцев, открывший гостеприимные двери)
Журнал «Нива», 1890 г.

Русское население не чувствовало никакой угрозы своим социальным правам и национальным интересам. В то же время численный состав и уклад жизни «украинских» русских, тесные культурные и исторические связи с Россией обусловили их стойкую самоидентификацию и стремление к объединению с исторической родиной. Эти же факторы определили позже уровень его противодействия украинскому национализму, продвигаемому властями. По существу, речь шла не о спонтанном проявлении русского национализма или сепаратизма, а о естественной общественно-политической реакции на уничтожение единого этнокультурного пространства в новом государственном образовании.

ЭВОЛЮЦИЯ КРЫМА

У многих сложилось впечатление, будто Крым, где русские составляют подавляющее большинство населения – 65,6 % (в Севастополе их 74,4 %), начал «проситься» в Россию чуть ли не с 19 августа 1991 года. В действительности же крымская номенклатура была озабочена прежде всего тем, чтобы сохранить власть и собственность в своих руках, не допустив к лакомому куску ни Москву, ни Киев. Именно поэтому 20 января 1991-го – за несколько месяцев до путча и беловежского сговора – в Крымской области был проведен ре-

В Крым за солью.
Журнал «Нива», 1890 г.

ферендум с формулировкой «Вы за воссоздание Крымской АССР как субъекта Союза ССР и участника Союзного договора?».

В то время в Крыму действовали организации, не имевшие никакого национального окраса (например, «Движение избирателей за Республику Крым»). Ни Украина, ни Россия не имели здесь никакого влияния, вплоть до 1994 года власть на полуострове всецело принадлежала местной номенклатуре. 6 мая 1992-го Верховный Совет Крыма принимает Конституцию Республики Крым, провозгласившую Крым «правовым, демократическим, светским государством в составе Украины», отношения с которой должны были строиться на основе закона о разграничении полномочий. Это был Основной закон полноценного государства, где Украина не имела никаких прав. Ни слово «Россия», ни слово «русский» в этом документе не упоминаются ни разу.

Национальные противоречия проявились в 1993–1994 годах — сказались государственная политика украинизации населения юго-восточных районов, наступление на права русского и русскоговорящего населения, навязывание украинского языка и экспансия украинской культуры, реальная опасность для русских утратить существующий уровень связей с исторической родиной.

В 1994-м в Крыму происходит радикальная смена политической элиты. Причиной этого явилась неспособность крымской номенкла-

туры управлять общественными процессами в обстановке, когда крымские татары, претендовавшие на привилегированное положение, требовали национальную крымско-татарскую автономию. Именно в этих условиях основная масса населения Крыма начинает идентифицировать себя как русские и связывать свою безопасность с пребыванием здесь Черноморского флота РФ и историческими интересами России в Крыму и в Азовско-Черноморском регионе.

В 1993–1997 годах интересы крымских русских и украинцев совпадали, причем бóльшая часть последних идентифицировала себя как русскоязычные. Но противоречия возникают между интересами, с одной стороны, населения, а с другой – властей, занявшихся разделом советского пирога. Крым – единственный регион Украины, где номенклатура вступила в открытое противостояние с гражданским обществом. Предав общественные интересы, она приняла в конфликте между пророссийским Крымом и Украиной сторону последней.

Все это создало условия для появления в Крыму и Севастополе массовых русских организаций. Активизируется общественная организация «Республиканское движение Крыма» (РДК) под руководством Юрия Мешкова, который при поддержке России победил на президентских выборах-1994. Через два месяца блок «Россия» получил конституционное большинство на выборах в Верховный Совет Крыма.

Пик активности самодеятельных русских организаций пришелся на середину – конец 1990-х годов. Они имели хороший численный потенциал, начали формировать организационную структуру. Однако поддержка русских организаций со стороны России осуществлялась избирательно, в строгом соответствии с межгосударственными договоренностями и, кроме того, согласовывалась по старым номенклатурным каналам. В результате финансировались только те организации, которые вписывались в конфигурацию государственной политической машины Украины.

Напротив, другие страны, которые этнически и культурно связаны с народами, проживавшими на территории Крыма, оказывают им существенную поддержку. Так, сотрудничество Турции с крымскими татарами в экономической, гуманитарной и духовной сферах превратило их в мощную политическую силу и эффективный инструмент силового давления. Аналогичную поддержку получают все общины – от греческой и немецкой до эстонской, не говоря уже о еврейской, позиции которой в Крыму наиболее сильны. Националистические круги украинской диаспоры также получают помощь извне.

В результате такой политики русские организации на полуострове не стали массовыми и не защищают интересы ни местного русского населения, ни России. Они не имеют оформившихся политических институтов, организационных и экономических структур и достойного представительства во власти. Во главе их оказались болгары, караимы, армяне и пр., а последнее время и этнические украинцы, занимающие, как правило, радикальные позиции по отношению к Киеву. Крымские русские, которых Россия рассматривала и рассматривает как часть советского народа, а Украина — как потенциальный источник сепаратизма, превратились в наиболее угнетаемый слой населения.

ВОСТОК — ЗАПАД

Совершенно иначе складывается жизнь многочисленной русской диаспоры в восточных и центральных регионах Украины, где расположены крупные металлургические и угледобывающие предприятия. Реальная власть в регионе находится в руках «красного» директората, давно прошедшего процесс ресоциализации и управляющего государственными предприятиями как частными. Нынешняя политическая элита — в основном это представители бывшей советской номенклатуры — значительно разбавлена криминалом.

Для жителя этих мест завод или шахта, где он трудится, и есть его родина. Говорят тут, как правило, на русском языке или на смеси русского и украинского. Людей здесь объединяет не общность национальных корней, а стремление выжить. Это явление охарактеризовано в украинской научной среде как *гражданская спячка*. Русские не выделяются из остальной массы населения. Их требования носят исключительно экономический и социальный характер. В ходе акций общественного неповиновения выдвигаются требования о выплате долгов по зарплате, недопущении сокращения числа рабочих мест и т. д.

Если крымчане, большая часть которых — бывшие военнослужащие Черноморского флота и члены их семей, воспитаны на героических традициях русской армии, то идеология русских, проживающих на востоке и юге Украины, замешана скорее на советском интернационализме. Вместе с тем их менталитет ближе к душевному складу россиян, чем к психологии западного украинца или украинца из сельской местности в центральных районах Украины. Русские на юго-востоке Украины, взаимно ассимилировавшиеся с украинцами, вообще больше тяготеют к России, чем к Западу. Потенциальный конфликт между ними и националистически настроен-

ным населением западной части страны способен изменить нынешнее устройство Украины на федеративное.

В Киеве численность русского населения сократилась на 37,1 %, или на 199 тыс. человек. С другой стороны, огромная масса людей, прибывающих в столицу из глубинки, игнорирует довольно высокий уровень культуры коренных киевлян и насаждает культуру западноукраинской провинции. (То же самое происходит и при ротации украинской элиты.) Этот процесс подстегивается курсом на украинизацию. Популизм, вообще свойственный украинской политике, все больше трансформируется в палингенетический (связанный с возрождением, основанным на обращении к прошлому. — **Ред.**) популистский ультранационализм.

В Западной Украине период обретения независимости ознаменовался всплеском оголтелого украинского национализма. Естественно, что объектом приложения этой идеологии стали русские. Превращение национализма в государственную идеологию происходит по всей Украине, а на западе страны он приобретает гипертрофированные формы. Идет процесс реабилитации националистов, которые с оружием в руках сражались против Советской армии в годы войны. Деятельность ОУН-УПА приобрела для молодого поколения западных украинцев новое звучание — патриотическое. Развитию данной тенденции способствуют всевозможные западные фонды и организации, по сути, они являются участниками политического процесса в стране.

В этих условиях русское и русскоязычное население ассоциируется в Западной Украине с преступлениями тоталитарного сталинского режима, выселением тысяч коренных жителей в Сибирь и на Дальний Восток. Национал-патриотическая эйфория западных украинцев и малочисленность русских не дают последним возможности в полной мере отстаивать свои права публично, а их знания и профессиональные навыки оказались невостребованными. Необходимость самореализации подталкивает к ассимиляции.

Другой путь — эмиграция в Россию. Численность русского населения сократилась в Ивано-Франковской области на 56,3 %, в Львовской — на 52,6 %, то есть больше чем в два раза. В Винницкой области русских стало меньше на 40 %, в Волынской — на 46,4 %, в Житомирской — на 43,3 %, в Кировоградской — на 41,7 %, в Ровенской — на 43,8 %, в Хмельницкой — на 42,4 %. В Днепропетровской, Запорожской, Киевской, Одесской, Полтавской, Сум-

ской, Харьковской, Черкасской, Черниговской областях и в Закарпатье этот показатель составил 32–37 % (по данным переписей населения 1989 и 2001 годов).

Особенностью положения русских в западных областях Украины является и то, что от них дистанцируются представители других малочисленных народов. Они стремятся трансформироваться в украиноязычную среду, конкурируя при этом с русскими за более выгодные общественные позиции.

РАВНОДУШИЕ И ЦИНИЗМ

Украинская государственная машина оказывает с 1994-го активное и, надо отметить, эффективное противодействие процессу формирования в стране русской диаспоры. Решающий фактор этого «успеха» – отношение к русским их исторической родины. Россия практически создала украинскую националистическую олигархию. По словам Игоря Бакая, управделами бывшего президента Леонида Кучмы, 50 самых крупных украинских бизнесменов сколотили состояние на сотрудничестве с Россией в газовой и нефтяной сферах. При этом российские компании – и «ЛУКОЙЛ», и ТНК – привлекают в партнеры исключительно представителей националистических украинских кругов. А в Крыму упираются в крымских татар. Такие же тенденции заметны и в искусстве, культуре, науке, образовании.

Отсутствие материально-финансовой базы вывело русских из участия в политической жизни страны. На сегодняшний день это разобщенная масса, сохраняющая верность русскому языку и испытывающая ностальгию по России и родной русской культуре.

Все эти процессы начали развиваться, когда страной руководил представитель «красного» (восточного) директората Леонид Кучма (бывший директор «Южмаша» считался в России «своим» политиком). Переход украинско-российских отношений на межгосударственный уровень осуществлялся медленно. Преобладали горизонтальные связи, в основе которых лежал номенклатурный советский интернационализм.

В самой России находили поддержку те русские организации, к которым благоволили украинские власти и которые не проводили массовую работу. Циничное влияние Киева на политику России в отношении ее украинских соотечественников предопределило судьбу русских организаций уже к 2001 году. Дело дошло до того, что

центром русского движения в Украине был назван Львов. Созданная там политическая партия «Русский блок», естественно, не могла пользоваться достаточным авторитетом среди русского населения. На парламентских выборах-2002 она собрала около 0,7 % голосов по всеукраинскому многомандатному округу (при том, что ее потенциал составляет не менее 18 %). В Севастополе «Русский блок» получил 8,9 %, а по Крыму в целом — около 5 %. В парламентских выборах-2006 эта партия вообще не принимала участия.

Запад в течение длительного периода снисходительно относился к уголовным шалостям режима Кучмы, учитывая такие факторы, как энергетическая зависимость, генетическое и историческое влияние России и ее географическая близость к Украине. Задолго до «оранжевой революции» 2004-го швейцарская газета *Neue Zürcher Zeitung* писала: «Часто остается незамеченным тот факт, что Россия даже в таких бывших советских республиках, как Украина или Беларусь, не может действовать по своему усмотрению. Президент Кучма, каким бы “незападным” он ни казался многим европейцам, не пустил Украину под крыло Москвы. Он усиленно лавирует между Востоком и Западом: Киев то заключает договор о создании Единого экономического пространства совместно с Россией, Казахстаном и Беларусью, то тут же начинает активно просить о принятии его в ЕС». (Данная тактика позволила Кучме избежать участи Слободана Милошевича и получить индульгенцию от Запада.)

Создать организованную русскую диаспору в таких условиях невозможно. В восточных и центральных областях страны это малочисленные, можно сказать, хорошо «законспирированные» кружки интеллигенции, лояльно настроенные к украинским властям и пользующиеся расположением российских чиновников.

Какой же выход видят для себя украинские русские? Одни перестают считать себя русскими, другие эмигрируют в Россию, третьи становятся на путь вынужденной ассимиляции. Русских в Украине в 2001 году было 8 334,1 тыс. человек (17,3 % всего населения) — это на 3 170 тыс. человек, или на 26,6 %, меньше, чем в 1989 году. Ощутимо сократилась численность русского населения даже в Крыму (на 155 тыс. чел., или 11,6 %), в Донецкой (на 473 тыс. чел., или 20,4 %) и в Луганской (на 287 тыс. чел., или 22,5 %) областях и даже в Севастополе (на 22 тыс. 100 чел., или 8,2 %). Именно это падение обусловило убыль общей численности населения в Украине (с 51,9 млн. чел. в 1989 году до 48,2 млн. чел. в 2001-м).

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ

Посол России в Киеве Виктор Черномырдин неоднократно публично заявлял, что в Украине нет проблем ни с русским языком, ни с русскими. Вопрос о придании русскому языку статуса государственного поднимался в Крыму в первые годы украинской независимости. Однако эти инициативы не находили поддержки в других областях страны, в том числе и юго-восточных. А вот реакция на них со стороны администрации Кучмы была жесткой, подчас выходявшей за конституционные рамки. Проводились этнические чистки среди чиновников, сотрудников МВД и Службы безопасности Украины, а также русской части предпринимателей. Заодно осуществлялась теневая экономическая деятельность по разделу предприятий между родственниками и ближайшим окружением Кучмы. В результате русские, встававшие на защиту родного языка, теряли свои позиции в среде региональных элит, а статус самого русского языка становился все ниже.

Начиная примерно с 2000 года русские, в том числе в Крыму, стали активно изучать украинский язык, поступать в украиноязычные вузы, в первую очередь в Киеве. В Симферополе самой популярной школой (в том числе дети офицеров ВМФ России) считается украинская гимназия.

Основная масса граждан Украины владеет и русским, и украинским языками, но русский — это язык общественного, семейного и бытового общения, в том числе среди высшего звена украинской политической элиты, тогда как украинский — язык «служебного пользования». Практически все тиражные газеты в Киеве издаются на русском языке. Спрос на художественную литературу на русском языке несопоставим со спросом на украиноязычные издания. Происходит активное взаимопроникновение языков, формируется новый язык — суржик, смесь русского и украинского.

Данный лингвистический фактор, а также и то, что в украинском паспорте отсутствует графа «Национальность», способствуют взаимной ассимиляции русских и украинцев. Да и руководство страны как при Леониде Кучме, так и при Викторе Ющенко в общем-то стремится ускорить этот процесс. (Еще в 1995-м Роман Безсмертный, в то время соратник Кучмы, а ныне лидер фракции Ющенко «Наша Украина», разработал концепцию ассимиляции крымско-татарского народа, за что крымские татары подали на него в суд.)

2004–2006 годы стали апофеозом борьбы криминально-олигархических кланов за власть в Украине. К сожалению, в ходе этого проти-

востояния русский язык стал предметом торга. Уже после выборов в марте 2006-го местные советы города Севастополь, Луганской, Харьковской и ряда других областей постановили придать русскому языку статус регионального. Проводниками этой идеи были ближайшие сторонники Кучмы — те, кто в период его правления боролся против придания русскому языку статуса официального или государственного. В настоящее время они защищают свои экономические интересы, используя богатый личный опыт, но уже в реверсном направлении. И хотя инициированная ими акция нашла поддержку у местных жителей, отмена центральными властями и местными прокурорами решений местных советов не вызвала массовых протестов.

В условиях, когда русские занимают низшую ступень на социальной лестнице украинского общества, а вопросы выживания людей перешли из социальной плоскости в плоскость биологическую, русские не в состоянии самостоятельно отстаивать свои права в Украине. Они и впредь будут оставаться лишь политическим инструментом националистической элиты Украины, избравшей западный вектор развития.

Московская школа политических исследований

Sapere aude!

Имей мужество мыслить!

Вам помогут

Наши книги в сериях

- **Библиотека Московской школы политических исследований**
- **Культура. Политика. Философия**
- **Своевременная мысль**

Наш журнал

Общая тетрадь

Вестник Московской школы политических исследований

Наши координаты:

123104, Москва, Б. Козихинский пер., д. 7, стр. 2, оф. 21, 22

тел./факс: (495)202-85-01, 299-99-04

Получить информацию о книгах вы можете на сайте www.msps.ru

«Новые» русские в Латвии

Роберт Сондерс

После развала СССР русские, проживавшие в новых независимых государствах, неожиданно для себя оказались в положении национального меньшинства. Молодые евразийские государства по-разному относятся к присутствию на своей территории этнических русских: в лучшем случае с вежливым безразличием, в худшем — с неприкрытой враждебностью. Сегодня русские изо всех сил пытаются сохранить равные права там, где еще относительно недавно они играли руководящую политическую роль.

Этим «новым» иммигрантам, утратившим психологическую, политическую и географическую связь с родиной, приходится по-новому осознавать, что значит быть частью диаспоры, и осваивать данное концептуальное пространство. Младшее поколение, как правило, избирает тактику ассимиляции (или, скорее, приспособления): учит местный язык, принимает культурные символы нового государства, присягает ему на верность и т. д. Однако старшее поколение и недовольная часть русской молодежи зачастую не в силах приноровиться к изменившейся реальности. Многие реагируют посредством исхода (эмиграция) и выражения собственного мнения (протест), демонстрируя отрицательное отношение к проводимой местными властями национальной политике и/или собственную неспособность справиться с неожиданными трудностями.

Роберт Сондерс — доцент Государственного университета Рутгерса (штат Нью-Джерси, США), ведет курс по американской внешней политике, по средствам массовой информации, а также по политике бывшего СССР. Данная статья основана на интервью, взятых у представителей русской диаспоры Риги и Даугавпилса сразу после принятия Латвии в Европейский союз.

ми. Но есть и другие русские. Чтобы обеспечить свое благополучие в условиях рестриктивной социально-экономической и культурной политики своих государств, они пользуются таким инструментом, как глобализация.

РОДИНА - ЧУЖБИНА

С наиболее серьезными проблемами русские столкнулись в республиках Балтии – Латвии, Литве и Эстонии, где (прежде всего в Латвии и Эстонии) особенно силен местный национализм. Болезненные исторические воспоминания этнического большинства этих небольших стран, связанные с потерей независимости в 1940 году, отрицательно сказываются на восприятии русского меньшинства. Значительный приток лиц некоренной национальности, имевший место после Второй мировой войны, еще больше осложнил отношения между коренным и пришлым населением. В наши дни русским (как гражданам, так и «негражданам») приходится сталкиваться с усиливающейся враждебностью со стороны представителей титульных народов, которые нередко клеймят всех русских (и староверов, и тех, кто обосновался здесь до 1940-го, и новых русскоязычных иммигрантов) как чужаков и оккупантов.

Значительное число прибалтийских русских (а в отдельных районах они составляют более 95 % населения) и представителей других некоренных национальностей лишены гражданских прав. Автоматическое гражданство положено им только в том случае, если будет доказано, что они или их предки проживали в данной стране еще до советской аннексии в 1940 году. Кроме того, они должны продемонстрировать свободное владение местным языком, принести присягу на верность государству и соответствовать целому ряду других критериев. Многие не могут или не желают выполнять такие требования (которые не предъявляются к коренным жителям). В Эстонии Закон об иностранцах (1993) не только лишил русских и других «инородцев» (евреи, украинцы, татары и пр.) гражданских прав, но и предусмотрел возможность их высылки из страны в будущем.

Лица, не имеющие гражданства, не вправе работать фармацевтами, юристами, пожарными, врачами, полицейскими, а также занимать выборные политические должности. Кроме того, они испытывают трудности с выездом за рубеж, страдают от попыток принудительной ассимиляции и политических провокаций, рассчитанных

на то, чтобы вынудить их покинуть страну. Оправдывая подобные меры, Латвия и Эстония называют их адекватной реакцией на незаконную иммиграцию, осуществлявшуюся под эгидой оккупационной Советской армии.

ПОТЕРЯННЫЕ СООТЕЧЕСТВЕННИКИ

Поначалу Российская Федерация несколько двусмысленно относилась к русским (и русскоговорящим) в независимых государствах, образовавшихся после распада СССР. Вместо того чтобы автоматически предоставить гражданство одновременно всем 25 миллионам этнических русских, проживающих за ее пределами, или же запретить им возвращаться на историческую родину, она избрала компромиссный вариант. Москва позволила всем бывшим советским гражданам, чувствующим свою этническую или эмоциональную связь с Россией, подать прошение о получении гражданства РФ. А поскольку международное право разрешает государству защищать своих соотечественников за границей, российские власти неоднократно заявляли о том, что будут отстаивать права русских, проживающих в ближнем зарубежье. В конечном итоге этот неоднозначный подход к предоставлению гражданства русским из бывших республик СССР позволил России все активнее участвовать во внутренней политике своих постсоветских соседей с целью продвижения собственных интересов.

Судьба соотечественников в государствах Балтии привлекает наиболее пристальное внимание Москвы. Проблемы русской диаспоры Кремль начал использовать в качестве предлога для оказания влияния на политику Вильнюса, Риги и Таллина, стремящихся максимально дистанцироваться от России. Особый интерес Москвы к прибалтийским русским связан и с тем, что, во-первых, их крепкие и устойчивые связи с западными компаниями, политиками и неправительственными организациями представляют собой ценный капитал для Российской Федерации. Во-вторых, многие русские – это теперь граждане Европейского союза (и их число будет только возрастать), что дает России больше рычагов воздействия на переговорах с Брюсселем. И, в-третьих, частые поездки русских из государств Балтии (особенно из Латвии) в Россию и обратно помогают Москве сохранять социально-экономическое влияние в регионе.

До недавнего времени Россия стимулировала тех «латвийских» русских, которые не стремились получать гражданство в стране про-

живания. Стоимость российских виз для «неграждан» была существенно ниже, чем для граждан Латвии, независимо от их этнического происхождения. Подобное деление служило символическим поощрением тех русских, которые проявляли «умеренную» лояльность своему новому государству. Отказываясь от попыток добиваться латвийского гражданства, те, по сути, заявляли о себе как о «постсоветских гражданах» и были вправе рассчитывать на ряд льгот и преимуществ. С недавних пор, однако, Российская Федерация применяет одинаковый визовый режим как для граждан, так и для «неграждан», тем самым неявно подталкивая русское население Латвии к более активным усилиям по получению латвийского гражданства.

Очевидно, Москва решила, что для осуществления ее замыслов русские – граждане Европейского союза подходят больше, нежели русские «неграждане». Видимо, Кремль надеется, что этническое, лингвистическое и культурное родство обеспечит прочные отношения между Российским государством и его соотечественниками за рубежом. Однако мое исследование выявило наличие трещины в национальном самосознании прибалтийских русских. Продолжая верить в тесную связь с российскими братьями по крови, они отдают себе отчет в том, что их исторические пути расходятся.

ДВОЙНЫЕ СТАНДАРТЫ И НОВЫЕ ПОДХОДЫ

Среди этнических русских в странах Балтии распространено мнение, будто Запад проводит явно лицемерную политику на постсоветском пространстве. Они убеждены, что в вопросе о гражданстве Вашингтон и Брюссель используют двойные стандарты, применяя одни правила по отношению к России и другие – к государствам Балтии. Большинство прибалтийских русских фактически не поддерживают вступление своих стран в ЕС. Понимая всю пользу от членства в Евросоюзе (свободное перемещение, возросшие возможности трудоустройства, более стабильная экономика и пр.), они склонны считать, что Брюссель непростительным образом закрывает глаза на отношение к ним местных властей. Присоединение к Европейскому союзу практически не изменило к лучшему политику в отношении русскоговорящих меньшинств.

Особенно тревожная ситуация складывается в Латвии с ее самым высоким в Балтийском регионе процентом некоренного населения и наибольшим числом «неграждан» (около 500 тысяч при населении 2,3 миллиона чел.). Первого мая 2004 года, в день вступления Лат-

вии в ЕС, множество русских вышли на улицы Риги, чтобы выразить протест против антирусской политики латвийского правительства в области языка и образования, санкционированной, как им представлялось, Брюсселем. Распевая рефрен из песни легендарной британской рок-группы «Пинк Флойд» «Не нужно нам образования», демонстранты критиковали школьную реформу, согласно которой с 2004-го преподавание в русских школах на родном языке не должно превышать 40 % учебного времени.

Несмотря на критику внутри страны и за рубежом (верховный комиссар ОБСЕ по делам национальных меньшинств Рольф Экеус однажды назвал деспотичную «латвизацию» системы образования «бессмысленной» политикой латвийских властей), распоряжение осталось в силе — и это при том, что, по данным моего исследования, проведенного в 2004 году в Риге и Даугавпилсе, именно «реформа образования» больше всего волнует русское и русскоговорящее население Латвии.

Еще одно проявление дискриминационной политики латвийских властей — их решение не допустить к участию в местных выборах (март 2005 г.) примерно 450 тысяч жителей, в основном русских, поселившихся здесь в советскую эпоху. Этот шаг вызвал гневную реакцию Москвы — в первую очередь в связи с тем, что Латвия позволила голосовать примерно 4 тысячам иностранцам из других стран ЕС. Возмущенные активисты русского движения в Латвии вышли на демонстрацию под лозунгом «Латвия позорит Европу».

Лишив гражданства значительный процент своих жителей и тем самым создав у себя категорию «неграждан», или изгоев, Латвия и Эстония, эти этнонационалистические демократии, осложнили отношения не только с Россией, но и с Европейским союзом и другими государствами. ЕС, который сквозь пальцы смотрел на неевропейское поведение властей этих двух стран до их присоединения, считая его оправданной реакцией на «незаконную аннексию» в 1940-м, теперь вынужден более внимательно относиться к внутренним проблемам своих новых стран-членов.

И Россия, и проживающие в Латвии русские признают важность членства в Евросоюзе в качестве механизма, позволяющего добиваться последовательного улучшения положения меньшинств в Латвии. Упорное и даже усиливающееся нежелание Риги придерживаться общеевропейских норм в обращении с национальными меньшинствами начинает действовать на нервы Брюсселю. Как заявил

Альваро Хиль-Роблес в бытность свою комиссаром Совета Европы по правам человека, это больше не является вопросом Латвии, это – вопрос всего Европейского союза.

МНОГОМЕРНЫЙ МИР РУССКОЙ ДИАСПОРЫ

По выражению Валтерса Щербинскиса, профессора политологии Рижского университета имени Страздиньша, в Латвии два мира – латыши и русские. Однако многим этническим русским удается преодолеть водораздел между этими взаимоисключающими пространствами, что дает возможность говорить о большем числе «миров» в этой стране.

- Этнические латыши, обладающие полным объемом гражданских и политических прав.

- Русские/русскоговорящие, не имеющие гражданства. Они лишены гражданских прав, не могут устроиться на государственные должности и вынуждены пробиваться через «бюрократический кошмар», чтобы выехать за рубеж или получить помощь от государства. В быту они испытывают на себе неуважительное отношение со стороны этнических латышей.

- «Латвизированные» русские/русскоговорящие, имеющие гражданство и официальный доступ к государственным должностям, но наталкивающиеся на неформальные препятствия при осуществлении профессиональной деятельности и иногда страдающие в повседневной жизни от проявлений пренебрежения со стороны этнических латышей.

Представители **второй** из перечисленных категорий держатся за свою «русскость», как за спасательный круг во время шторма. Они отождествляют себя с Российским государством и склонны считать Российскую Федерацию естественной правопреемницей Советского Союза, в котором у них было больше прав, и в частности свободный доступ к участию в общественной жизни. Данная группа идеализирует положение граждан РФ, противопоставляя его тому угнетению, в том числе и экономическому (лишение русских права на участие в приватизации после 1991 года), которому они сами подвергаются в Латвии.

Третья категория становится все более многочисленной в Риге и в меньшей степени в Даугавпилсе, втором по численности населения городе Латвии. В нее входят люди, владеющие латышским язы-

ком и пользующиеся им в повседневной жизни. Большинство из них поддерживают дружеские, неформальные отношения с латышами. Они всё еще эмоционально привязаны к русской нации и, быть может, положительно относятся к СССР, но предпочитают смотреть в будущее. Европейскую интеграцию Латвии они воспринимают позитивно, поскольку считают, что она способствует их интеграции в латвийское общество. В целом они надеются, что в конце концов смогут отождествлять себя с латвийским государством. При этом у них складывается ощущение, что нынешнее руководство Латвии всячески противится такому развитию событий.

Те русские, которые отличаются всё возрастающей степенью мобильности и отлично владеют латышским языком, рассматривают свою национальную принадлежность, по сути, как результат стечения исторических обстоятельств (так же относятся к своей национальности, к примеру, американцы ирландского либо итальянского происхождения). Для них Россия — это не более чем хранилище истории и/или место, где проживает их родня.

Как раз такой подход и обусловил появление в Латвии еще одной категории русских. Это — **глобалисты**, те, кто не связывает свою национальную идентичность с какой-то конкретной территорией и охотно пользуется преимуществами, которые дает растущий трансграничный поток товаров, технологий, идей и людей.

Таких русских немало в состоятельной рижской элите. Они свободно говорят на английском и латышском языках, много путешествуют по миру. Они связаны личными, родственными и деловыми связями с Российской Федерацией, Западной Европой (особенно Германией) и США. Эти жители Латвии отдают себе отчет в существовании институциональных барьеров, препятствующих их карьере в государственном секторе, но данный факт их не слишком расстраивает. В условиях членства в ЕС, присутствия в Латвии многонациональных корпораций, быстрого роста общин русских гастарбайтеров в Западной Европе, расширения возможностей трудоустройства и получения образования за рубежом они по-новому смотрят на свое будущее.

Меняющийся характер мировой экономики открывает перед мобильной частью русской общины Латвии двери с такой же скоростью, с какой их закрывает латвийское государство. Русские глобалисты могут теперь и без вмешательства Москвы успешно преодолевать барьеры, воздвигнутые на их пути властями. Иначе говоря, они преуспевают, потому что действуют в глобальном, а не в этни-

ческом социальном пространстве. Наднациональное самосознание позволяет им выбирать род деятельности, свободный от ограничений по этническому принципу.

ОСТАВИТЬ РАСПРИ В ПРОШЛОМ

Таким образом, несмотря на маргинальное положение, в котором оказались многие «латвийские» русские, новые элиты, сформировавшиеся в изолированной русской диаспоре, избежали политической радикализации. Те слои общества, которые могли бы, естественно, встать под знамена ирредентизма (быть «пятой колонной»), предпочли пойти другим, более индивидуалистическим путем.

Массовое отвержение в среде русских элит идеи государства-нации как фундаментальной основы социально-экономического и политического взаимодействия служит гарантией того, что в обозримой перспективе они не будут представлять опасность для латвийского государства. (Этим русские из ближнего зарубежья отличаются от немцев Восточной Европы в период между двумя мировыми войнами.) А как показала история, надежды и чаяния масс ничего не значат, если их не поддержит элита, способная выражать и воплощать в жизнь коллективную волю.

Латвии следует строить свою политику таким образом, чтобы содействовать дальнейшей интеграции русской общины в мировое общество. Убеждение русских жителей Латвии в том, что глобализация может принести куда больше пользы их личному развитию, чем ирредентизм, снижает возможности России, вернее, ее националистических элит, манипулировать соотечественниками в ближнем зарубежье в своих целях. Ведь преимущества глобальной интеграции перед политикой реваншизма очевидны многим русским. Пользование Интернетом, членство в Европейском союзе и знание норм мирового общежития — все это представляется им более выгодным и менее рискованным, чем отдаленные и туманные завоевания на *национальном* поле, которые сулят шовинистические агитаторы в Российской Федерации.

Рига поступит мудро, если обеспечит русскому меньшинству широкий доступ в Интернет, поможет усиленно овладевать английским в качестве современного лингва франка и активизировать поездки за рубеж. Подобные меры позволят предотвратить консолидацию низшего класса в русской общине и, несомненно, будут способствовать экономическому развитию Латвии.

России следует меньше внимания обращать на политическое положение русской диаспоры и наращивать экономические связи с русскими в ближнем зарубежье, особенно в Латвии. Рига все больше позиционирует себя как региональный центр многонациональных корпораций, и русскоговорящее сообщество города (которое в настоящее время является большинством) представляет собой исключительно ценный актив для Москвы.

России нужно поддерживать тесные экономические контакты со своими соотечественниками в странах Балтии, на Кавказе и в Центральной Азии подобно тому, как Пекин научился устанавливать связи с *хуацяо* — проживающими за рубежом китайцами — в Сан-Франциско, Куала-Лумпуре и Сиднее. Наконец, Кремлю следует избегать действий, которые либо русская диаспора, либо новые независимые государства могли бы квалифицировать как «вмешательство», поскольку такое поведение ставит под угрозу шаткое политическое положение соотечественников и таким образом нанесет ущерб и интересам России.

Наконец, Латвия нуждается в осмыслении своей истории, но без внешнего давления «преодоление прошлого» вряд ли возможно. Брюсселю и отдельным государствам — членам ЕС необходимо недвусмысленно донести до Риги, что она должна немедленно привести свою национальную политику в соответствие с европейскими нормами. ОБСЕ и другие общеевропейские организации могут поддержать растущую озабоченность Евросоюза, потребовав от стран Балтии надлежащего обращения с лицами некоренной национальности. Если европейские партнеры Латвии выступят единым фронтом и ясно дадут понять, что прошлые обиды не оправдывают ее нынешнюю антирусскую политику, позиция Риги в отношении национальных меньшинств (как граждан, так и «неграждан»), скорее всего, изменится. Возглавить эту кампанию следует Германии — стране, у которой есть бесценный опыт преодоления последствий реваншистской национальной политики в Восточной Европе.

Стратегическая дилемма Центральной Азии

Фарход Толипов

Близость Центральной Азии к регионам, откуда исходят вызовы международной безопасности, особенно террористическая угроза, привела к тому, что здесь сформировался рынок, так сказать, секьюритологических, или антитеррористических, услуг, на котором конкурируют различные действующие лица и альянсы. В этих условиях Ташкент стоит перед сложной геополитической дилеммой: на кого делать ставку? Особое значение приобретает стратегическое партнерство Узбекистана с США и Россией.

ПРЕРВАННОЕ ПАРТНЕРСТВО

Геополитическое вхождение США в Центрально-Азиатский регион и, в частности, американо-узбекское сближение, были во многом обусловлены ростом геополитической значимости этого региона и, в частности, наличием глобальной террористической угрозы и проведением операции в Афганистане, начавшейся в октябре 2001 года.

Согласно многочисленным официальным заявлениям, Соединенные Штаты преследуют в Центральной Азии три цели:

- обеспечить развитие стабильных, демократических государств, включая разрешение региональных конфликтов;
- способствовать укреплению дружеских отношений между государствами региона, с одной стороны, и США и их союзниками — с другой;
- содействовать развитию рыночной экономики в странах региона и не допустить несправедливую эксплуатацию их природных ресурсов.

К разработке стратегии на центральноазиатском направлении Вашингтон подошел последовательно и системно. В 1992-м американ-

Ф.Ф. Толипов — к. полит. н., доцент Национального университета Узбекистана (г. Ташкент).

ский Сенат принял Закон о поддержке свободы, подчеркнувший важность оказания помощи новым независимым государствам. В 1999 году последовала «Стратегия Шелкового пути». Эти документы заложили основу для вовлечения Соединенных Штатов в дела региона. Американская Программа военных продаж и содействия, Международная программа военного образования и подготовки (*IMET*), программа НАТО «Партнерство ради мира», курсы по изучению проблем безопасности, организованные по инициативе Центра им. Джорджа Маршалла, создание Центральноазиатского миротворческого батальона (Центразбат) – вот лишь некоторые примеры активного старта. Как заметил один американский аналитик, хотя все перечисленные и другие программы преследовали специфические цели, «кумулятивный эффект заключался в формировании отношений и процедур для работы с этими странами, а также в создании там военных кадров, которые имеют опыт работы с военнослужащими США». Эти усилия во многом создали рамочные условия для размещения американских военных контингентов в Центральной Азии, когда оно стало необходимым для борьбы с терроризмом (имеются в виду американские военные базы, включая Карши-Ханабад в Узбекистане и на аэродроме Манас в Кыргызстане, созданные в связи с военной операцией в Афганистане. – **Ред.**).

В марте 2002-го была подписана Декларация о стратегическом партнерстве между Соединенными Штатами и Республикой Узбекистан. Это событие не только подтвердило правоту Збигнева Бжезинского, прогнозирувавшего установление геополитического плюрализма в *heartland* («хартленд», центр Евразии. – **Ред.**), но и свидетельствовало о ключевой роли постсоветского Узбекистана в центральноазиатской политике Вашингтона.

В подписанном документе оговариваются как обязательства Ташкента осуществлять демократические и рыночные реформы, так и обязательства США оказывать содействие в этом процессе. В статье 2.1 Соединенные Штаты подтверждают, что «будут рассматривать с предельной обеспокоенностью любую внешнюю угрозу безопасности и территориальной целостности Республики Узбекистан». В случае возникновения такой угрозы предусмотрены двусторонние консультации «для выработки и реализации соответствующих мер согласно конституционным процедурам США». А в статье 3.5. стороны «подтверждают свое намерение добиваться расширения и интенсификации регионального сотрудничества в Центральной Азии, и

будут оказывать всевозможное содействие укреплению дружественных и добрососедских отношений между странами региона...»

Американское присутствие в Узбекистане было свернуто после андижанских событий 13 мая 2005 года. Как известно, Соединенные Штаты и другие западные государства, а также ряд международных организаций расценили действия узбекских властей по подавлению террористического мятежа как «неразборчивое применение силы», повлекшее многочисленные жертвы среди мирного населения. Запад потребовал проведения международного расследования этих событий. Ташкент ответил отказом, ссылаясь на то, что речь идет о внутреннем деле суверенного государства. В результате санкций со стороны Запада Узбекистан оказался в полуизоляции на международной арене, а его отношения с США резко ухудшились.

Согласно официальной узбекской пропаганде, якобы именно Вашингтон инспирировал андижанский бунт. По требованию Ташкента американский воинский контингент в конце 2005-го был выведен из Узбекистана. Позиция Вашингтона не изменилась и сегодня: требование о проведении международного расследования сохраняет силу. К настоящему времени в республике прекратили деятельность практически все американские неправительственные организации.

Судя по всему, отношения останутся замороженными в нынешнем состоянии до тех пор, пока не изменится курс Ташкента. Иными словами, нормализация отношений будет во многом зависеть от тех субъективных факторов, что обусловили их ухудшение, а именно от того, как руководство страны воспринимает стратегию США в Центральной Азии, а также сущность и характер геополитической трансформации этого региона.

Вместе с тем, несмотря на падение статуса узбекско-американских отношений до уровня обычного сотрудничества, ни одна из сторон не денонсировала Декларацию о стратегическом партнерстве. Это позволяет надеяться, что объективные процессы возобладают над субъективными.

БЕЗАЛЬТЕРНАТИВНЫЙ ДРУГ?

Отношения стратегического партнерства между Республикой Узбекистан и Российской Федерацией были определены Договором о стратегическом партнерстве, подписанном в ходе визита президента России Владимира Путина в Ташкент в июне 2004 года. Этот договор предусматривает, в частности, следующее.

Стороны координируют усилия, направленные на создание прочной и эффективной системы региональной безопасности в Центральной Азии. В этих целях образуются (как на постоянной основе, так и по мере необходимости) двусторонние консультационные механизмы (статья 3).

В случае возникновения ситуации, способной негативно отразиться на их интересах безопасности, Стороны по взаимному согласию приводят в действие соответствующий механизм консультаций для согласования позиций и координации практических мер (статья 4).

Определены приоритеты военного и военно-технического сотрудничества. К ним относятся поставки из РФ продукции военного назначения; поддержание в исправном состоянии и модернизация имеющейся в Узбекистане военной техники; подготовка в российских военных вузах офицерских кадров; проведение совместных мероприятий по боевой подготовке; сотрудничество в рамках межгосударственных космических программ.

В целях обеспечения безопасности, поддержания мира и стабильности Стороны в необходимых случаях предоставляют друг другу на основе отдельных соглашений право использования военных объектов, находящихся на их территории (статья 8).

Этот договор заметно отличается от Декларации о стратегическом партнерстве между Узбекистаном и США. Декларация представляет собой более системный и всеобъемлющий документ и имеет скорее договорный характер, в то время как российско-узбекский Договор о стратегическом партнерстве, наоборот, — декларативный. Наконец, последний в меньшей степени отвечает современным тенденциям в политической мысли, привязывающей безопасность к демократии, и в нем не зафиксирована проблема демократизации как составной части стратегического партнерства.

Если стратегическое партнерство Узбекистана с Соединенными Штатами выразилось, в частности, в размещении американского контингента на авиабазе «Ханабад», то узбекско-российское стратегическое партнерство проявилось, например, во вступлении РФ в Организацию центральноазиатского сотрудничества (ОЦАС). Иными словами, оба стратегических партнерства оказались, по сути, и выражением, и катализатором геополитической трансформации Центральной Азии.

В ходе нового глобального размежевания должна сформироваться самостоятельная геополитическая специализация Центральной

Азии. С этой точки зрения членство РФ в ОЦАС, без сомнения, геополитический казус, искажающий как политическую композицию, так и географическую конфигурацию того, что называется Центральной Азией. Гипотетически с таким же успехом к членству в ОЦАС можно было пригласить и США. Правда, казус с Россией был устранен в 2005-м слиянием ОЦАС с Евразийским экономическим сообществом (ЕврАзЭС).

Учреждение ОЦАС, прежде именовавшейся Центральноазиатским экономическим сообществом (ЦАЭС), было естественным следствием распада СССР. Оно символизировало восстановление исторической целостности региона, искусственно разделенного в начале 20-го века. Ныне регион остается раздробленным в силу внутренних межгосударственных противоречий, во многом обусловленных геополитическими процессами. Россия вступила в ОЦАС по инициативе Узбекистана на Душанбинском саммите этой организации в октябре 2004 года. Тем самым признавались существование в регионе российских жизненно важных интересов, а также общность интересов России и центральноазиатских стран. Кроме того, решение саммита в Душанбе означало, что странам-членам не удалось разрешить многочисленные региональные проблемы, что в их взаимоотношениях растет напряжение или недоверие и что государства Центральной Азии нуждаются в медиаторе.

Широко распространено мнение, будто Москва не смирилась с долгосрочным и расширенным американским военным присутствием в Центральной Азии и будет делать все возможное, дабы компенсировать либо сбалансировать его. Такая точка зрения исходит из упрощенного и ошибочного взгляда на роль самих центральноазиатских стран. Приглашение США ни в коем случае не является антироссийской акцией хотя бы потому, что любой вызов Москве с территории Центральной Азии поставит под угрозу безопасность самих государств региона. Ведь мишенью российского противодействия любым недружественным шагам, исходящим от государств Центральной Азии, окажутся как раз последние, а отнюдь не Америка. Все три стороны хорошо это понимают. Однобокие и основанные на стереотипном мышлении интерпретации и обоснование членства России в ОЦАС и ее усилий по созданию военных баз просто дезориентируют население региона и мировое общественное мнение.

Узбекско-российское стратегическое партнерство не должно восприниматься как альтернатива стратегическому партнерству между

Узбекистаном и США. Да, Россия возвращает утраченные ею стратегические позиции в Центральной Азии, а Соединенные Штаты действуют там с оглядкой на реакцию Москвы. Но означает ли это восстановление российского стратегического доминирования в данном регионе либо ответственное содействие укреплению безопасности пяти центральноазиатских стран? Этот вопрос остается пока открытым.

МЕЖ ДВУХ ОГНЕЙ

Вхождение России в ОЦАС в качестве полноправного члена и открытие ее военных баз в Таджикистане и Киргизии вкупе с установлением союзнических отношений Узбекистана с Россией, а также объединением ОЦАС и ЕврАзЭС подтверждают тезис о том, что речь идет скорее об отступлении Центральной Азии, нежели о результате наступления России.

14 ноября 2005 года президенты Владимир Путин и Ислам Каримов подписали в Москве Договор о союзнических отношениях между Российской Федерацией и Республикой Узбекистан. Столь быстрый переход от Договора о стратегическом партнерстве (июнь 2004-го) к закреплению союзнических отношений символизирует не столько новый уровень двусторонних связей, сколько новую «оборонительную» меру, принятую Узбекистаном на фоне растущего давления Запада.

Если вспомнить смысл понятий «стратегическое партнерство», «союзнические отношения», «альянс», то можно утверждать, что узбекско-российским отношениям более соответствует термин «стратегическое партнерство». По большому счету союзнический договор написан только ради одной новой статьи, гласящей, что «в случае совершения против одной из Сторон акта агрессии со стороны какого-либо государства или группы государств, это будет рассматриваться как акт агрессии против обеих Сторон...». Налицо признак блокового характера отношений. А с учетом внеблокового принципа внешней политики Узбекистана и отсутствия общего внешнего врага установление союзнических отношений выглядит пока как еще один казус.

Активное участие России в центральноазиатских делах было, безусловно, желательным и ожидаемым, как и узбекско-российское сближение. Но это еще не служит основанием для искажения географической конфигурации и политической композиции Организации центральноазиатского сотрудничества, призванной объединить исключительно страны региона. К сожалению, последние не смогли продемонстрировать ни свою подлинную независимость, ни дол-

гожданное единство, а, наоборот, показали, что нуждаются в посреднике при решении конфликтогенных региональных проблем, умаляя и игнорируя самоценность региональной интеграции.

Некоторые аналитики обращают внимание на то, что разобщение государств – участников СНГ в результате их суверенизации привело лишь к развалу экономических связей между ними, потере контроля над ситуацией на внешних границах, утрате международного авторитета, а также продемонстрировало их неготовность адекватно ответить на новые вызовы и угрозы. Теперь, мол, страны Центральной Азии начинают понимать реалии и укреплять свои отношения с Россией, а Узбекистан осуществил внешнеполитический разворот в сторону РФ за счет отношений с США. Но имеющиеся проблемы – следствие не суверенитета, а искажения или гипертрофированного понимания его сути. В противном случае суверенитет и независимость перестали бы быть ценностями, которыми, как таковыми, не торгуют.

По мнению многих экспертов, Ташкент руководствовался принципом «базы в обмен на помощь», с ним же связано и разочарование Узбекистана в результатах сотрудничества (слишком мало помощи, слишком много критики). Но это очень упрощенное понимание. Противостояние террору – общая задача, общий интерес стран – членов антитеррористической коалиции, т. е. задача и интерес, имеющие самостоятельное значение. Стремление получить выгоды, выходящие за рамки собственно борьбы с терроризмом, приведет к коммерциализации данной сферы международной безопасности. Ташкент, кажется, сам способствовал именно коммерческому взгляду на участие в кампании антитеррора. Заметим, что предоставление воздушного пространства и военной базы силам международной антитеррористической коалиции является конкретным вкладом Узбекистана на отдельно взятом – афганском – фронте войны с террором. Кроме того, Ташкенту важно и выгодно использование коалицией его территории и баз. Это – своеобразная помощь в укреплении национальной и региональной безопасности. Но, к сожалению, такая форма участия Узбекистана в международной антитеррористической коалиции прервалась.

Придерживаясь такой точки зрения, следовало бы отделить вопрос о предоставлении Америкой экономической помощи Узбекистану от проблемы совместной борьбы с терроризмом. Не следует также противопоставлять друг другу стратегическое партнерство Узбекистана с Соединенными Штатами, с одной стороны, и с Росси-

ей – с другой. Каждое из этих направлений внешней политики имеет свою значимость и свои перспективы, и жертвовать одним ради другого означало бы совершить стратегическую ошибку. Но, так или иначе, отныне Узбекистан одновременно является стратегическим партнером бывших (или все еще нынешних?) геополитических соперников – США и РФ.

Тем временем в регионе складывается уникальная ситуация. Вашингтон и Москва, традиционные соперники в «большой игре», имеют реальную возможность для координации своей центральноазиатской политики на основе общих стратегических интересов. К последним, безусловно, относятся нераспространение ядерного оружия в Южной Азии; устранение наркотрафика из макрорегиона Центральной и Южной Азии; искоренение религиозного экстремизма и международного терроризма; ограничение гонки обычных вооружений в регионе; недопущение глобальных экологических последствий высыхания Аральского моря и других экологических катастроф. Цели и политика США и России в этих сферах не только не противоречат друг другу, но и могут быть взаимодополняющими. Центральная Азия, будучи разделена в результате глобальной геополитической борьбы между Великобританией/США и Россией/СССР за расширение сфер их влияния, может быть объединена именно благодаря им.

Отношение к единству региона – это, по сути, своего рода «лакомусовая бумажка» для проверки истинных намерений любых внешних геополитических игроков. Сегодня центральноазиатские страны оказались объектами мировой политики. Их переход от объектности к субъектности возможен только в форме полноценной региональной интеграции. В этой связи особого внимания заслуживает Договор о вечной дружбе между Республикой Узбекистан, Республикой Казахстан и Кыргызской Республикой, который был подписан 10 января 1997 года. Этот документ в принципе значит для этих стран гораздо больше, чем любые их отдельные договоры о стратегическом партнерстве с внерегиональными державами.

В начале 2005-го президент Казахстана Нурсултан Назарбаев предложил создать Союз центральноазиатских государств. «Договор о вечной дружбе между Казахстаном и Киргизстаном, Узбекистаном может послужить прочной базой для такого объединения», – сказал Назарбаев. Таким образом, стратегическое партнерство должно быть установлено прежде всего между государствами региона. Возможно, это и есть способ разрешения стратегической дилеммы.

Уникальный доступ к информации

Компания East View Information Services, Inc., надежный поставщик информации, предлагает электронные полнотекстовые базы данных периодики России и стран Ближнего зарубежья:

Центральная пресса России

- Около 60 наиболее авторитетных столичных газет и журналов
- Освещают события в сфере политики, экономики, науки, культуры и общественной жизни России
- Представляют широкий диапазон мнений
- Ориентированы на государственные и коммерческие структуры, ученых, специалистов, экспертов
- Глубина архива - с 1996 года
- Тексты изданий приводятся без сокращений
- Ряд изданий появляются на сайте накануне выхода из печати

Гуманитарные науки и литературно-художественные журналы

- Более 30 изданий Российской академии наук
- «Толстые» литературные журналы
- Независимые научные журналы
- Глубина архива - с 1997 года
- Для удобства цитирования сохранена пагинация печатных оригиналов
- Предназначена для ученых, политических консультантов, информационно-аналитических центров

Периодика стран СНГ и Балтии

- Авторитетные газеты, журналы и информационные ленты новостных агентств государств бывшего СССР
- Освещают внутренние и международные события
- Достоверный источник обширной и оперативной информации из Ближнего зарубежья
- Глубина архива – с 1997 года

Издавания Украины

- Единственное в мире электронное собрание газет, журналов и библиографических изданий Украины
- Политическая, экономическая и культурная жизнь страны, ее движение по пути реформ
- Взгляды и позиции различных политических сил, изменения в законодательстве
- Тенденции военного строительства, Украина и НАТО, роль Украины как военной державы
- Академические исследования, проблемы экономики, межнациональных отношений
- Глубина архива – с 2001 года

Смотрите полный список изданий по адресу: <http://www.online.eastview.com/titles>
По Вашему запросу предоставим бесплатный тестовый доступ
По вопросам подписки обращайтесь:

в России:
тел: (095) 777-6557, 318-0937,
факс: (095) 318-0881
E-mail: sales@mosinfo.ru

в США:
тел.: (763) 550-0962,
факс: (763) 559-2931
E-mail: sales@eastview.com

Рецензии

“Если бы в начале горбачёвской перестройки кто-то высказался за установление на постсоветском пространстве управляемой демократии, он подвергся бы беспощадному публичному осуждению. Тот факт, что советское общество, уставшее от пут жесткого авторитаризма, предпочтет демократические методы общественного устройства, считался сам собой разумеющимся”

Национализм против демократии *Сергей Караганов*
192

Магия слов *Иван Сухов*
196

Европа как осознанная необходимость *Александр Кузяков*
199

Европейские наследники «призрака коммунизма»
Владимир Швейцер
203

«Неэстрадная» политология *Павел Кандель*
207

Национализм против демократии

Сергей Караганов

Агаев Р., Али-заде З. Азербайджан. Конец второй республики (1988–1993 гг.). М.: издательский дом «Граница», 2006.

Если бы в начале горбачёвской перестройки кто-то высказался за установление на постсоветском пространстве управляемой демократии, он подвергся бы беспощадному публичному осуждению. Тот факт, что советское общество, уставшее от пут жесткого авторитаризма, предпочтет демократические методы общественного устройства, считался само собой разумеющимся. Однако политическая практика элит — коммунистических старых и нарождавшихся новых — породила доминирование таких сил и идеологий, которые, по мнению одних, затормозили общественное развитие, а по мысли других, откровенно способствовали попятным процессам. В результате слабые институты демократии пали, раздавленные мощными каркасами неоавторитаризма. «Цветные» же революции, накаты-

вающиеся то тут, то там на клановые постройки старой номенклатуры, вызваны к жизни объективными потребностями в переменах.

Разочарование особенно велико в странах Южного Кавказа, хотя социально-экономические ситуации в Азербайджане, Армении и Грузии на нынешнем этапе различны, равно как и перспективы общественного развития. Традиционный русский вопрос «Кто виноват?» задают здесь все: лидеры, интеллектуалы, политические организации самого разного толка; ответа же, политически ответственного, исторически объективного и по-человечески честного, нет.

Проанализировать противоречия, возникшие на пути от авторитаризма к демократии, от тоталитаристского мышления к глобалистскому, попытались азербайджанские ученые Расим Агаев и Зардушт Ализаде. Изданная в Москве их книга «Азербайджан. Конец второй республики» повествует об одном из самых интересных и противоречивых периодов новейшей истории

С.А. Караганов — д. и. н., заместитель директора Института Европы РАН, председатель редакционного совета журнала «Россия в глобальной политике».

Азербайджана — о драматических событиях 1988–1993 годов, связанных с борьбой за Нагорный Карабах, разрывом с Москвой, обретением независимости.

Перед нами — фрагмент живой истории, что помогает разобраться в специфике национальных устремлений, определить степень соответствия общества декларируемым благородным целям, оценить его готовность взять на себя ответственность за реализацию демократических проектов и создание национальных государственных образований.

Авторы книги не понаслышке знают то, о чем пишут: они были непосредственными участниками революционных событий в Азербайджане, хотя и стояли по разные стороны баррикад. Агаев работал в штабе правящей Коммунистической партии, в непосредственной близости от ее лидеров — Абдурахмана Везирова и Аяза Муталибова. Али-заде отдавал все силы делу структуризации нарождавшегося национально-демократического движения, став одним из основателей Народного фронта Азербайджана (НФА) — фактического прародителя большинства ныне действующих в стране политических партий и движений.

Судьба авторов является яркой иллюстрацией свойственного Кавказу характера политической борьбы — сложного и зачастую бескомпромиссного. Зардушт Али-заде на собственном опыте убедился в ог-

раниченности демократического потенциала движения, у истоков которого он стоял. Авторитарные методы НФА вполне гармонизировали с непримиримым национализмом его лидеров. Расиму Агаеву суждено было потерять свободу в годы, когда под руководством Гейдара Алиева в независимой республике утверждались порядки, названные позже управляемой демократией. (В книгу включены некоторые главы докторской диссертации, написанные в застенках.)

По мнению исследователей, революционные преобразования в Азербайджане, как, впрочем, и в ряде других бывших советских республик, были в первую очередь обусловлены не перестроечными установками из Кремля, не усилиями диссидентского движения (его в Азербайджане не было и в помине), а социальным качеством общества, приведенного в движение волной армянского сепаратизма. Притязания Армении на Нагорный Карабах поразили самый нерв нации и пробудили пассионарность масс, став «...силой, перевернувшей самосознание законопослушного азербайджанского народа».

К тому времени в рядах компартии Азербайджана — единственной тогда организованной политической силы — начали появляться партийцы с критическими взглядами реформистского толка. Чуждые партийной функциональной элите и отвергну-

тые национал-демократией, они составляли меньшинство. «И в том, и в другом случае торжествовало высокомерие большинства». В результате компартия как политическая структура, осуществлявшая государственную власть, «оказалась блокированной радикальной демократией, ударным отрядом которой были националисты всех мастей».

По мысли авторов книги, если бы с подобным кризисом межнациональных отношений Азербайджану пришлось столкнуться, скажем, двумя десятилетиями раньше, то армянскому сепаратизму противостоял бы не националистический НФА, а космополитический Баку. И исход этой борьбы, равно как ее идейно-политические составляющие, мог быть иным.

Вовсе не случайно, считают исследователи, первыми в демократическое движение включились русскоязычные интеллектуалы. (Многие из них и сейчас составляют либеральное крыло азербайджанской интеллигенции, в отличие от радикальных националистов НФА, перешедших в разного рода карликовые партии, где они продолжают оппонировать и правящему режиму Алиевых, и находящимся в оппозиции либералам.) Народный фронт Азербайджана мыслился русскоязычными интеллектуалами как организация не националистическая, а демократическая; своих сторонников они готовили к эволюционным преобразованиям.

«Я мечтал об организации, управляемой патриотическими интеллектуалами, способными трезво анализировать ситуацию и принимать оптимальные решения, гарантирующие достижение целей перестройки, а именно — демократизацию, переход собственности из-под контроля номенклатуры под контроль трудящихся, свободу слова, многопартийность и честные выборы», — пишет Али-заде.

Однако оказалось, что «создавать НФА как союз самостоятельных организаций в Азербайджане было не из чего». Выяснилось также, что время интеллектуалов в Баку прошло. Радикальные националисты на первом же митинге потребовали, чтобы ораторы выступали исключительно на азербайджанском языке, и многие восприняли это требование как вполне патриотичное. На самом же деле таким нехитрым образом от общедемократического движения отсекалась вся русскоязычная часть населения: по-европейски образованные азербайджанцы представляли собой именно тот человеческий материал, который, собственно, и был ориентирован на общечеловеческие ценности.

Очень скоро радикалы-националисты просто закрыли Али-заде доступ к трибуне, ему и его сторонникам пришлось оставить ряды организации, которая продолжала считаться выразительницей народных чаяний. Пройдет совсем не-

много времени, и логика борьбы похоронит идею эволюционных преобразований. «Азербайджанское общество расколется на два яростно противостоящих лагеря. С одной стороны встанет стена партийно-хозяйственной номенклатуры, неспособной идти до конца путем перемен, с другой – разъяренная и кипящая масса. Инициаторы НФА или отсеются, или станут шепками на волнах стихии...»

В сущности, в Азербайджане, как, впрочем, и в некоторых иных регионах, произошло то, с чем в свое время столкнулось народное антимонархическое движение в Иране, когда, в частности, такие лидеры с либеральными воззрениями и западным образованием, как Аболхассан Банисадр и Мехди Базарган, были оттеснены толпой фанатиков, ведомой муллами. Ранее та же участь постигла Ахмеда Бен Беллу в Алжире. Идеи национализма куда более понятны широким массам, чем принципы демократии или либеральные воззрения.

Карабахский сепаратизм, в котором азербайджанцы увидели проявление извечной армянской экспансии, сыграл роль детонатора в пробуждении азербайджанского национализма. К этому времени в Баку развился и укрепился новый слой интеллигенции негородского типа: «За неполные 20 лет – с 1959 по 1987 год – численность городского населения возросла на 63 %» за

счет переселенцев из азербайджанской глубинки. Доминирующая роль новых интеллигентов в описываемых событиях была предопределена тем фактом, что они составляли большинство в духовной и общественной жизни: в Академии наук, творческих союзах, вузах. В этом свете вполне логичным выглядит переход бывшего члена Политбюро ЦК КПСС, генерала КГБ Гейдара Алиева под знамена национализма, благодаря чему и стало возможным его второе возвращение к власти. Еще до того как Абульфаз Эльчибей, лидер Народного фронта Азербайджана, передал ему отбранную у коммунистов власть, в лагерь опытного политика переметнулись многие вожди митинговых батальонов. Так союз революционных националистов и экс-коммунистов покончил со второй республикой (первая – Азербайджанская Демократическая Республика – просуществовала с 1918 по 1920 год; вторая – Азербайджанская ССР – с 1920 по 1991 год, третья возникла в результате провозглашения суверенитета Азербайджана 18 октября 1991 года. – **Ред.**).

В книге Агаева и Али-заде азербайджанский национализм видится идеологией без национальной идеи, а потому предстает как своекорыстная и циничная борьба за власть. Закономерным итогом этой борьбы явилось то, что «Азербайджан обрел независимость, но остался без Карабаха, без

демократии, без перспективы». Таков вывод авторов исследования.

Вместе с тем победивший национализм для многих в Азербайджане остается идеологией вчерашнего дня. Раскаты «цветных» революций, а также коммуникации в энергетической сфере, вызванные к жизни объективными потребностями

мировой экономики, ведут к вращению страны в мировой рынок, расширению интеграции с европейскими политическими системами и освоению их духовных ценностей. Так что в споре азербайджанских националистов и демократов последняя точка еще не поставлена.

Магия слов

Иван Сухов

Виктор Шнирельман. Быть аланами: интеллектуалы и политика на Северном Кавказе в XX веке. Новое литературное обозрение. 2006. 696 с.

События, которые в последние полтора-два десятилетия развиваются в северокавказских республиках в жанре то политического детектива, то боевика, — это лишь дым над поверхностью огромного торфяника этнических противоречий, корнящихся в далеком прошлом. В условиях относительного замирения российского Кавказа знание истории и культуры кавказских народов, как таковой, и — что особенно важно — представление о том, как они сами

видят свое прошлое, необходимо для организации управления, способного предотвратить возобновление вооруженных конфликтов.

Монография Виктора Шнирельмана «Быть аланами: интеллектуалы и политика на Северном Кавказе в XX веке», наверное, первая серьезная академическая попытка разобраться в хитросплетениях кавказских этнических мифов. Один из таких мифов тесно связан с аланами. Хотя речь идет об ираноязычных племенах сарматского происхождения, живших в Приазовье и Предкавказье начиная с I столетия, оказалось, что «аланский фактор» и сегодня весомо присутствует в жизни современного Кавказа.

И.А. Сухов — к. и. н., обозреватель газеты «Время новостей».

В последние полтора десятилетия данное понятие привычно относят к Северной Осетии, которую новейшая политическая традиция представляет как едва ли не единственный оплот российской государственности на Кавказе. Именно эта республика в начале 1990-х годов добавила древнее понятие «Алания» к своему официальному наименованию. Но, с точки зрения автора, аланский феномен также играет существенную роль в самосознании чеченцев, ингушей, балкарцев и карачаевцев. «Аланство» — это почти такая же историческая, этническая и политическая вселенная, как адыгский мир, включающий в себя несколько этносов Западного Кавказа. Принадлежность к этой вселенной очень важна, хотя сама по себе она, по сути, сконструирована усилиями идеологов и ученых.

Представление об аланских предках и собственной роли в древней истории Кавказа у всех народов разное, и свою культурную, историческую и языковую связь с древними аланами они выстраивают разными способами, преследуя при этом различные цели. Ираноязычные осетины, в частности, ищут в аланской истории собственные корни, оправдывая ими свои территориальные амбиции, которые оспариваются их соседями ингушами. Автохтонные ингуши и чеченцы, в свою очередь, обосновывают этим фактором свое право жить на равнине (ингуши, например, утверждают, будто их новая

столица Магас располагается на месте древнего аланского города). Тюркоязычные балкарцы и карачаевцы, живущие в двусоставных республиках Кабардино-Балкарии и Карачаево-Черкесии, используют его, чтобы доказать свое единство и причастность к исконному кавказскому миру. Это очень важно для них на фоне мифа о черкесском единстве, объединяющего их соседей кабардинцев и черкесов.

Но аланская легенда является лишь частью исторической традиции, которую изучает Шнирельман. Его заслуга состоит в том, что он взялся осмыслить и проанализировать огромный объем литературы, созданной кавказскими авторами в течение XX столетия в условиях гражданской войны, советского государственного строительства, сталинских репрессий и депортаций, возвращения из ссылки депортированных народов, возрождения националистических движений, «бунта этничности» конца 1980-х — начала 1990-х годов и конфликтов последних полутора десятилетий. Исследователь выделяет пять периодов в политической и идейной истории Кавказа XX века. Это *этнизация* (создание в 1920-е первых версий этнической истории), *интернационализация* (возникновение и разрушение идеи кавказской общности в ходе советского национального строительства), *консолидация* (формирование советской системы автономий, титульных

этносов и меньшинств), *сопротивление* (возрождение этнического самосознания после возвращения из ссылки депортированных народов) и, наконец, *буря и натиск* в годы развала СССР и становления Российской Федерации.

В эти периоды авторы – представители различных этнических групп зачастую прибегали к вольной интерпретации исторических источников и археологических данных, что постепенно привело к формированию мощнейших и зачастую взаимоисключающих традиций, носящих ярко выраженный этноцентристский характер. В итоге у каждой этнической группы сформировалась собственная псевдоистория, в которой и скрыты источники большинства происходящих на Кавказе событий. Практика (например, в случае урегулирования осетино-ингушского конфликта) показывает, что все попытки сугубо прагматического решения проблем наталкиваются на необходимость демонтажа прочнейших систем представлений, которые сложились у конфликтующих сторон.

Среди современных экспертов по Северному Кавказу модно обсуждать «право этнической собственности на землю». Это представление вынесено кавказскими народами из глубокого прошлого, и оно приходит в противоречие с российским земельным и гражданским правом и основами федеративного устройства страны. Примерно такой же процесс происходил

и в историографии: исследователь показывает, как из года в год формировалось право «этнической собственности на историю». Каждая группа пользовалась своей историей для решения определенных задач. Происходило, по меткому выражению автора, «историческое мифотворчество». Созданные мифы могут, хотя и необязательно, служить важнейшими конфликтогенными факторами. Но могут играть и стабилизирующую роль, сдерживая амбиции этнической группы, находя необходимые компенсационные механизмы в славном прошлом. Виктор Шнирельман приходит к выводу, что «магия слов» помогает людям «в обретении того, чего они не могут достичь с помощью грубой силы».

Помимо исторической и псевдоисторической традиции северокавказских этносов, исследователь пристально изучает и смыслы, вложенные в их символику и самоназвания. Они, по мнению автора, связаны не только с культурной и языковой спецификой, но и с системой ценностей, ориентацией в мире в целом и среди соседей в частности, с границами политических притязаний и правилами определения врагов и союзников. Строго говоря, речь идет о важности тех моментов, которым российский политический истеблишмент, в особенности в последние годы, практически не уделял внимания. Например, почему Осетия стала называться Аланией, Чечня – Ичке-

рией и вновь Чечней, а Ингушетия так и осталась Ингушетией? Между тем малозначительной игрой слов такие вещи могут казаться только дилетантам. В реальности здесь действует даже не «магия слов», а «политика имени», значение которой в современном мире трудно переоценить.

В эпиграф книги вынесена фраза Сержа Московичи (известный французский социальный психолог, р. 1926 г. — Ред.): «Любая политика, стремящаяся к власти над массами, будь то партия, класс или нация, должна быть политикой воображения». Данной рекомендации, безус-

ловно, должно следовать любое правительство полиэтнического и поликонфессионального государства, если оно хочет найти язык, который не только приемлем и понятен для всех групп населения, живущих на его территории, но и способен сыграть консолидирующую роль. Эту мысль блестяще дополняет высказывание Пьера Бурдьё (французский социолог, 1930–2002 гг. — Ред.):

«Сила слов и лозунгов, способная поддерживать или подрывать социальный порядок, основана на вере в полномочность слов и тех, кто их произносит».

Европа как осознанная необходимость

Александр Кузяков

Александр Чубарьян. Российский европеизм. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2006.

Европеизм, как явление российской и европейской жизни, неразрывно связан с эволюцией общественного сознания, и обращение к его исследованию предполагает выход за пределы только экономических, географических и геополитических кон-

цепций. Именно такой подход избрал в своей книге известный историк, академик Российской академии наук Александр Чубарьян.

Представая в самых различных ипостасях — от идеологии до сферы обыденного массового сознания, европеизм отражает восприятие Европы в качестве определенной общности и осознание принадлежности к

А.В. Кузяков — ответственный редактор журнала «Россия в глобальной политике».

ней. Постоянным его спутником, как следует из книги, всегда являлась проблема формирования «образа другого», «осложненная» политикой, конъюнктурными интересами, национальными и религиозными факторами. Всем своим содержанием книга призвана внести полновесный вклад в развитие диалога между народами, который на протяжении веков ведется вокруг темы «Россия и Европа».

Центральное место занимает вопрос о том, «как в реальной жизни и в динамике Россия принадлежала Европе (то приближаясь к ней, то отдаляясь от нее), в какой мере российское общество ощущало себя частью европейской цивилизации, культуры, политического и социального устройства» (с. 14). Тем более что Россия оказалась в наименее выгодном положении по отношению к процессам исторического становления европейской цивилизации, долгое время оставаясь и в географическом, и в политическом смысле «крайней» в Европе. Последняя же питала к ней, по выражению русского публициста и социолога Николая Данилевского, «солидарную враждебность» (с. 214). Этот аргумент нередко являлся и остается поводом для противопоставления России Европе. Но автор призывает более взвешенно подойти к рассмотрению сущности отношений, «внутреннего сродства» России и Европы.

Историю Европы сравнивали с зеркалом европейского сознания, в ко-

тором просматриваются черты ее нынешнего облика. В основе осознания европейцами своей принадлежности к культурной и политической целостности многие находили не столько внешние, культурно-исторические, критерии, сколько закономерности и тенденции, увиденные во взаимосвязи национального и общего.

Европа сложилась как некое общество далеко не сразу, а лишь в результате преодоления вековых распрей и взаимных претензий. Александр Чубарьян шаг за шагом прослеживает, как создавались проекты ее объединения от Данте и Эразма Роттердамского до Сюлли и Генриха Наваррского, как модели греческих амфиктионий, державных директорий, ареопага европейских кабинетов и дворов постепенно уступили место более широкому замыслу федеративного устройства. Ярко обрисовано соперничество за сознание европейцев между проектами Сен-Пьера о формальном соглашении европейских монархов и Канта о союзе народов. Наконец, значительное внимание академик Чубарьян уделяет борьбе консервативного и либерально-демократического направлений в европейской мысли. В распоряжение читателя предоставляется подробный исторический анализ концентрации европейской мысли вокруг идеи объединения Европы, превратившейся в течение бурного XX столетия в союз европейских народов.

Одна из центральных идей, нашедших отражение в истории европейской мысли, заключалась в том, что сущностные отличительные признаки Европы — в ее многообразии. Развивая данную мысль, автор рецензируемой книги пишет, что «в этой диалектике общего и особенного, во взаимодействии национальной государственности и стремлении к выработке общеевропейских правил и законов проявилась одна из основных черт просветительской мысли Европы XVIII в.» (с. 146). Вопреки предвосхищениям многих мыслителей, включая Бенедетто Кроче, это многообразие не растворилось в новом бытии. И сегодня ростки осознания европейцами своего единства в многообразии пробивают себе дорогу сквозь толщу европейской бюрократии. «В самой объединенной Европе не исчезает, а иногда даже нарастает стремление к сохранению национальной специфики и собственных интересов европейских стран, причем даже тех, которые были главными «моторами» европейской интеграции» (с. 412). В этой связи представляется весьма плодотворной предпринятая Чубарьяном попытка установить параллели между опытом решения проблемы идентичности в европейском целом и историческим опытом России.

Рецензируемый труд дает читателю возможность соприкоснуться с историей формирования современ-

ной европейской цивилизации начиная с древнейших времен, сопоставив развитие и взаимопроникновение процессов западного и российского европеизма. Точкой отсчета для последнего на современном этапе, по мнению Александра Чубарьяна, с полным основанием можно считать петровское время. Пётр I фактически ввел Россию в «концерт европейских держав», благодаря ему и стараниями Екатерины II «европейское просвещение причалило к берегам завоеванной Невы».

Естественно, важное место в книге занимает наследие российских просветителей, которые вводили Россию в русло европейских идей. Однако автору важно продемонстрировать, что причастность России к событиям в Европе не снимала глубоко противоречивого отношения российской общественной и политической мысли к европейским ценностям. Российский европеизм — широкое понятие, включающее в себя элементы и критики, и даже неприятия. Поэтому дискуссии, которые разворачивались вокруг темы «Россия и Европа», объединяли не только убежденных сторонников, но и противников, а также тех, кто склонялся к «позиции синтеза и определенного концептуального компромисса» (с. 223). Дискуссии XIX столетия имеют большое значение и для понимания особенности разногласий по данной проблеме на современном

этапе. В развитие темы рассматривается понятие «русской идеи», которая, по мнению Александра Чубарьяна, всегда существовала в двух вариантах — в принятии или в противопоставлении Западу (прежде всего Европе). Взаимоотношениям «русской идеи» и «европеизма» посвящена отдельная глава книги.

Рассуждая о главном препятствии более тесным отношениям между Россией и Западной Европой, российский историк считает, что на протяжении всего XX века им являлось глубокое различие в системе ценностей. Одним из исторических примеров, отражающих суть данной проблемы, могут служить приводимые в книге слова Уинстона Черчилля: «Реальные границы между Европой и Азией — не цепи гор, не природные рубежи, но система веры и идей, которую мы называем Западной Цивилизацией» (с. 297). По убеждению автора, Россия долгое время не рассматривалась в качестве члена или партнера в проектах интеграции XX столетия именно по таким параметрам, как демократическое устройство, обеспечение свобод и прав человека, терпимость во всех областях, включая и религию, право человека на политический выбор.

На рубеже нового тысячелетия развитие России позволило говорить о создании предпосылок для принципиально нового этапа в эволюции «русского европеизма». Гарантия

действенности указанных предпосылок, несомненно, в однотипности экономических отношений, что отражает объективные процессы истории, но решающим обстоятельством, полагает академик, явились политическая воля российского руководства и изменение восприятия Европы в самых различных слоях российского общества.

Основным содержанием нового этапа в развитии российского общественного сознания должно стать, по мнению академика Чубарьяна, понимание и усвоение европеизма, в том числе и как типа культуры (интеллектуальной, элитарной), и как явления повседневной жизни. Одной из необходимых предпосылок должно стать приобщение самых широких слоев общества к политической культуре, достигнутой западными странами. В то же время несомненным историческим фактом является то, что Россия и в географическом, и в культурно-историческом плане принадлежит в равной степени и Европе, и Азии. Из всего сказанного автор делает важнейший методологический и практический вывод: предназначение России — выступать в качестве синтеза двух великих цивилизаций. Тем самым новому варианту «русского европеизма» отводится в книге особая роль в связи с укреплением российской государственности и апелляцией к национальным российским традициям и ценностям» (с. 412).

Эволюция «русского европеизма» на новом этапе, считает Александр Чубарьян, в немалой степени зависит от позиции самих европейцев, от того, насколько они готовы принять его. Детально очерчивая возможность соединить российские особенности с принципами, уровнем

и условиями жизни западных демократий, автор убежден в том, что от сознания и воли народов в конечном итоге зависит, будет ли Россия принадлежать Европе, а стало быть, перспектива дальнейшего развития и прогресса, включая диалог культур и цивилизаций.

Европейские наследники «призрака коммунизма»

Владимир Швейцер

Европейские левые на рубеже тысячелетий / Институт Европы Российской академии наук; Научный совет «Партийно-политические системы XXI века». М.: Огни ТД, 2005. 368 с.

Серп как символ коммунистического движения и социал-демократическая роза в обрамлении двенадцати звезд Европейского союза... Рисунок на обложке книги «Европейские левые на рубеже тысячелетий» раскрывает читателю ее основную тему — партии и движения, вышедшие из марксистско-ленинской шинели. Авторы книги (а это не только сотрудники РАН, но и представители профессорско-преподавательского со-

става московских вузов, политологи из других городов России и из-за рубежа, эксперты ряда независимых исследовательских центров и фондов) придерживаются различных идейно-политических взглядов.

Одни ученые полагают, что крах коммунистического движения предредел и фиаско социал-демократии (с. 30), свидетельством чего является наблюдаемый сегодня дрейф западной социал-демократии к неолиберализму. Другие вообще лишают социал-демократию права называться левой силой, указывая не только на отказ многих ведущих партий — членов Социнтерна от свойственных им в прошлом широких социальных

В.Я. Швейцер — д. и. н., главный научный сотрудник Института Европы РАН.

программ, но и на поддержку ими силового решения конфликтов на Балканах и Ближнем Востоке. А некоторые эксперты, напротив, говорят и об очевидных успехах социал-демократических партий на различного рода европейских выборах (с. 36), и о том, что провал «реального социализма» отнюдь не поколебал социал-реформаторские устои. Мол, несмотря на очевидные временные издержки в сфере реальной политики, социал-демократия отнюдь не превратилась в некое левое подобие идеологии либерал-консерваторов.

Столь же неоднозначны и подходы к оценке исторического пути компартий на востоке и западе Европы. Согласно одной из версий, коммунистическая доктрина рухнула потому, что не смогла предложить конкретную альтернативу капитализму (с. 73). В странах, где коммунисты стояли у власти, они в той или иной степени остались заложниками сталинской державно-националистической идеологии (с. 75). Эти пути и сегодня мешают коммунистам стать нормальными европейскими демократами — такими, которых нельзя заподозрить в стремлении вернуться «в светлое вчера».

Другая группа авторов, признавая ущербность сталинизма как механизма реализации социалистических идеалов, делает упор на очевидных, с их точки зрения, достижениях «реального социализма» в социальной сфере, культуре, науке, образовании.

По их мнению, важнейший фактор, нанесший непоправимый урон идеалам коммунизма, — «вступление России на капиталистический путь развития» (с. 93).

Европейские наследники международного коммунистического движения рассматриваются в монографии как «новые европейские левые» (с. 21). Их новизна заключается либо в идейно-организационном разрыве с прошлыми коммунистическими структурами, либо в существенной перестройке своих теоретических установок и отчасти практики в условиях меняющегося мира. (При этом «старыми левыми» названы социал-демократы Западной Европы, не прошедшие в последние 15–20 лет структурно-идеологическую эволюцию, характерную для партий коммунистического толка.)

Наиболее яркие представители «новых левых» — неосоциал-демократы, полностью воспринявшие теоретические установки и политический дискурс западноевропейских реформистских партий. В таких странах, как Болгария, Венгрия, Литва, Польша, Румыния, Чехия, они смогли проявить себя не только как оппозиционная, но и как правящая политическая сила. В сфере внутренней политики их основная задача заключалась в переходе (с минимальными социальными издержками) к развитой рыночной экономике. В области внешней политики они стремились к скорейше-

му вступлению в Европейский союз. Данные цели оказались реализованы лишь частично, ибо проблемы переходного периода не могут быть решены в столь короткий исторический отрезок (с. 288, 294).

В Западной же Европе неосоциал-демократию представляет итальянская партия «Левые демократы» (ЛД), вобравшая в свои ряды большинство членов некогда могучей Итальянской коммунистической партии. Подобно своим восточноевропейским единомышленникам, ЛД приобрела опыт и оппозиционной деятельности, и несения правительственной ответственности. Сегодня можно говорить об очевидной устойчивости «Левых демократов» как одной из ведущих политических сил современной Италии (с. 209–217).

Другое звено «новых левых» — левые социалисты. Порвав с марксистско-ленинским идейным наследием, они не стали политическими двойниками социал-демократов (Греция, Испания, скандинавские страны). С одной стороны, левые социалисты подвергают социал-демократизм конструктивной критике, с другой — оказывают политическую поддержку (в Швеции) социал-демократам, противостоящим блоку буржуазных партий (с. 192–199). Согласно прогнозу авторов, политическое вымирание левому социализму не грозит: питательной средой для него при определенных условиях могут стать как часть неоккоммуни-

стов, так и те, кто разочарован в политике традиционной европейской социал-демократии.

Вместе с тем в большинстве других стран подобная эволюция крайне затруднена, ибо далеко не все посткоммунистические партии отказались от прошлых воззрений и догматической тактики в политике. (Эти партии также могут быть причислены к «новым левым», однако в гораздо более узком смысле данного термина.)

К примеру, Французская коммунистическая партия (ФКП) растеряла в последние годы свои некогда прочные электоральные позиции. Авторы соответствующих статей монографии приводят причины падения престижа ФКП во французском обществе, исходя из результатов серьезных социологических исследований (с. 148–174).

В то же время нельзя утверждать, что коммунизм повсеместно потерпел провал. Уход коммунистов с политической арены характерен для стран, где те прежде не занимали значимых политических позиций (Австрия, Бельгия, Великобритания, Дания, Норвегия и др.). По мнению авторов монографии, крах этого отряда посткоммунистов обусловлен как объективными историческими причинами — наличием мощной социал-демократической партии с левыми критиками внутри нее, так и важными субъективными обстоятельствами. «После саморос-

пуска КПСС малые компартии лишились жизненно важной для них идеологической, моральной и финансовой поддержки» (с. 24). В таких же странах, как Кипр или Чехия, местные коммунисты смогли в последние годы не только сохранить, но и укрепить позиции в органах законодательной власти. Такой успех стал возможен в результате пересмотра коммунистами некоторых идеологем, использования гибкой политической тактики, а также налаживания сотрудничества по отдельным вопросам и с местными социал-демократами, и с репрезентативными силами правого лагеря. Отмечу и определенные подвижки в том, что касается координации курса некоммунистов в Европейском парламенте и создания их собственного трансъевропейского объединения (с. 102–128).

Монография не обходит вниманием и антиглобалистское движение. Ряд исследователей призывают отличать антиглобалистов, допускающих незаконные методы борьбы, от альтерглобалистов — разумных участников диалога о судьбах глобализирующегося мира. Последних можно причислить к левому спектру европейской политики, тем бо-

лее что в их рядах немало и социал-демократов, и коммунистов.

Вместе с тем высказывается и такая резкая точка зрения, согласно которой антиглобалисты объективно подрывают демократические устои западной цивилизации, во многом совпадая по целям с такими антисистемными силами современной Европы, как сепаратисты, антиевропейцы или даже фундаменталисты-исламисты, не гнушающиеся использования террористических методов (с. 86–87).

Имеет ли право на существование в XXI столетии концепция «левой идеи»? Эффективна ли схема «левые — правые»? Авторы монографии по-разному отвечают на этот вопрос. Однако «очевидно, что <...> в условиях борьбы человечества не за светлое будущее <...>, а за выживание в условиях неизбежных глобальных катастроф, будь то климатические подвижки или неизвестные современной медицине болезни, всё усиливающихся противоречий между “золотым миллиардом” и “третьим, бедным миром”, одним из проявлений которых является терроризм фундаменталистского толка, эта схема уже не может дать ответ на вопросы XXI века» (с. 366).

«Неэстрадная» политология

Павел Кандель

Афанасьев М.Н. Невыносимая слабость государства: Очерки национальной политической теории. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2006. 272 с.

Книга Михаила Афанасьева — это сборник статей, написанных в разное время и объединенных одной целью: исторически и концептуально описать постноменклатурный олигархический патронат. По сути, речь идет о таком феномене, как «властный порядок и господствующий слой в сегодняшней России». Этот феномен сложился на основе приватизации административной и природной ренты и адаптировал «под себя» современный институциональный дизайн.

Основными его характеристиками являются: частное присвоение средств и ресурсов политического и экономического господства; патерналистский, «семейный», неформальный характер, стабильно воспроизводимый и на уровне «управляющие — управляемые», и во взаимоотношениях властей предрержащих; патрон-клиентные связи, частные союзы защиты и под-

держки («команды» и «крыши») как наиболее действенные инструменты господства и обмена ресурсами, восполняющие «дефицит государства» и одновременно подрывающие публичные институты (с. 111).

Автор развивает и примеряет к различным сторонам российской действительности свою концепцию клиентелизма, которую он изложил в прочно вошедшей в научный обиход и постоянно цитируемой монографии «Клиентелизм и российская государственность» (М., 1997). По его мнению, это явление стало «устойчиво воспроизводимой матрицей социального поведения и взаимодействия» (с. 83). Проследившая эволюцию патроната в ходе «укрепления государства», инициированного Владимиром Путиным и сопровождавшегося деградацией публичных институтов и исчезновением субъектов политического процесса, Афанасьев подводит ее итоги самим названием своей книги. Несомненное достоинство книги — рассмотрение исследуемого феномена с самых различных точек зрения, чему способствовал богатый опыт авто-

П.Е. Кандель — к. и. н., заведующий сектором этнополитических конфликтов Института Европы РАН.

ра, успевшего поработать и в Конституционной комиссии, и в аппарате представителя президента в Астраханской области, и в Администрации президента. Если большинству отечественных политологов свойственна партийность, если не сказать «клановость», выражающаяся в благосклонности к «своим» и немилосердности к «чужакам», то Афанасьев сумел сохранить профессиональную непредвзятость и демонстрирует самостоятельную авторскую позицию. Его анализ общественного строя и политического режима настолько последователен и бескомпромиссен, что книге пришлось преодолевать на пути к читателю административные барьеры, — не частый случай даже в сегодняшних условиях. Вместе с тем «парадоксальный “властечентризм” либерального сознания, постоянно выбирающего между позицией во власти и позицией против власти» (с. 211), тоже не привлекает автора.

Внутренний пафос книги — в оспаривании навязываемого ложного выбора и мнимых альтернатив социально-политическому развитию страны, в противостоянии политтехнологическому словоблудию и сознательной мифологизации, «когда вопросы национального значения превращаются в игральные карты прикладного “кремлеведения» (с. 259).

Со многими утверждениями автора можно, конечно, не согласиться. Например, излишне категоричным представляется вывод о том, что

«нет оснований полагать, что мы имеем дело с кратковременным явлением — так называемым “трансфертным классом”, чье социальное бытие-сознание размывается в ходе капиталистической трансформации... Наоборот, в стране сложился весьма устойчивый порядок господства и практикующий его социальный слой, который сегодня закрепляет политические и социально-экономические основы этого порядка».

На самом деле нынешняя непоколебимость данного «класса» не столь безусловна в масштабах истории. Да и сами его представители, усматривающие гарантии своего завтрашнего благополучия в офшорных счетах и заграничной недвижимости, видимо, гораздо менее уверены в незыблемости этого порядка. Более того, характер их деловой активности (хищническая эксплуатация уже имеющегося и явное нежелание инвестировать на родине), их пассивно-податливая роль в политике, отсутствие внутренней солидарности — все это позволяет сомневаться в том, что они вообще ощущают себя классом. В любом случае предлагаемые средства лечения данного социального недуга — административная реформа или конкурсный выбор правительства — выглядят не более эффективными, чем «капли датского короля». С переформатированием подобных новаций «под себя» такой строй успешно справится.

Спорным кажется и утверждение, будто «в постсоветском обществе су-

ществует лишь один сквозной социально-политический разлом: оно разделилось на тех, кто идентифицирует себя с советским строем, и тех, кто с ним уже простился» (с. 105,151). Этот разлом действительно наиболее выражен, однако и «несоветское большинство» поддается социальной, политической и идейной стратификации, о чем можно судить хотя бы по данным опросов.

Трудно разделить убежденность Афанасьева в том, что «мнение о негодности Конституции в ее нынешнем виде — вредный политический миф» (с. 182). Ведь российская Конституция, сделавшая президента «выборным самодержцем», не случайно не имеет аналогов ни в одной постсоциалистической стране Центральной и Юго-Восточной Европы, и даже в тех из них, что мало отличались от России по степени вызревания необходимых предпосылок демократии. Попытка пойти по этому пути была предпринята только в Албании, да и там она не удалась. Характер тех конституций, которые в переломный момент истории утвердили парламентскую или парламентско-президентскую форму правления в своих странах, оказался одним из главных факторов, удержавшим эти страны от злосключений, подобных нашим.

Концепция автора значительно бы обогатилась, если бы российский случай (при всей его уникальности)

был рассмотрен в сравнении с опытом других постсоциалистических государств. Так, на страницах книги много и справедливо сказано о российской псевдопартийности, при которой политические партии, перестав быть субъектами политики, естественно утрачивают доверие и интерес со стороны избирателя. Но и в странах, где свободная состязательность политических сил и смена власти по итогам выборов стали нормой, политическим партиям, хотя они и являются важнейшими субъектами политики, граждане доверяют меньше, чем каким-либо другим государственным и общественным институтам. Стало быть, корни проблемы надо искать глубже.

Некоторые прогнозы, изложенные в ранних статьях, не вполне оправдались. Это касается, например, предсказания 2000 года о том, что нас ждет не «ужесточение режима», а «ужесточение торга» президента с региональными «баронами» (с. 100). Вместе с тем во времена повсеместной имитационности любая попытка серьезного разговора об общезначимых явлениях заслуживает признания. Тем более если такой разговор ведется невзирая на преобладающие идейные поветрия и на фоне превращения отечественной политической науки с ее нынешней стилистикой и склонностью к поверхностной публицистичности в некий эстрадный жанр...

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

- КАРАГАНОВ**
Сергей Александрович
(председатель) д. и. н., председатель президиума Совета по внешней и оборонной политике, заместитель директора Института Европы РАН
- АРБАТОВ**
Алексей Георгиевич член-корреспондент РАН, заведующий Центром международной безопасности ИМЭМО РАН
- АХТИСААРИ Мартти** президент Финляндии в 1994–2000 гг.
- БЕЛОУСОВ Лев Сергеевич**
(заместитель председателя) д. и. н., профессор исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова
- БЕРГСТЕН Фред** доктор экономики, директор Института международной экономики (Вашингтон, США)
- БИЛЬДТ Карл** член Наблюдательного совета корпорации *RAND*, премьер-министр Швеции в 1991–1994 гг.
- ГРИГОРЬЕВ**
Владимир Викторович
(в личном качестве) советник руководителя Федерального агентства РФ по печати и массовым коммуникациям
- ЖУКОВ**
Александр Дмитриевич
(в личном качестве) заместитель председателя Правительства РФ
- ЗВЕРЕВ**
Сергей Александрович президент ЗАО «Компания развития общественных связей»
- ИВАНОВ Игорь Сергеевич**
(в личном качестве) к. и. н., секретарь Совета безопасности РФ
- КАЙЗЕР Карл** профессор, приглашенный исследователь, Гарвардский университет
- КОЖОКИН**
Михаил Михайлович к. и. н., заместитель президента — председателя правления ЗАО «Внешторгбанк. Розничные услуги»
- КОКОШИН**
Андрей Афанасьевич член-корреспондент РАН, председатель Комитета Государственной думы РФ по делам СНГ и связям с соотечественниками, директор Института проблем международной безопасности РАН
- КОЛЬ Гельмут** канцлер ФРГ в 1982–1998 гг.
- КОМИССАР**
Михаил Витальевич генеральный директор ЗАО «Интерфакс»
- КОПЬЕВ**
Вячеслав Всеволодович к. ю. н., заместитель председателя Совета директоров АФК «Система»
- КУЗЬМИНОВ**
Ярослав Иванович к. э. н., доцент, ректор Государственного университета — Высшей школы экономики
- ЛАВРОВ Сергей Викторович**
(в личном качестве) министр иностранных дел РФ
- ЛИВШИЦ**
Александр Яковлевич д. э. н., профессор, заместитель генерального директора ОАО «Русский алюминий»

ЛУКИН Владимир Петрович	д. и. н., профессор, Уполномоченный по правам человека в РФ, Чрезвычайный и Полномочный Посол РФ
ЛУКЪЯНОВ Федор Александрович	главный редактор журнала «Россия в глобальной политике»
МАУ Владимир Александрович	д. э. н., профессор, ректор Академии народного хозяйства при Правительстве РФ
МОНБРИАЛЬ Тьерри де	президент Института (Академии наук) Франции, директор Французского института международных отношений
НИКОНОВ Вячеслав Алексеевич (заместитель председателя)	д. и. н., президент фонда «Политика»
ОВЧИНСКИЙ Владимир Семенович	д. ю. н., советник председателя Конституционного Суда РФ, генерал-майор милиции в отставке
ПОЗНЕР Владимир Владимирович	президент Российской телевизионной академии, автор и ведущий телепрограммы «Времена»
ПРИМАКОВ Евгений Максимович	академик РАН, президент Торгово-промышленной палаты, премьер-министр РФ в 1998–1999 гг.
ПРИХОДЬКО Сергей Эдуардович (в личном качестве)	помощник Президента РФ
РЫЖКОВ Владимир Александрович	к. и. н., депутат Государственной думы РФ
ТЕЛЬЧИК Хорст	председатель <i>Teltschik Associates</i> , руководитель управления внешней политики ведомства канцлера ФРГ в 1982–1998 гг.
ТОРКУНОВ Анатолий Васильевич	д. п. н., профессор, ректор Московского государственного института международных отношений (У) МИД РФ, Чрезвычайный и Полномочный Посол РФ
УОЛЛЕС Уильям, лорд	профессор Лондонской школы экономики
ХАКАМАДА Ирина Муцуовна	к. э. н., доцент, сопредседатель «Комитета-2008»
ХОУГ Джеймс	главный редактор журнала <i>Foreign Affairs</i>
ШМЕЛЁВ Николай Петрович	академик РАН, директор Института Европы РАН
ЭЛЛИСОН Грэм	профессор Гарвардского университета, директор Белферского центра, бывший заместитель министра обороны США
ЮРГЕНС Игорь Юрьевич	к. э. н., первый вице-президент, руководитель направления по работе с государственными и правительственными организациями группы «Ренессанс Капитал», вице-президент Российского союза промышленников и предпринимателей (работодателей)
ЯСТРЖЕМБСКИЙ Сергей Владимирович (в личном качестве)	к. и. н., помощник Президента РФ, Чрезвычайный и Полномочный Посол РФ, специальный представитель Президента РФ по вопросам развития отношений с Европейским Союзом

НАУЧНО-КОНСУЛЬТАТИВНЫЙ СОВЕТ

АДАМИШИН Анатолий Леонидович	к. и. н., Чрезвычайный и Полномочный Посол РФ
БУТОРИНА Ольга Витальевна	д. э. н., завкафедрой европейской интеграции МГИМО(У) МИД РФ
ВИШНЕВСКИЙ Анатолий Григорьевич	д. э. н., директор Центра демографии и экологии человека ИНХП РАН
ГРИГОРЬЕВ Леонид Маркович	к. э. н., ведущий научный сотрудник ИМЭМО РАН, президент Ассоциации независимых центров экономического анализа
ЛОМАНОВ Александр Владимирович	д. и. н., ведущий научный сотрудник ИДВ РАН
МИРСКИЙ Георгий Ильич	д. и. н., профессор, главный научный сотрудник ИМЭМО РАН
ШКУНДИН Марк Зусьевич	к. и. н., ведущий исследователь ИМЭМО РАН
ЭНТИН Владимир Львович	к. ю. н., доцент МГУ, старший научный сотрудник Института государства и права РАН, адвокат, директор Центра правовой защиты интеллектуальной собственности

ПОПЕЧИТЕЛЬСКИЙ СОВЕТ

ПОТАНИН Владимир Олегович (председатель)	президент холдинговой компании «Интеррос»
ВАЙНШТОК Семен Михайлович	президент компании ОАО «АК «Транснефть»», академик Академии горных наук
ВАРДАНЯН Рубен Карленович	президент группы компаний «Тройка-Диалог»
ВЕКСЕЛЬБЕРГ Виктор Феликсович	президент ОАО «СУАЛ-Холдинг»
ГЕНЕРАЛОВ Сергей Владимирович	председатель совета директоров Ассоциации по защите прав инвесторов
ЕВТУШЕНКОВ Владимир Петрович	к. э. н., академик Российской инженерной академии, академик Международной академии связи, заслуженный деятель науки РФ, председатель совета директоров АФК «Система»
КУЗЫК Борис Николаевич	член-корреспондент РАН, профессор, заслуженный деятель науки РФ, генеральный директор холдинговой промышленной компании «Новые программы и концепции», президент Института экономических стратегий
КУЗЯЕВ Андрей Равелевич	президент «ЛУКОЙЛ Оверсиз Холдинг Лтд.»
ОКУЛОВ Валерий Михайлович	генеральный директор ОАО «Аэрофлот», член совета ГСГА, член совета управляющих <i>IATA</i> , член совета директоров ОАО «Аэрофлот»

Подписка в России, СНГ и странах Балтии по каталогу «Роспечать»,
индексы: 46708, 46709, 46710

Подписка в России и СНГ по каталогу «Пресса России»,
индексы: 15577, 11119, 16497.

Подписка на Украине, по каталогу «KSS», тел. +38(044) 464-0235

РЕДАКЦИОННАЯ ПОДПИСКА НА АНГЛО- И/ИЛИ РУССКОЯЗЫЧНОЕ ИЗДАНИЕ НА ТЕРРИТОРИИ РОССИИ

- заполните квитанцию и оплатите в любом отделении Сбербанка РФ
- заполните подписной купон и пришлите его вместе с квитанцией об оплате (или ее копией) по факсу: (095) 937-7611, по E-mail: subscribe@globalaffairs.ru или письмом по адресу:

АНО РИД «Глобус» 103873, Москва, ул. Моховая, д. 11, стр. 3 «В»

Цена одного номера получение в редакции – **180 руб.**

(русскоязычное издание): с доставкой (заказным письмом) – **230 руб.**

Цена одного номера получение в редакции – **250 руб.**

(англоязычное издание): с доставкой (заказным письмом) – **300 руб.**

Цены даны с учетом НДС.

	<p>АБОНЕМЕНТ на газету журнал</p> <div style="text-align: right;"> <input style="width: 100px; height: 20px;" type="text"/> <small>индекс издания</small> </div> <p style="text-align: center;">Россия в глобальной политике</p> <p style="text-align: center;"><small>(наименование издания)</small></p> <div style="text-align: right;"> <input style="width: 100px; height: 20px;" type="text"/> <small>Количество комплектов</small> </div> <p style="text-align: center;">на 2006 год по месяцам</p> <table border="1" style="width: 100%; text-align: center; border-collapse: collapse;"> <tr> <td>1</td><td>2</td><td>3</td><td>4</td><td>5</td><td>6</td><td>7</td><td>8</td><td>9</td><td>10</td><td>11</td><td>12</td> </tr> <tr> <td> </td><td> </td><td> </td><td> </td><td> </td><td> </td><td> </td><td> </td><td> </td><td> </td><td> </td><td> </td> </tr> </table> <p>Куда <input style="width: 100%; height: 20px;" type="text"/></p> <p style="text-align: center;"><small>Почтовый индекс (адрес)</small></p> <hr/> <p>Кому _____</p> <p style="text-align: center;"><small>(фамилия, инициалы)</small></p>	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12																
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12																		
	<p style="text-align: right;">ДОСТАВОЧНАЯ КАРТОЧКА</p> <table border="1" style="width: 100%; text-align: center; border-collapse: collapse;"> <tr> <td style="width: 20%;"><small>ПВ</small></td> <td style="width: 20%;"><small>место</small></td> <td style="width: 20%;"><small>литер</small></td> <td style="width: 40%;"></td> </tr> </table> <p>на газету журнал</p> <div style="text-align: right;"> <input style="width: 100px; height: 20px;" type="text"/> <small>индекс издания</small> </div> <p style="text-align: center;">Россия в глобальной политике</p> <p style="text-align: center;"><small>(наименование издания)</small></p> <p>Стоимость подписки _____ руб. _____ коп. Количество комплектов _____</p> <p style="text-align: center;">на 2006 год по месяцам</p> <table border="1" style="width: 100%; text-align: center; border-collapse: collapse;"> <tr> <td>1</td><td>2</td><td>3</td><td>4</td><td>5</td><td>6</td><td>7</td><td>8</td><td>9</td><td>10</td><td>11</td><td>12</td> </tr> <tr> <td> </td><td> </td><td> </td><td> </td><td> </td><td> </td><td> </td><td> </td><td> </td><td> </td><td> </td><td> </td> </tr> </table> <p>Куда <input style="width: 100%; height: 20px;" type="text"/></p> <p style="text-align: center;"><small>Почтовый индекс (адрес)</small></p> <hr/> <p>Кому _____</p> <p style="text-align: center;"><small>(фамилия, инициалы)</small></p>	<small>ПВ</small>	<small>место</small>	<small>литер</small>		1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12												
<small>ПВ</small>	<small>место</small>	<small>литер</small>																											
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12																		

В Москве журнал можно приобрести в магазинах:

«РОССПЭН»

- «Книжная лавка историка» ул. Б. Дмитровка, 15 (тел.: 200-5007)
- «Книжная лавка обществоведа» Нахимовский пр-т, 51/21 (тел.: 332-4725)
- «Книжный киоск РОССПЭН» ул. Дм. Ульянова, 19 (тел.: 126-9418)
- «Ad Marginem» 1-й Новокузнецкий пер., 5/7 (тел.: 951-9360)
- «Политическая книга» ул. М. Дмитровка, 3/10 (тел.: 200-3694)
- В киосках «МН-Пресс»
- 1-й подъезд Российской Государственной Библиотеки
- В киоске «Деловые люди» 1-ая Тверская-Ямская ул., 1
- В киосках МГУ, МГИМО (У), РУДН, МИРЭА
- Клуб «Проект О.Г.И» Потаповский пер., 8/12, стр.2 (тел.: 927-5609)

В Санкт-Петербурге:

- «Летний сад», Большой пр. П.С., 82 (тел.: (812) 232-2104)
- «Русское богатство» (магазин при РХГИ)
Наб. Р. Фонтанка, 15 (тел.: (812) 310-5036)
- «Книжный магазин» Лесной пр., 8 (тел.: (812) 541-8639)

Интернет-магазин: www.setbook.ru

Все ранее вышедшие номера журнала можно заказать в редакции для получения по почте наложенным платежом, связавшись с нами по телефону 937-7611 или по e-mail: subscribe@globalaffairs.ru

ПОДПИСКА НА АНГЛО- И/ИЛИ РУССКОЯЗЫЧНОЕ ИЗДАНИЕ ЗА РУБЕЖОМ

■ Через ЗАО «МК-Периодика»
или фирмы-партнеры ЗАО «МК-Периодика»
Подписной индекс в каталоге «МК-Периодика»: **10877**

ЗАО «МК-Периодика»
129110, Москва, ул. Гиляровского, 39
Тел.: (495) 681-9137, 681-9763
Факс: (495) 681-3798
E-mail: info@periodicals.ru <http://www.periodicals.ru>

■ Через фирму **East View Publications**

Подписной индекс в каталоге — для русскоязычного издания: **14216**
для англоязычного издания: **14464**

East View Publications
3020 Harbor Lane N.
Minneapolis, MN 55447, USA
Tel: 1-763-550-0961
Fax: 1-763-559-2931
E-mail: eastview@eastview.com
<http://www.eastview.com>

ПОДПИСНОЙ КУПОН для физических лиц

ПОДПИСНОЙ КУПОН

Ф.И.О. получателя (полностью) _____

Период подписи: I полугодие январь - февраль март - апрель май - июнь

II полугодие июль - август сентябрь - октябрь ноябрь - декабрь

Форма доставки получение в редакции
нужное подчеркнуть заказным письмом

Почтовый адрес (с индексом) _____

Телефоны (код) _____

E-mail _____

Идентификационный номер (ИНН) _____

Количество экземпляров _____

Внимание!

Не забудьте указать в подписном купоне точный почтовый индекс, адрес, по которому вы хотите получать журнал, и ваш номер телефона (для оперативной связи).

Извещение

Форма № **пд-4**

«Фонд исследований мировой политики»

(наименование получателя платежа)

ИНН 7706617302

(ИНН получателя платежа)

№ _____ № р/с 40703810700410000002

(номер счета получателя платежа)

в ОАО «ИНВЕСТСБЕРБАНК», г. Москва

(наименование банка и банковские реквизиты)

к/с 30101810000000000311

БИК 044525311

Подписка на журнал "Россия в глобальной политике"

(наименование платежа)

Сумма платежа _____ руб. _____ коп.

Сумма платы за услуги _____ руб. _____ коп.

Итого _____ руб. _____ коп.

Кассир

Квитанция

Форма № **пд-4**

«Фонд исследований мировой политики»

(наименование получателя платежа)

ИНН 7706617302

(ИНН получателя платежа)

№ _____ № р/с 40703810700410000002

(номер счета получателя платежа)

в ОАО «ИНВЕСТСБЕРБАНК», г. Москва

(наименование банка и банковские реквизиты)

к/с 30101810000000000311

БИК 044525311

Подписка на журнал "Россия в глобальной политике"

(наименование платежа)

Сумма платежа _____ руб. _____ коп.

Сумма платы за услуги _____ руб. _____ коп.

Итого _____ руб. _____ коп.

Кассир

ПОДПИСНОЙ КУПОН для юридических лиц

ПОДПИСНОЙ КУПОН

Наименование организации _____

Период подписки: I полугодие январь - февраль март - апрель май - июнь

II полугодие июль - август сентябрь - октябрь ноябрь - декабрь

Форма доставки **получение в редакции**
заказным письмом

Юридический адрес _____

Почтовый адрес (с индексом) _____

Телефоны (код) _____ Факс (код) _____

E-mail _____

P/c _____

Идентификационный номер (ИНН) _____

Количество экземпляров _____

Ответственное лицо (Ф.И.О.) _____

Внимание!

Не забудьте указать в подписном купоне точный почтовый индекс, адрес, по которому вы хотите получать журнал, и ваш номер телефона (для оперативной связи).

С условиями приема указанной в платежном документе суммы, в т.ч. с суммой взимаемой платы за услуги банка, ознакомлен и согласен

" " 20 г. _____
(подпись плательщика)

Информация о плательщике

(Ф.И.О., адрес плательщика)

(ИНН)

№ _____

(номер лицевого счета (код) плательщика)

С условиями приема указанной в платежном документе суммы, в т.ч. с суммой взимаемой платы за услуги банка, ознакомлен и согласен

" " 20 г. _____
(подпись плательщика)

Информация о плательщике

(Ф.И.О., адрес плательщика)

(ИНН)

№ _____

(номер лицевого счета (код) плательщика)